

62.3(2 2078)

И 90

ИСТОРИЯ СЕСТРОРЕЦКА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

ТОМ II

**СЕСТРОРЕЦК
И ЕГО
ОКРЕСТНОСТИ
В XIX ВЕКЕ**

*Сестрорецк
2007*

132320/1

Абонемент

Генеральный план
Восточного Сибирского завода и окрестностей.

- 16. Дорога в окрестности для хранения лесных материалов.
- 17. Михайловские буржуйные котельни.
- 18. Магазины для хранения заводского оборудования.
- 19. Ворота для хранения казенного скота.
- 20. Караулка у казенных дворов.
- 21. Дорога для перевозки лесных материалов.
- 22. Дровянный двор Московского ведомства.
- 23. Плотина для спуска воды.
- 24. Место урны заводской руды свинца.
- 25. Земля Прованского Сибирского.
- 26. Место урны руды.

- Список
- 1. Заводские строения завода.
 - 2. Казенная Усадьба Общества Копра и Набца.
 - 3. Дровянная Усадьба Общества.
 - 4. Казенная 3^я старшая казарма.
 - 5. Кухня.
 - 6. Двор Казенной Казармы.
 - 7. — Кухня Казенной Казармы.
 - 8. — Кухня Кухонной.
 - 9. — Кухня Арсенала.
 - 10. — Кухня Арсенала.
 - 11. — Усадьба Кухонной.
 - 12. — Усадьба Кухонной.
 - 13. — Усадьба Кухонной.
 - 14. — Усадьба Кухонной.
 - 15. — Усадьба Кухонной.

I. II. III. IV.
Составлены планы для представления различным отделам министерства.

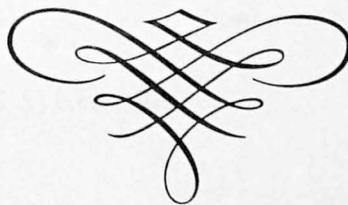
Исполнительный директор
Сибирского
Завода

63,3(2-2СН8)
1190

ИСТОРИЯ СЕСТРОРЕЦКА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

ТОМ II
СЕСТРОРЕЦК
И ЕГО
ОКРЕСТНОСТИ
В XIX ВЕКЕ

Абонемент

7

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОСТРОВ

2007

132320/

ГУК "ЦБС Курортного района"
Санкт-Петербурга

ЧИТАЛЬНЫЙ
ЗАЛ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. М. Зощенко
ГУК "ЦБС Курортного района" Санкт-Петербурга
197701, г. Сестрорецк,
ул. Токарева, 7 тел. 434-7157

ИЗДАНИЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО СОВЕТА СЕСТРОРЕЦКА

Редакционная коллегия:

Л.И.Амирханов, Р.Н.Гараева, О.Г.Растворова

УДК 94 (47)

ББК 63,3 (2-2 Санкт-Петербург)

И90

И90 «История Сестрорецка и его окрестностей». Том II. /СПб.:

Издательство «ОСТРОВ», 2007. — 224 с.

ISBN 978-5-94500-054-4

Вторая книга четырехтомника «История Сестрорецка и его окрестностей» охватывает не только XIX, но и в некоторых случаях возвращается в век XVIII.

Как и в первом томе, первая часть второго посвящена геологическим особенностям развития Сестрорецка, вторая — Сестрорецкому Оружейному заводу.

Кроме того, в книге рассказывается и о других сторонах жизни Сестрорецка.

224 с. с илл.

(схемы, планы, карты, фотографии)

УДК 94 (47)

ББК 63,3 (2-2 Санкт-Петербург)

© Издательство «ОСТРОВ», 2007

© Авторский коллектив:

Амирханов Л.И., Гараева Р.Н., Дорогин В.А.,

Растворова О.Г., Ренни С.В., Ривкин Б.Е.,

Рудакова Л.П., 2007

© Краеведческий центр Центральной библиотеки им. М.М. Зощенко ЦБС Курортного района, 2007

© Оригинал-макет и оформление обложки —

ISBN 978-5-94500-054-4 *Калашников Б.О., 2007*

Уважаемые читатели!

Прошел год, и мы рады представить Вам второй том «Истории Сестрорецка и его окрестностей». Он посвящен событиям, произошедшим в Сестрорецке в XIX веке. И геологическая история нашего города, и развитие Сестрорецкого Оружейного завода, и создание Приморской железной дороги — все это важнейшие аспекты, понимание которых позволяет не только правильней строить нашу работу. Главное — воспитание гордости за наш край, уважения к нашим предкам. Заканчивается второй том рассказом о предпосылках создания знаменитого Сестрорецкого курорта. Эта тема станет одной из основных в третьем томе.

*Глава муниципального образования город Сестрорецк —
Председатель Муниципального Совета
А.В.ВИШНЕВСКИЙ*

**Инициаторами издания четырехтомной
«Истории Сестрорецка и его окрестностей»
являются депутаты Муниципального Совета Сестрорецка третьего созыва —
Глава муниципального образования город Сестрорецк —
Председатель Муниципального Совета А.В.Вишневский,
депутаты В.Н.Анисимов, А.А.Ваймер, М.М.Дервянко, Ю.М.Докиш,
В.В.Матвеев, Н.М.Начкепия, В.А.Пахрамова, В.К.Скорняков, Т.С.Федюнина,
а также Местная Администрация муниципального образования —
Глава Местной Администрации А.В.Каюков,
советник главы МО В.М.Михайлов,
начальник отдела Д.Г.Воднев.**

Введение

*Россия, Россия, Россия святая,
Березкой стоишь на ветру...
Судьба у тебя далеко не простая,
Туманом плывет поутру...*

В. Финагенов

Второй том «Истории Сестрорецка и его окрестностей» охватывает исторический период всего XIX века. В книге кратко дается картина развития народонаселения региона, экономики, изменения ландшафтов в XIX веке. События этого столетия — смена четырех монархов, нашествие Наполеона, Крымская война и ряд войн за раздел или присоединение новых территорий, развитие промышленности, крах крепостнической системы, зарождение капитализма в Российской империи не могли пройти мимо небольшого военного поселения Сестрорецк и его окрестностей.

Каждая война давала заказы на производство оружия, улучшала рентабельность завода, в некоторой степени способствовала неумолимому прогрессу в производстве. Большое внимание уделяется не только военному производству, но и условиям труда и быта заводских крестьян, приписанных к Адмиралтейскому ведомству. События Крымской войны ударили по Сестрорецку не только в переносном, но и в прямом смысле — селение подверглось артиллерийскому обстрелу объединенной англо-французской эскадры.

Результатом всех событий XIX века стали рост самосознания населения, грамотности, в некоторых случаях — облегчение условий труда и жизни. Сестрорецкий оружейный завод за указанный период пережил несколько взлетов и падений в производстве, сохраняя при этом костяк выдающихся мастеров и свою школу ученичества, из которой вышли многие известные военные специалисты XX века. Вершиной достижений завода в XIX веке стало создание знаменитой трехлинейки Мосина, как любовно назвали в народе винтовку системы С. И. Мосина образца 1891 года. В книге описана также судьба русских поселений на Карельском перешейке в пределах Великого княжества Финляндского, на бывших владениях Сестрорецкого оружейного завода.

Авторский коллектив сохранил многие рубрики первого тома. Так, в книге говорится о бывшей петровской резиденции «Дубки» и о состоянии петровской дубовой рощи в XIX веке, об экологических проблемах, возникших в селении Сестрорецк уже в то время, в частности о нашествии песков.

Со строительством железной дороги в Сестрорецке и окрестностях зарождается летняя дачная жизнь, прообраз будущей курортной системы. В конце века открывается Сестрорецкий Курорт, о расцвете которого речь пойдет в третьем томе настоящего издания.

И хотя второй том посвящен XIX веку, нам приходилось возвращаться в век XVIII и даже заглядывать в век XX. Нам кажется, что это объективный процесс. Например, в первом томе в силу ряда причин о культовых сооружениях Сестрорецка было сказано слишком мало. А в главах, написанных О. Г. Растворовой, возврат в XVIII необходим для лучшего понимания происходивших процессов.

К сожалению, по объективным причинам не удалось обработать все намеченные для настоящего тома архивные данные. Авторы продолжают поиск, и в последующих изданиях имеющиеся пробелы будут восполнены. В частности, будет приведен перечень сестрорецких рабочих династий, иностранных специалистов, работавших в Сестрорецке в XVIII—XIX веках, и других выдающихся деятелей дореволюционного периода.

Мы с благодарностью примем во внимание новые достоверные сведения по истории Сестрорецкого заводского поселения, любые материалы из семейных архивов.

Авторы выражают искреннюю благодарность коллективу Центральной библиотеки им. М. М. Зощенко ЦБС Курортного района, а также депутатам и Администрации муниципального образования города Сестрорецк за неоценимую помощь в подготовке и издании этой книги.

Приглашаем к сотрудничеству всех краеведов и истинных патриотов Курортного района!

Авторский коллектив

**СЕСТРОРЕЦК
И ЕГО
ОКРЕСТНОСТИ
В XIX ВЕКЕ**

Общие закономерности развития региона¹

Этапы освоения и развития региона

Для Сестрорецка и его окрестностей, как и для всего Карельского перешейка и Петербургской губернии в целом, XIX век был *периодом подстоличного развития*. Напомним, что *подстоличной территорией* рассматриваемый регион был с начала XVIII века по 20-е годы XX века. В этом периоде четко выделяются три этапа: *ранний* (1703 – 1770-е годы), *средний*, аграрный (1770 – 1850-е годы) и *завершающий*, индустриальный (1860 – 1920-е годы). Собственно на XIX век приходятся средний и завершающий этапы этого периода. В чем их специфика и чем они отличаются от раннего этапа?

Как известно, на *раннем этапе* была реализована идея «окна в Европу», построены Санкт-Петербургская и Кронштадтская крепости и другие укрепления, осуществлялись реформы Петра I, развивалась *промышленность*, ориентированная в основном на *военные нужды*, в частности, был создан и активно работал Сестрорецкий оружейный завод. (См. материалы на эту тему в I томе «Истории Сестрорецка и его окрестностей»). Появились *промыслы*, обслуживавшие нужды новой столицы. Резко изменился *характер освоения территории региона* по сравнению с допетровской порой: на прилегавших к Петербургу землях *росли численность и плотность населения*, появились *поселения нового типа* — рабочие слободы при заводах (Сестрорецком, Колпинском). Шла *перекройка системы землевладения* (до $\frac{3}{4}$ земель стало принадлежать членам царского дома, большие наделы были отданы дворянам). Были созданы *новые транспортные пути* (в основном водные), и соответственно возникли новые оси расселения. Изменились как *функции ландшафтов*, которые стали источником промышленного сырья, строительных материалов, топлива, продовольствия для столицы, так и *типы воздействия* человека на ландшафты (сплошные рубки леса, открывая добыча стройматериалов, сооружение плотин, водохранилищ, судоходных каналов, осушение болот и др.). При этом экономическая роль сельского хозяйства в пригородных уездах несколько снизилась.

На *среднем этапе* появились качественные изменения в социально-экономическом развитии края. *Границы Российской империи* (после серии победоносных войн в

¹ Основным источником при составлении всех разделов этой главы была книга Г.А. Исаченко «Окно в Европу. История и ландшафты». СПб: Изд. СПбГУ. 1998. 474 с. Ссылки на другие источники приведены.

XVIII веке) *отодвинулись* более чем на 200 км к северу, и непосредственная угроза Петербургу с суши была устранена. Поэтому «милитаристская доминанта» в освоении региона сменилась более сбалансированным развитием экономики; замедлилось развитие военных производств. Произошло *окончательное обособление столицы* с ее сложившимся архитектурным обликом и инфраструктурой от окружающей территории, пригородные же уезды надолго превратились в сырьевой придаток Петербурга. Стабилизировался *этнический состав* в регионе. Весьма важные последствия для всей истории России имело присоединение части Карельского перешейка (так называемой Выборгской Карелии) в 1811 году к Великому Княжеству Финляндскому. После этого развитие региона происходило в *составе двух государственных образований с разным социально-политическим устройством*. Воздействие человека на ландшафты на этом этапе *непрерывно возрастало* в связи с ростом населения и широкомасштабным строительством, увеличением заготовок и экспорта леса. *Изменилась специализация сельского хозяйства*: в пригородных уездах оно целиком ориентируется на городской рынок, основной товарной отраслью становится молочное животноводство, что приводит к увеличению доли сенокосов и пастбищ. Применяются *новые виды интенсивного воздействия на ландшафты* для получения новых площадей высокопродуктивных сенокосов и других постоянных угодий (спуск озер в бассейне Вуоксы, регулярные осушительные работы на Приневской низине). Антропогенные изменения ландшафта затрагивают в этот период не только растительный и почвенный покров, но и *более стабильные компоненты ландшафта*: поверхностные и грунтовые воды, рельеф, верхние слои горных пород. Однако влияние промышленности на природу на этом этапе было еще относительно невелико.

Во второй половине XIX века начался *завершающий этап подстоличного развития* региона. Этот этап связан с развитием тяжелой промышленности и формированием сети железных дорог с 1851 по 1917 год (год окончания строительства дороги Петербург — Хиттола), что дало толчок индустриализации и урбанизации территории. Главные особенности этого этапа: *перераспределение земель* между владельцами после реформы 1861 года (с сосредоточением большей части сельскохозяйственных земель в руках крестьян, а лесов — в руках дворянства и купечества); формирование *рынка купли-продажи земли, массовая скупка и сведение лесных массивов*. Происходило также масштабное *осушение болот не только в пригородах*, но во всех уездах Петербургской губернии. Еще одна важная особенность этого этапа — *массовое летнее переселение* обеспеченной части горожан на загородные дачи в связи с резким ухудшением качества городской среды; *рекреация становится фактором ощутимого площадного воздействия на пригородные ландшафты*; идет повсеместное строительство дач, образующих целые поселки. Увеличиваются *контрасты в степени освоенности* внутри региона: миллионный Петербург и немногочисленные промышленные центры (Выборг, Сестрорецк) с одной стороны, и очень слабо заселенные терри-

тории (Юго-западное Приладожье) — с другой. Этот этап развития нашего региона охватывает не только всю вторую половину XIX века, — его концом являются 1920-е годы, когда Петроград перестал быть столицей.

Таким образом, мощнейшим импульсом развития региона стал перенос столицы в Санкт-Петербург, осуществленный Петром I в 1712 году. Сестрорецк оказался почти в центре «подстоличной» территории.

Политико-административное деление региона в XIX веке

Границы региона и ландшафтных районов. Границы бывшей подстоличной территории в основном совпадают с границами современной Ленинградской области (исключая восточные районы). Этот регион, прилегающий к побережью Финского залива и Ладожского озера и потому образно называемый «окном в Европу», включает три исторические области: Выборгскую Карелию, Ингерманландию и Южное Приладожье (см. схему на рис. 3).

В пределах этой территории выделяется 20 ландшафтных районов (рис. 1) с определенными сочетаниями типов ландшафтов, различающихся по рельефу, геологическим особенностям, степени увлажнения, растительности и соответственно требующих разного хозяйственного использования. На Карельском перешейке выделено 9 ландшафтных районов².

В Выборгском районе (1) и Северо-западном Приладожье (2) преобладают: сельговый ландшафт (вытянутые гряды с относительной высотой 5-50 м, сложенные плотными кристаллическими породами), а также слабоволнистые равнины, озерные и морские террасы на безвалунных глинах и суглинках, естественно и искусственно дренируемые.

В Северо-Приморском (3), Нижне-Вуоксинском (4), Отрадненском (5) районах и в Юго-западном Приладожье (6) доминируют равнины: волнистые террасированные на безвалунных песках и супесях, естественно дренируемые, а также слабоволнистые либо плоские на песках и супесях, длительно переувлажненные, со слоем торфа менее 0,5 м.

Для Верхнеохтинского района (Центральная возвышенность, 13) характерны волнистые и платообразные равнины на морене (валунных супесях и суглинках), иногда с прослоями песков, естественно дренируемые, а также слабоволнистые и плоские равнины на морене, длительно избыточно увлажняемые, с маломощным торфом. В Лемболовском районе (17) и на Колтушской возвышенности (18) преобладает камовый ландшафт: округлые холмы и вытянутые гряды, сложенные безвалунными и галечными песками, естественно дренируемые, а также волнистые террасированные равнины на безвалунных песках и супесях, естественно дренируемые.

Наконец, на Приневской низине и прилегающих к ней прибрежьях Финского за-

² Порядковые номера ландшафтных районов (№№ 1-20) те же, что на картосхеме (рис. 1).

Рис. 1. Ландшафтная дифференциация подстольничей территории.
Цифрами 1-20 на карте обозначены номера ландшафтных районов по Г.А.Исаченко.
Пояснения - в тексте

лива (11), в частности, в районе Сестрорецка, представлены слабоволнистые равнины, озерные и морские террасы на безвалунных глинах и суглинках, естественно и искусственно дренируемые, и плоские равнины и террасы на безвалунных глинах и суглинках, длительно естественно переувлажняемые и искусственно дренируемые.

«Вечное приграничье». Изменение политико-административных границ в регионе с 1323 по 1938 год показано на рис. 2. Наиболее длительным и «привычным» для местности близ реки Сестры был статус пограничного района России. По реке Сестре в разное время проходила то государственная граница России со Швецией (с 1323 по 1617 год) или Финляндией (1918 – 1939 г.), то граница Петербургской и Выборгской губерний (в XVIII веке), то граница Петербургской губернии с российской автономией – Великим Княжеством Финляндским (1811 – 1918 г.).

Рис. 2. Изменение политико-административных границ с XIV по XX в.

Границы: 1 — по Ореховецкому договору 1323 г. между Новгородом и Швецией; между Новгородом (впоследствии Московской Русью) и владениями Ливонского ордена (XV — середина XVI в.); 2 — по Тявзинскому договору 1595 г. между Россией и Швецией; 3 — по Столбовскому договору 1617 г. между Россией и Швецией; 4 — по Ништадтскому договору 1721 г. между Россией и Швецией; 5 — по Выборгскому договору 1609 г. между Россией и Швецией; России и Великому княжеству Финляндского (1811-1917 гг.); Финляндии и СССР (1918-1940 гг.); 6 — Эстонии и СССР по Тартускому договору 1920 г. (в 1940-1945 гг. между Эстонской ССР и РСФСР); 7 — Ленинградской обл. и Карело-Финской ССР (1940-1944 гг.); 8 — государственные границы на 1998 г. Населенные пункты: 9 — существующие (в скобках прежние названия); 10 — исчезнувшие; 11 — территория Петербурга в границах до 1997 г. 12 — пограничные знаки. Цифрами на карте обозначены: 1 — р. Сестра; 2 — р. Волчья; 3 — р. Смородинка; 4 — р. Кожича; 5 — р. Вьюн; 6 — р. Нарва; 7 — р. Плюсса; 8 — Эстония.

Примечания: 1. На территории Российской Федерации указаны названия историко-географических областей. 2. Район Сестрорецка в 1811-1864 гг. входил в состав Великого княжества Финляндского

Район Сестрорецка не был приграничной территорией только сто с небольшим лет, когда вместе со всем Карельским перешейком и Ингерманландией он был внутренней территории Швеции. Началом шведского владычества был 1617 год («кабальный» Столбовской договор со Швецией), концом — 1721 год триумфального Ништадтского мира, принесшего Петру I императорский титул.

Как известно, при преемниках Петра I войны со Швецией продолжались. После победы в одной из них (1741—1743 гг.) императрица Елизавета возродила наименование *Финляндского княжества* (герцогства), существовавшего в составе Швеции с XIV века, и своим манифестом зародила мысль о создании на этих землях отдельного государства. Последняя война со Швецией закончилась в 1809 году присоединением к России так называемой *Новой Финляндии*, т.е. почти всех финских земель, включая Аландские острова.

Название же *Старой Финляндии* закрепилось за территорией на Карельском перешейке, отошедшей к России по Ништадтскому договору 1721 года (см. линию «4» на рис. 3), а затем и по договору в г. Або 1743 года, когда граница прошла еще дальше на северо-запад, по реке Кюмийоки. На территории Старой Финляндии были созданы особо управляемые единицы, а с 1744 г. была образована *Выборгская губерния* с шестью уездами. В Старой Финляндии были сохранены шведские законы, судебная и налоговая системы, официальный шведский язык и церковное управление. Однако многие земли со времен Петра I были переданы в дар за ратные заслуги русским военачальникам. Новые хозяева и особенно их потомки устанавливали здесь крепостнические порядки (фактически крепостными стали и жители земель, приписанных к Сестрорецкому заводу)³. Кроме того, до 1744 года в обязанность финских жителей входило содержание в своих домах русских солдат. Все это вызывало нарастающее недовольство населения. В 1809 году, после того как вся Финляндия была полностью оккупирована русскими войсками, народное сопротивление грозило перейти в партизанскую войну. Поэтому Александр I пошел на компромисс. Еще до заключения мира со

Император Александр I.
Художник Ф.Крюгер

³ См. главу «Собственность Сестрорецкого оружейного завода в окрестностях Северной столицы»

Швецией он созвал сейм в городе Борго, на котором была подписана «Великая хартия». Царь гарантировал стране признание ее конституции и религии, после чего все сословия Финляндии приняли присягу на верность ему как Великому князю Финляндскому. В том же 1809 году, 17 сентября, в городе Фридрихсгамне (Хамина) был заключен мирный договор между Россией и Швецией, закрепивший присоединение Финляндии к России. При этом Финляндия (Великое Княжество Финляндское) получила совершенно особый государственно-правовой строй с атрибутами автономии (конституция, всесословный парламент-сейм, свой язык — до 1863 года шведский, позже — шведский и финский). «Щедрость» Александра I была небескорыстной и принесла России большую пользу. Во-первых, Финляндия, получив из его рук автономию, которую едва ли приобрела бы под шведской короной, стала дружественной. Во-вторых, успехи русской дипломатии способствовали заключению в апреле 1812 года *союзного договора* России со Швецией, которая, вопреки ожиданиям Наполеона, не выступила его союзником в войне против России. Попутно следует отметить, что не менее важная победа дипломатии была одержана тогда же в переговорах с Турцией, которая 28 мая 1812 года подписала с М.И. Кутузовым Бухарестский мирный договор. Таким образом, расчет Наполеона на то, что России придется вести войну против пяти государств (Швеции на севере, Турции на юге, Франции, Австрии и Пруссии — на западе) не оправдался.

С 1811 года в состав Финляндского княжества вошла Выборгская губерния. Ее граница с Санкт-Петербургской губернией прошла в западной половине своего протяжения по рубежу 1323 года, в восточной — по границе 1609 года. Эта граница между автономным Княжеством Финляндским и остальной Россией *окончательно сформировалась как историко-географический рубеж* (контур 5 на рис. 3). Ту часть Карельского перешейка, что лежит к северу от этой границы, будем называть вслед за Г.А. Исаченко *Выборгской Карелией*. Передача этой территории Финляндскому княжеству облегчила положение местных крестьян, прекратив безраздельное господство русских помещиков. Однако новое административное деление сильно ущемляло интересы Сестрорецкого завода, который лишался не только даровой рабочей силы, но и лесных угодий в Кивенаппской волости.

Был еще один неприятный для Сестрорецка «побочный эффект» создания автономного княжества (Балашов, 1996). «Унаследованная» в 1811 году граница 1323 года, проходившая по реке Сестре, начиналась не от устья, а несколько южнее его — от некоей точки на берегу Финского залива между нынешними поселками Тарховка и Александровская. По некоторым данным, здесь ранее проходило засыпанное впоследствии русло одного из рукавов Сестры. Граница шла вдоль него к изгибу реки, находящемуся ныне на дне озера Разлив, и далее к истоку реки Сестры. Когда в XVIII веке искусственное озеро сформировалось, между ним и Финским заливом остался перешеек шириной менее 1 км. На этой полоске суши участок границы со-

*Император Александр II
в мундире Финской Гвардии*

хранялся с 1811 по 1864 год. Он был рубежом между Великим Княжеством Финляндским и Петербургской губернией, там существовал пограничный пост с таможней. Сестрорецкий завод вместе с рабочей слободой (будущим городом Сестрорецком) оказался на землях Финляндии, что создавало большие неудобства для жителей и завода. В 1864 году по повелению Александра II прибрежная территория площадью 14 квадратных километров вместе с Сестрорецком была присоединена к Петербургской губернии. В качестве компенсации Финляндии была обещана область Петсамо (Печенга) в Лапландии, однако Финляндия получила ее только в 1920-е годы.

В целом создание в начале XIX века автономного Княжества Финляндского имело позитивные последствия для финской и российской стороны. Оно способствовало консолидации финской нации, росту ее экономического благосостояния и самосознания. В Выборгской губернии появились уездная и городская администрация, национальное чиновничество и

интеллигенция. Выборг вместе с Хельсинки и Або вошел в тройку крупнейших городов Финляндии. В России же во 2-й половине XIX — начале XX века Великое Княжество Финляндское и Выборг рассматривались как *форпост Западной Европы с ее демократическими традициями*. Российские социал-демократы и члены других радикальных политических партий широко пользовались преимуществами, предоставляемыми демократическим режимом автономной Финляндии, проводя там свои партийные съезды, скрываясь от царской охраны. Октябрьская революция 1917 года в числе многих последствий привела к признанию независимости Финляндии в границах Великого Княжества Финляндского (4 января 1918 года по новому стилю). В 30-ти километрах от Ленинграда оказалась уже государственная граница с «капстраной». Столица была перенесена в Москву, и более чем 200-летний период подстоличного развития региона закончился.

Народонаселение региона в XIX веке

Этнический состав населения. В XIX веке этнический состав и численность населения региона отражали всю предшествующую историю края, смену государственных границ на его территории. К середине XIX века на обширном пространстве Карельского перешейка к северу и востоку от Сестрорецка *русское население составляло меньшинство*, что было связано с прошедшими в регионе *большими этническими сменами*. Под большими этническими сменами обычно понимают переселения этнических групп численностью в десятки и сотни тысяч человек, малыми — не более 10 тысяч. За несколько столетий в регионе прошло *четыре* таких смены. Две из них к рассматриваемому периоду уже завершились, но их последствия еще сказывались и в XIX веке, две «зрели в его недрах» и пришлись на многострадальный XX век.

Напомним, что *первая* большая этническая смена, продолжавшаяся не менее 100 лет, охватила регион в конце XVI века в связи с усилением шведской экспансии. До этого, в начале XVI века, в восточной части Карельского перешейка, принадлежавшей Московской Руси, преобладали православные *карелы*, на втором месте были *русские*. Здесь, в Корельском уезде, у них были 3 прихода (погоста) с центрами в городе Корела (ныне Приозерск) и в селениях, которым соответствуют современные поселки Громово и Сосново. К югу от рек Сестра и Кожица в начале XVI века жили *ижора, воль, немного карел и русские*, но ни одна из этнических групп не образовывала компактных ареалов. Явное преобладание *русских* было только на Ижорской возвышенности и в левобережье Волхова. Считается, что распространенные на Ижорской возвышенности деревни с окончанием на *-ицы* или *-ица* приурочены к местам наиболее древнего славянского заселения.

В западной же части Карельского перешейка, принадлежащей после 1323 года Швеции, *русские почти отсутствовали*. Большинство жителей здесь составляли *карелы*, а также переселившиеся из Внутренней Финляндии финны — *хяме и суоми*, все они были обращены в католичество. *Шведов* в начале XVI века в западной части перешейка было несколько тысяч человек. Это были представители администрации и военные, жившие в крупных населенных пунктах, в основном в Выборге.

Первая большая этническая смена сводилась в основном к *замене карельского, русского и ижорского православного населения финским*, (к концу XVI века уже не католическим, а лютеранским). Бегство карел и в меньшей степени русских целыми деревнями и сельскими общинами началось при вторжениях шведов еще в 1580-е годы. Правда, после Столбовского мира (1617 г.) шведская сторона согласилась на постоянное проживание ранее перешедших на территорию Московского государства карел за солидный выкуп (шведы получили из Московской казны 190 тысяч рублей серебром). Всем переселенцам-карелам были даны льготы (право выбора участков для поселения и проживание в течение 10 лет без всяких повинностей).

Исход православного населения из-под шведского владычества был вызван как

экономическими причинами, так и религиозным и языковым притеснением. С православных шведы брали второй церковный налог — на содержание лютеранских церквей и духовенства. При официальном лозунге «Православный может свободно ходить в лютеранскую церковь» прихожане православной церкви считались агентами чужого государства. Всего с территории Карельского перешейка и из Карелии, по некоторым данным, эмигрировало тогда около 30000 человек. Примерно столько же убыло из Ингерманландии. Переселение шло в Тверскую землю (где образовалась этническая общность тверских карел), на север и северо-восток Псковской земли, в Олонецкий край и Прибеломорье. Тогда опустело огромное количество деревень и пришло в упадок сельское хозяйство. Шведские власти пытались заселить эти земли колонистами из Германии и Голландии, крестьянами из Швеции, но переселенцы не прижились. В дальнейшем проблему восстановления населения шведское правительство стало решать путем *земельных раздач*, предоставления налоговых льгот переселенцам из Внутренней Финляндии. Всего оттуда переселилось около 100 тыс. человек. Доля финского и карельского (лютеранского) населения возросла от 8% в 1623 до 72–74% к концу XVII века. Православного же населения во всем крае к концу XVII века было не более 20 тысяч человек.

Переселенцы из Финляндии в Ижорскую землю в XVI–XVII веках положили начало *новой этнической общности* — *ингерманландским финнам*. О них стоит сказать особо, потому что вплоть до XX века они были *доминирующей группой* на значительной части Петербургской губернии. Ингерманландские финны уже на ранней стадии подразделялись на *эвремейсов* и *саваков*. Первые были выходцами из крупного прихода на западе Карельского перешейка — *Эйряпяя* (Äyräpää). Насчет саваков, которые составляли около 60% всего финского населения региона, ясности нет. Их самоназвание как будто бы указывает на их происхождение из прихода Саво во Внутренней Финляндии, но из-за малочисленности они не могли сформировать самую крупную группу ингерманландских финнов. Кроме того, их диалект ближе к диалекту жителей восточной части Карельского перешейка. Возможно, что эвремейсы стали называть саваками всех переселенцев из иных мест, «не-эвремейсов», в том числе и выходцев из Саво, и это название было воспринято. Позднее в русском разговорном языке для ингерманландских финнов появляется название *чухонцы* (сохранившееся до наших дней), а также *маймисты*.

Этнокультурное сходство населения восточной и западной частей Карельского перешейка и северного Приладожья ведет начало с XVI-XVII века. Финны они или карелы? По официальной финской терминологии карелами называли всех лютеран — жителей Выборгской губернии. Однако это не совсем точно: население перешейка было сформировано не только карелами, но и выходцами из Внутренней и Западной Финляндии — бывшими племенами *хяме* и *суоми*, которые и привнесли традиции западного образца. Кроме того, язык основного населения Выборгской Карелии лишь на

Ингерманландские финны

диалектном уровне отличался от литературного финского языка, который складывался с XVI века. Наконец, в русском обиходе всё лютеранское население Выборгской губернии всегда называли финнами, а не карелами. Термин «финское население» использовался и в финской научной литературе для обозначения переселенцев в Ингерманландию в XVI-XVII веке, в том числе с запада Карельского перешейка. Поэтому более корректно (хотя и с некоторой долей условности) называть население Выборгской Карелии с XVII в. по 1940-й год *карельскими финнами*.

После первой этнической смены изменилась топонимика Выборгской Карелии. Начиная с XVII в. она стала полностью финской, причем иногда финские топонимы были кальками исходно русских. Так, Святое озеро стало Пюхяярви (современное Отрадное), озеро Сванское — Суванто (современное Суходольское) и др.

Вторая большая этническая смена была связана с переходом в начале XVIII века всей территории региона под власть России, что привело к абсолютному и относительному росту русского населения. Еще до окончания Северной войны в Ингерманландию и Южное Приладожье стали переселять жителей внутренних российских губерний для строительства новой столицы и пригородных резиденций, заводов, Ладожских каналов и др. Это были крестьяне, принадлежавшие членам царской семьи и сподвижникам Петра, получившим здесь обширные имения. Переселяли также мастеровых из русских дворцовых волостей (например, плотников по одному от каждых 27 дворов), мастеров с российских заводов (оружейников, рудознатцев и др.). Некото-

рую (небольшую) долю составляли и потомки тех ижорцев, води и русских, которые ранее вынужденно покинули родные места при шведском владычестве. Только в 1715-1726 годах было переселено более 4000 крестьянских дворов, т.е. не менее 20 тысяч человек. Переселенцы получали пахотную землю и сенокосы и на год освобождались от оброка. Позже землевладельцам было дано право брать в собственность предназначенные для новоселов земли, если они заселят их русскими крестьянами. После взятия в 1710 году Выборга и Кексгольма (Корелы) в Выборгской Карелии поселилось немало русских крестьян и горожан, но поток сюда был меньше, чем в Ингерманландию, и на севере Карельского перешейка вплоть до Зимней войны XX века преобладали карельские финны.

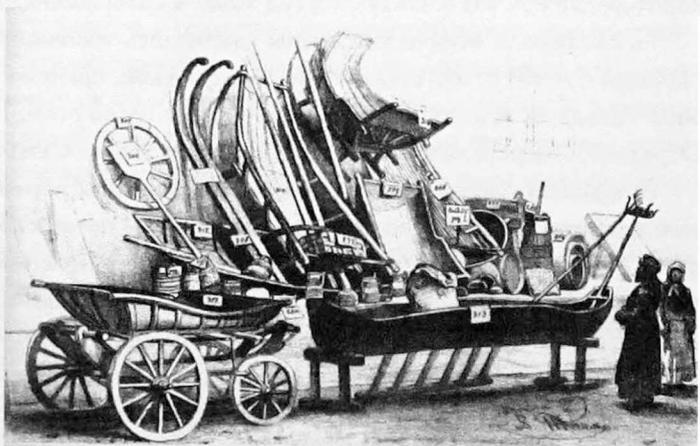
Во 2-й половине XVIII века этническую пестроту региона усилили *немцы*, первые колонии которых появились сразу после постановлений 1762 и 1763 годов о приглашении иностранных колонистов. В середине XIX века в губернии проживало 4 тысячи немецких колонистов, общее же число немцев в губернии было 12 тысяч (Кеппен, 1867).

В XIX веке этнический состав населения в регионе (за пределами собственно Петербурга) был довольно стабильным, происходили только *малые этнические смены*. Так, шло *переселение русских* в города Старой Финляндии, особенно на Карельском перешейке. К началу 1840-х годов из 12144 городских жителей Выборгской губернии 6182 были русскими (Кепп, 1992). Одновременно шла и противоположная миграция русских: после включения Выборгской Карелии в состав Великого Княжества Финляндского (1811 г.) часть живших здесь русских крестьян переселилась в другие губернии России. В последние десятилетия XIX века, после установления железнодорожного сообщения между Петербургом и Выборгом, возросла привлекательность и доступность «Северной Ривьеры», и поток русских туда резко усилился.

Первая выставка сельских произведений 1850 года

Крестьяне в нарядных праздничных одеждах на выставке. Первый пример выставочного фольклорного шоу

Сельские орудия на выставке

В корне изменились после присоединения Финляндии к России в 1809 году и пути миграции финляндского населения. Раньше они шли в Швецию, а теперь направились в Россию, где, как считалось, можно было хорошо заработать, особенно в Санкт-Петербурге. В 1897 году в российской столице проживало 17,6 тысяч финляндцев (финнов и отчасти шведов). Петербургские финны образовали как бы третий по численности (после Хельсинки и Выборга) финляндский город. В Петербургской губернии тогда же числилось 12076 финляндских (в том числе карельских) финнов. В деревнях Южной части Карельского перешейка (ныне Всеволожский район) к началу XX века до $\frac{1}{3}$ населения составляли «новые мигранты» — финны, выполнявшие в основном сезонные работы. Миграции финнов в Россию, где в XIX веке проживало около 1,5% населения Финляндии, сыграли важную роль в развитии ее культуры и экономики.

На рис. 3 представлена этнографическая карта Выборгской Карелии и Ингерманландии середины XIX века. Эта рукописная карта, составленная Кеппенем (1848 г.) и опубликованная Г.А. Исаченко (1998 г.), выявляет очень сложный, чересполосный рисунок расселения различных этнических групп в южной части Петербургской губернии.

На Карельском перешейке этот рисунок выглядит проще (особенно в северной части). В середине XIX века русские были здесь преобладающей нацией лишь в следующих ареалах: а) в полосе вдоль Финского залива от Лисьего Носа до Сестрорецка включительно; б) в районе Шувалово, Парголово, Левашово, Графская; в) вдоль западного побережья Ладожского озера от Шлиссельбурга до низовья р. Морья. Кроме того, на карте показаны еще два небольших ареала с преобладанием русских. Один из них был близ современного поселка Рошино (Райвола). Второй, более крупный, располагался севернее, у поселка Красносельское (бывшее Куугölä), между озерами Глубокое, Большое Раковое и Вишневское. На современной карте «Карельский перешеек (схема исторических и культурных памятников)» (1991 г.) показано, что на этом участке когда-то существовали православные храмы, построенные в 1725-1901 годах, и несохранившиеся селения Островки и Белая дача. Возможно, что другие, сохранившиеся русские поселки получили позже финские названия. Вне перечисленных ареалов имелись отдельные населенные пункты, где также преобладало русское население. Самым крупным из них был город Выборг.

Наиболее обширную территорию (северную часть Карельского перешейка, включая побережье залива почти до Сестрорецка) заселяли карельские финны. Центральную часть (включая возвышенность в районе Лемболово-Грузино-Токсово и с выходом к Ладоге) заселяли финны-эвремейсы, а два довольно крупных ареала (западнее «русского острова», в районе Парголово-Лахта-Белоостров, и восточнее, близ Колтушской возвышенности) — финны-саваки.

«Немецкие» поселения в основном были сосредоточены вдоль южного берега

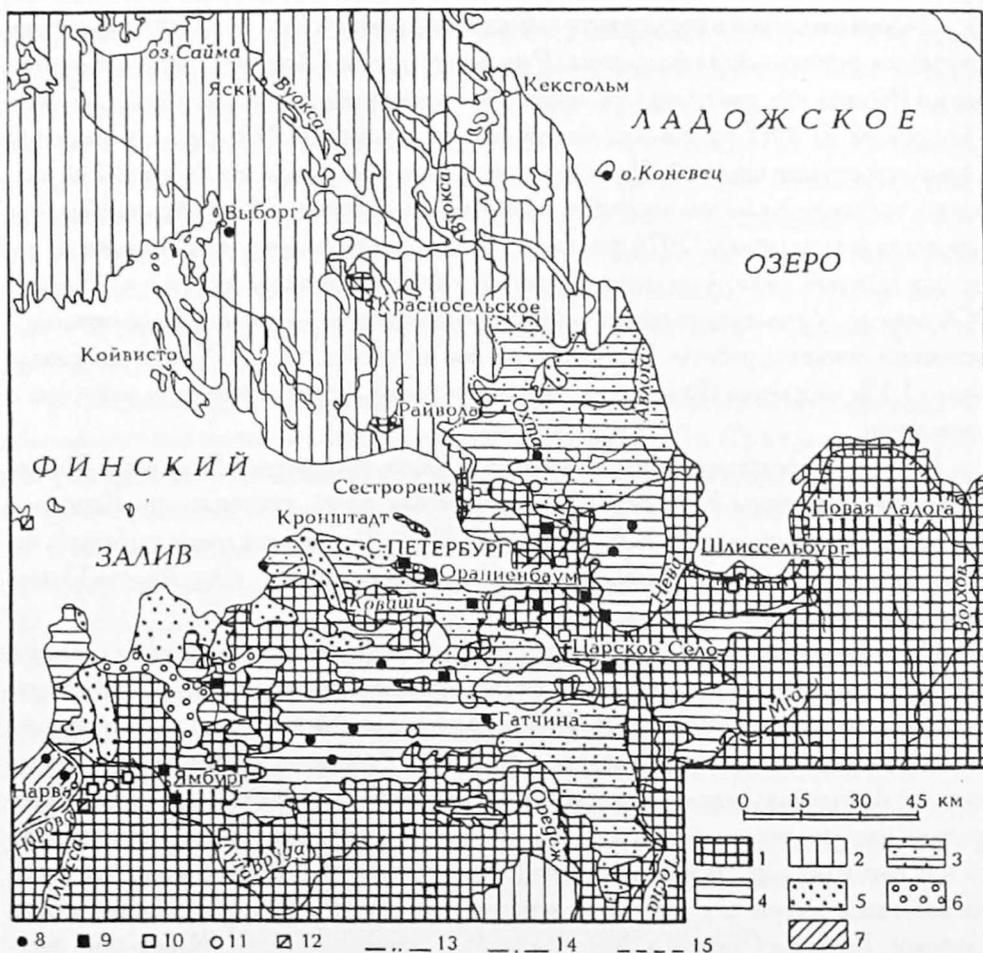

Рис. 3. Этнический состав населения (по «Этнографический атлас...». 1848)
 Ареалы преобладания: 1 — русских, 2 — карел (в основном финских), 3 — финнов-эврейцев,
 4 — финнов-саваков, 5 — ижор, 6 — води, 7 — эстонцев. Преобладание в отдельных
 населенных пунктах вне ареалов: 8 — русских, 9 — немцев, 10 — ингерманландских финнов
 (эврейцы + саваки), 11 — ижор, 12 — эстонцев. Границы: 13 — Великого княжества
 Финляндского, 14 — губерний России (середина XIX века), 15 — Санкт-Петербурга (1997).
 Подчеркнуты наваяния центров уездов Санкт-Петербургской губернии

Финского залива и на левобережье Невы, но встречались они и на правом ее берегу, на Карельской стороне.

Период относительной этнической стабильности в регионе продолжался до конца XIX в. Две самые объемные и сжатые во времени большие этнические смены последуют одна за другой уже в XX веке с его революциями и войнами.

Численность населения. В 1800 году численность населения в регионе была втрое выше, чем столетие назад. Последствия спада XVI века остались позади (см. табли-

цу). Появилось заметное количество городских жителей. За период с 1800 по 1900 год население региона выросло почти в 4 раза: с 550 тысяч более чем до 2 миллионов человек. Соотношение между городским и сельским населением за это время резко изменилось. К началу XIX века сельское население было чуть более многочисленным, чем всё городское население (вместе с Петербургом). В дальнейшем соотношение сдвигается в пользу городского, но главным образом за счет самого Петербурга; за его пределами число сельских жителей даже в 1900 году более чем вчетверо превышает число горожан.

Общая численность населения Петербургской губернии (по Г.А. Исаченко, 1998 г.):

	Численность населения (тысячи человек)							
	1500 г.	1600 г.	1696 г.	1800 г.	1862 г.	1900 г.	1939 г.	1989 г.
Сельское население	90	25	95	280	500	650	1200	400
Городское (без СПб)	-	-	-	30	100	150	400	600
СПб (в границах на данный год)	-	-	-	240	600	1100	3200	5200
Всего	90	25	95	550	1150	2050	4700	6200

О населении Сестрорецка в XIX веке. Интересны сведения о численности, составе, здоровье и роде занятий населения, приводимые в работе врача С.А. Броуна⁴. Всего в 1870-е годы в Сестрорецке было 5794 жителя. Прирост населения происходил за счет приезжих (он резко усилился после постройки железной дороги от Белоострова до Сестрорецка) и отставников — бывших солдат местной артиллерийской команды. В 1871-72 гг. соотношение количества больных и здоровых было 1:6,17, умерших и заболевших 1:7.

Об этническом составе можно косвенно судить по вероисповеданию. По данным Броуна, преобладали православные (т.е. русские) и финны (лютеране), насчитывалось около 130 евреев (главным образом отставные солдаты и их семьи), около 60 немцев и шведов. Приведены и некоторые антропометрические сведения («телосложение довольно крепкое, рост умеренный, скорее низкий»). Лица моложе 30 лет поголовно грамотны, среди старших преобладают неграмотные.

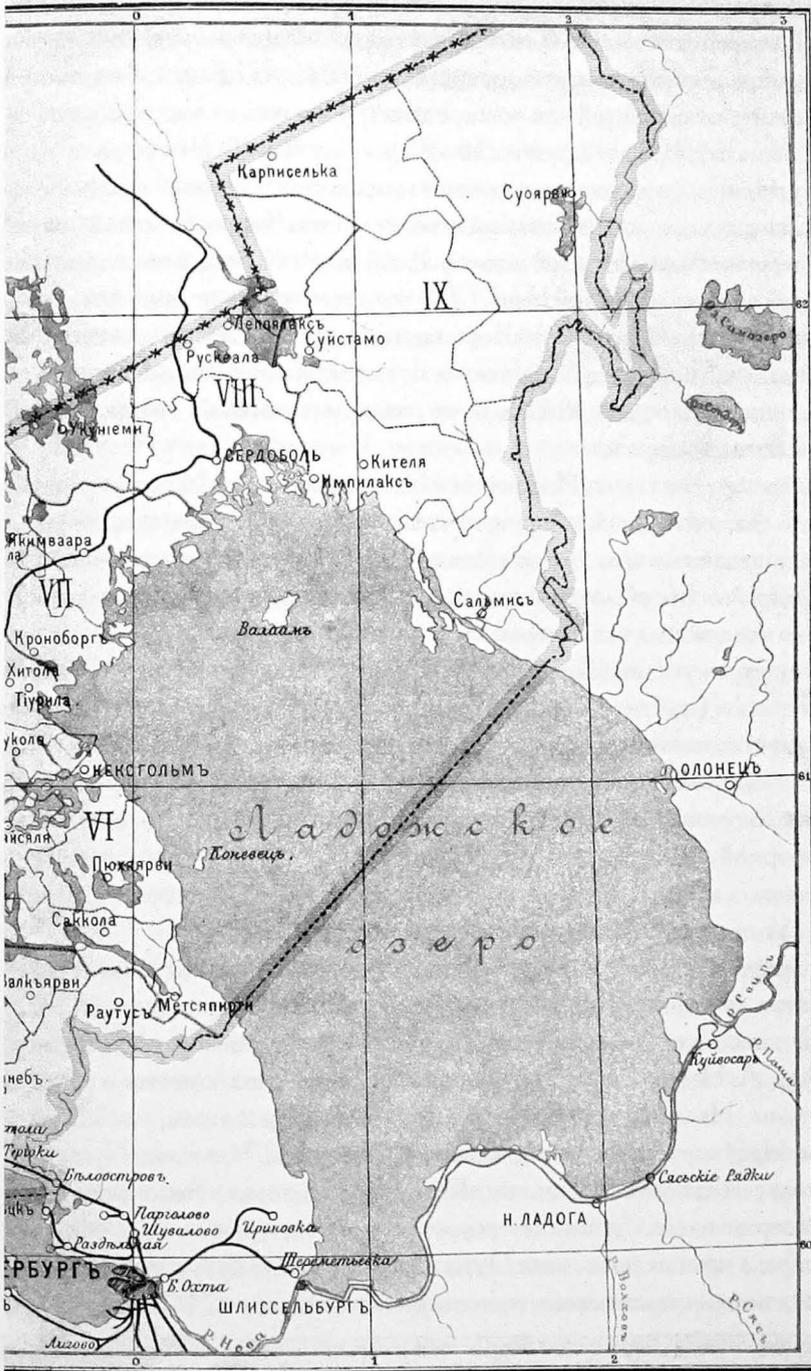
Подавляющая часть деятельного мужского населения — 1299 человек — работали на Оружейном заводе, остальные — слесарями, кузнецами по домам, занимались мелким промыслом, рыбной ловлей. Но все «так или иначе жили от завода». Все имели огороды и покосы, трудились на них после 10-часовых смен на заводе. Многие женщины для приработка вязали чулки на продажу, девушки шили перчатки.

Особенности расселения и землепользования. Какими же были деревни и села в

⁴Очерк Сестрорецкой волости Петербургского уезда. Изв-я. Имп. Русск. геогр. о-ва, 1875, т. XI, с. 474-486.

Карта Выборгской губернии. Из книги М.Бородкин. История

Финляндии во время императора Николая I. СПб., 1898 г.

окрестностях Сестрорецка? Их особенности сложились еще в XV-XVI веках и во многом определялись характером землепользования, который в свою очередь был связан и с национальными традициями, и с типом ландшафта. На землях Водской пятины в XV-XVI вв. отличительной чертой как новгородских, так и шведо-карельских поселений, было малое число дворов: в деревнях 16—22, в сёлах 16—18. Это было связано в основном с отсутствием крупных компактных массивов сельскохозяйственных угодий. Примером таких малодворных поселений может служить Корбосельский погост⁵ (у современной деревни Корабсельки в юго-западной части Карельского перешейка между реками Сестра, Охта и дельтой Невы). Почвы здесь малопригодны для земледелия, преобладают песчаные равнины и болота, крутосклонные камовые холмы. Большая часть поселений располагалась на вершинах и склонах холмов, сильнопересеченный рельеф ограничивал площадь полей и даже размеры поселений: только 7 деревень из 151 имели более 5 дворов.

В ландшафтах иного типа — на Ижорском плато, удобном для распашки, с богатыми почвами, где славянская колонизация началась не позже X века, средний размер деревень и сел, по данным археологов и новгородских писцовых книг, составлял 17 дворов, максимальный — 66, а площади окультуренных земель вокруг каждого поселения — несколько квадратных километров.

В городах — центрах уездов (Ям, Корела, Орешек, Ладога) в начале XVI века было по 100-200 дворов (на 1 двор в среднем приходилось 5 чел.), во второй половине XVI века их количество почти удвоилось. Корела росла быстрее других, так как была важным военным, торговым и ремесленным форпостом Руси, имевшим жалованную грамоту от Бориса Годунова (1598 г.) со многими льготами для восстановления после войны. Особой формой поселения были *рядки*, жители которых не были связаны с сельским хозяйством, а занимались торговлей или рыбной ловлей. Наиболее крупный рядок в регионе (55 дворов) был приписан к городу Корела.

Любопытно, что территорию будущего Петербурга и его окрестности (якобы пустынную местность с «убогими чухонцами») в XV-XVI веках, по данным новгородских писцовых книг, населяли представители русских фамилий, ставших весьма известными. Как пишет Г.А. Немиров (1892 г.), «здесь тогда имели свои поместья и усадьбы Уваровы, Бестужевы, Нелединские. Бибиковы, Супоневы, Бровцыны, кн. Мышецкие, Неклюдовы, Нащокины, Хвостовы, Ушаковы, Забелины. Чертовы, Пушкины, Быковы, Хомутовы, Годуновы, Крекшины, Елагины, Колычевы, Вышеславцевы и др.» В границы современного Санкт-Петербурга входило не менее 50 селений, в основном по 1-3 двора, а при впадении реки Охты в Неву, на месте будущего Ниеншанца, по некоторым данным существовало торгово-ремесленное село с 44 дворами.

⁵ Погост, по А.Я. Десяреву (1980) — центр тяготения довольно обширного района, всегда имевший ряд обслуживающих функций: культовых, административных, фискальных и др. Отличительная черта погоста — наличие церкви и домов церковнослужителей. К концу XV в. большинство погостов утратили свое значение волостных центров и стали *церковными приходами*.

Таким образом, устье Невы стало «точкой роста» по крайней мере за 150 лет до основания шведами Ниена и более чем за 200 лет до основания Петербурга.

От чего зависел характер расселения и землепользования, сложившийся в XIX веке на Карельском перешейке?

По данным шведских налоговых книг, в середине XVI века на Карельском перешейке было около 2600 сельских дворов, распределявшихся довольно равномерно. Финские историки считают, что в местах, благоприятных для сельского хозяйства, деревни западной (шведской) части Карельского перешейка имеют очень древний возраст: почти все они возникли уже в XVI веке. Е.А. Балашов (1996 г.) приводит в качестве примера материалы по приходу Кивенаппа (его центром было современное Первомайское), примыкавшему к реке Сестре — границе с Московской Русью. Из 54 деревень этого прихода, существовавших в 1939 году, в налоговых книгах середины XVI века 43 уже числились! В среднем на 1 деревню приходилось около 10 дворов.

Население Ингерманландии и Выборгской Карелии, находившихся с начала XVII века под властью Швеции, не испытало крепостной зависимости, но экономическое и правовое положение крестьян ухудшилось из-за раздачи шведским королем завоеванных земель шведским и прибалтийским дворянам. Лично свободные, крестьяне не имели прав собственности на землю и арендовали ее за оброк.

Численность населения края (включая Выборгскую Карелию) в начале XVII века была минимальная за всю его историю. В период запустения в Ингерманландии жило всего около 10 тысяч человек (намного меньше, чем 1 человек/кв. км), на востоке Карельского перешейка менее 5 тысяч человек. К середине XVII века население земель, полученных Швецией по Столбовскому миру, увеличилось до трети от численности в середине XVI века за счет переселенцев из Финляндии, в том числе из Шведо-Карелии (6,5 тысяч). В 1695–1697 годах был великий голод: три года подряд в Ингерманландии, Финляндии и Швеции не вызревал хлеб! За эти годы население уменьшилось на 38%. Наследие периода запустения XVII века сохранилось в финноязычной топонимике: нередко встречается название *Аутио* (пустой, пустая деревня). Такой топоним отмечен у Выборга (бывшая деревня Аутио), близ Токсово (деревня Аудио), к югу от Ломоносова (урочище Аудия). Наконец, всем хорошо известно Автото — бывшая деревня, ныне район Петербурга.

С переходом в XVIII веке Ингерманландии и почти всего Карельского перешейка под власть России границы прежних землевладений перестали существовать. Петр I, как и шведские короли, раздавал земли своим соратникам и родственникам (правда, в непосредственной близости от Сестрорецка таких подарков им сделано не было). Новые владельцы обязаны были заселить полученные земли крестьянами из других своих имений. Тогда же началось массовое строительство загородных усадеб, что привело к изменению рисунка ландшафта, особенно вдоль южного берега Финского залива. В Выборгской Карелии еще в ходе Северной войны началась передача целых волос-

тей или их частей в качестве дарственных (*донационных*) земель русским вельможам, в Выборгском дистрикте было роздано 32 имения. Позже донационные земли охватывали волости Пюхьярви, Саккола, Валкъярви, Рауту, Кивенаппа, частично — волости Муолаа, Уусикиркко, Куолемаярви и Выборгскую. Всего на этих землях насчитывалось 2,5 тысячи крестьянских хозяйств, $\frac{2}{3}$ крестьянских налогов шли помещику-донатариию, $\frac{1}{3}$ — в казну. Крестьяне на дотационных землях автоматически лишались права на землю и должны были платить оброк или работать на барщине. Но личной свободы они не лишились и могли переходить с помещичьих земель на государственные и обратно.

Система донационных земель создала на Карельском перешейке *своеобразную культуру усадеб*, отличавшихся от резиденций в южной части Ингерманландии меньшей пышностью и размахом и иными экономическими отношениями. Среди них были имения: 1) основанные на барщине, 2) усадьбы так называемого саволакского типа с арендаторами самостоятельных хозяйств на дарственных землях и 3) усадьбы, где хозяйство было основано на труде торпарей⁶, но к XIX веку таких почти не осталось. Некоторые усадьбы 1-го типа были устроены в соответствии с новейшими достижениями европейской усадебной культуры (усадьбы Чернышевых, Шуваловых, Салтыковых, фон Фредериксов и др.). Наиболее известна усадьба Монрепо на острове Твердыш у Выборга, заложенная в 1760 году. Позже, в начале XIX века, новые хозяева — семейство Николаи — с помощью видных архитекторов превратили ее в шедевр садово-паркового искусства.

Перекрыжка землевладения в Выборгской Карелии коснулась не только сельскохозяйственных угодий, но и лесов. Пользование ими стало возможным лишь с разрешения донатария. Крупные лесные массивы, в основном в волости Кивенаппа, были отписаны Сестрорецкому оружейному заводу, их охрану осуществляли казацы патрули.

После присоединения Выборгской губернии к Великому Княжеству Финляндскому (1811 г.) его население превысило 1 млн. жителей. До этого в конце XVIII века в Выборгской губернии проживало 154 тысяч человек, в том числе в Выборгской Карелии в ее современных границах — не менее 100 тысяч. Все остальные финляндские земли (в составе Швеции) в то время имели население 420 тысяч человек.

После 1811 года русские помещики в Выборгской губернии потеряли права, которые давали им российские законы, но не приобрели прав финских дворян, чьи имения не несли повинностей в казну. Но в 1826 году опасения русских помещиков за свои имения были сняты императорским манифестом, по которому дарственные земли были переведены в разряд *фрельзовых* (освобожденных от уплаты поземельного налога в

⁶ В Финляндии с XVII века сложилась *торпарская система* аренды земли — получение участка (торпы) за отработку и натуроплату. Число торпарей, работавших на земле помещиков, росло, пока у дворян было много лесной земли, не представлявшей тогда большой ценности. Владельцы без ущерба для себя сдавали мелкие участки и имели бесплатную рабочую силу. Торпарь имел собственный дом и хозяйство на арендованной земле и был привязан к ней сильнее, чем батрак.

казну), и донатарии стали полноправными собственниками. Основную часть крестьянского населения в Выборгской губернии составляли арендаторы самостоятельных хозяйств на дарственных землях, в торпарской системе было занято всего 3% самостоятельного мужского населения.

Почти 150 лет, до конца XIX века, в Финляндии проводилась земельная реформа («большой передел»), которая привела к ликвидации общинного пользования землей, что сопровождалось исчезновением деревень. Крестьяне переносили свои дворы из деревни на новое место, где хозяйству выделялись участки пашни, луга и леса. В результате крестьянские дворы превратились в полностью независимые хозяйственные единицы. Это знаменовало завершение формирования *хуторской системы хозяйства*.

С 1867 года Финляндское правительство постепенно выкупает донационные земли у русских помещиков. Крестьянам — жителям Выборгской Карелии, в свою очередь, было позволено выкупать эти земли у государства в течение 39 лет. Необходимость платить выкуп затормозила развитие сельского хозяйства на Карельском перешейке во 2-й половине XIX века. К моменту перехода Выборгской Карелии в состав СССР частным лицам принадлежало 54, казне 37 и общественным организациям 9% земли.

Реформа 1861 года существенно изменила условия землепользования в Петербургской губернии. После 1861 года за счет сокращения площади дворянских наделов сформировалась крестьянская земельная собственность. При этом размеры душевого надела в Петербургской губернии за 20 лет после реформы сократились на 11%, увеличилась доля арендуемой земли, преобладающим стало мелкое землевладение (меньше 50 га на душу мужского пола).

К середине 1880-х годов самыми ценными угодьями стали леса. Среди помещичьих земель было 57% лесов (самых лучших), среди земель, принадлежащих купечеству — 72%. Всего же частновладельческих земель было 53% от всей площади губернии. Из крестьянского надельного землевладения на долю лесов (самых худших) приходилось 17%. Крестьянам приходилось прикупать леса, они составили 64% всей прикупленной ими земли. Покупателями участков леса на корню вплоть до начала XX века были не только крестьяне и крупные предприниматели, но и обладавшие известным достатком работники Сестрорецкого оружейного завода. Так, известно, что в 1913 году заводской мастер (и одновременно выборный голова Сестрорецкой волостной управы) Н. Г. Малыгин приобрел несколько десятин леса на участке между Белоостровом и Графской, чтобы иметь строительные материалы для постройки домов для своих детей (Густавсон и др., 2007 г.).

Таким образом, важным для региона последствием реформы 1861 года стало *перераспределение земель* между владельцами (с сосредоточением большей части сельскохозяйственных земель в руках крестьян, а лесов — в руках дворянства и купечества),

а также формирование рынка купли-продажи земли, массовая скупка и сведение лесных массивов.

Сельское хозяйство

На Карельском перешейке (Выборгская Карелия) вплоть до рубежа XIX—XX веков местами сохранялась так называемая *подсека*, или *подсечно-огневое земледелие*. Оно было первым из способов обработки земли, классическим примером экстенсивного сельского хозяйства, когда угодье, дав в первый год огромный урожай, через год-два забрасывается и зарастает лесом. Это земледелие по своей сущности не могло совершенствоваться. Интенсификация хозяйства возможна была только при наличии постоянной посевной площади, способной давать стабильный урожай.

История сельскохозяйственного освоения региона. Не все ландшафты Карельского перешейка были одинаково благоприятными для земледелия. Исключались вершины гранитных гряд (сельг), завалуненные моренные гряды, щебнистые пески, дюны, верховые болота. Лучше всего подходили для земледелия пологосклонные камовые холмы с богатыми песками и супесями, на которых развиваются относительно плодородные почвы. Поэтому камовые *возвышенности в районе Сосново, Лемболово, Токсово, Парголовская гряда, Колтушская возвышенность* были *распаханы много столетий назад*. О давности их освоения говорят облик современной растительности (в том числе лесной) и почвы с мощным темным (гумусовым) горизонтом. Напротив, совсем непригодны для земледелия (и не имеют следов освоения в прошлом) высокие крутосклонные холмы, сложенные грубыми перемытыми песками с галькой, гравием и валунами (севернее озера Отрадное).

Но для подсечного земледелия было пригодно не менее половины площади региона. По мнению финских авторов, карелы и финны заимствовали у русских способы выжигания мощных еловых стволов (Прибалтийско-финские..., 1995 г.). Длительный период существования подсеки отразился в русских и прибалтийско-финских топонимах: «чисть», «росчисть», «страдомый лес», «топорная земля». Название Райвола (современное Рожино) производят от глагола «*raivala*» (расчищать, раскорчевывать). Финские населенные пункты с окончанием —*salo* указывают на основание деревни в глухом лесу.

Периодичность подсек на одном и том же участке составляла 15—30 лет. Даже после однократного выжигания и корчевки и посевов лесная площадь надолго приобретала отличия от девственного леса. Впоследствии под новую расчистку старались использовать старые участки, когда подростные деревья достигали толщины «в кол», «в жердь».

Постепенно создавались и регулярно эксплуатируемые участки — *поля*. Для восстановления плодородия почвы первоначально применялся *пар* — отдых почвы от посева плюс мероприятия по обработке и удобрению. На Северо-западе Европейской

России паровое (пашенное) земледелие возникло на рубеже 1-го и 2-го тысячелетий н.э. Но во многих ландшафтах таежной зоны, особенно на песчаных равнинах с беднейшими почвами, где без урожаев с подсечных земель было не обойтись, подсека была экономически необходима (в сочетании с паровой зерновой системой). Южнее, на бывших землях новгородских пятин, паровая система постепенно сменилась *трехпольной*, которая оставалась основной до XX в. и не только у крестьян.

Во время господства подсечной системы перемежались участки с «пашенными» лесами (чередованием подсек, перелогов, начальных стадий лесовосстановления) и «дикими» лесами. На Северо-западе Европейской России до сих распространён местный термин «ляда» («лядина»): мозаичный лесной покров с обилием ольхи серой, ивы, осины и разнотравья, образующийся при длительном подсечном (лядинном) хозяйстве *на месте ельников*. Ляды использовались как источник древесины, для выпаса и покосов, сбора ягод, грибов (на востоке Ленинградской области до сих пор бытует название «лядинник» — белый гриб со светлой шляпкой, в отличие от темношляпочного боровика) и были резервом расширения пашни. Поэтому любой современный лесной массив среди сельскохозяйственных угодий имеет признаки бывшего использования под пашню.

Доля пахотных площадей. Трудно подсчитать размеры угодий 400-500 лет назад, так как в Писцовых книгах не было современных единиц учета площади. *Обжа* — единица обложения данью всех новгородских земель (сохранялась и в период шведского владычества) — это то, что «один человек на одной лошади орет (пашет)». Есть мнение, что это 15 десятин, или около 16 га. На землях Водской пятины в 1500 году, до Великого запустения, пашни составляли от 2 до 6% всей площади. Но эти цифры относятся к ежегодно обрабатываемой пашне. Если приплюсовать все земли, хотя бы однократно подвергавшиеся подсеке, цифра была бы в несколько раз больше. В период кризиса XVI—XVII века запустению подверглось более 90% пашни, на рубеже XVII—XVIII веков пахалось всего 0,07-0,2% всей пашни. Запустение пашни было и на Карельском перешейке, но не такое сильное. Московское правительство принимало меры, была разрешена продажа пустующих земель «боярам, приказным, служилым и неслужилым людям» на льготных условиях. Указ 1641 года обязывал новых владельцев расчищать заброшенные угодья и «заводить хлебопашество». Шведские власти тоже предприняли радикальные шаги (см. выше, в разделе о расселении).

С середины XVII века площадь сельскохозяйственных угодий в Ингерманландии постоянно росла вплоть до середины XIX века. Во время Северной войны часть угодий была вновь заброшена, но ненадолго. Освоение новых и запущенных земель началось в ходе «большого передела» — земельной реформы, проводимой в восточных районах Финляндии с 1780 года. Раздел части лесной площади между владельцами ускорил сведение лесов на пригодных для сельского хозяйства землях. Кроме того, на территории Великого Княжества Финляндского действовали законы, принятые еще

шведским правительством, но в период, когда Старая Финляндия уже была в составе России. Они стимулировали распашку целинных земель, особенно освоение болот. *Наиболее быстро росли площади сельскохозяйственных угодий в Выборгской Карелии в 1-й половине XIX века*, когда была поделена почти половина всех земель. Реформа 1861 года в Выборгской Карелии, где крепостного права не было, сокращения площадей сельскохозяйственных угодий не вызвала. Правда, сельскохозяйственное освоение новых земель замедлилось из-за роста стоимости древесины.

В Санкт-Петербургской губернии площадь используемых угодий *достигла максимума в середине XIX века*. В столичном уезде, несмотря на низкий агропотенциал ландшафтов Приневья, степень освоения возросла из-за повышенной доходности пригородного хозяйства, особенно молочного животноводства и огородничества. Более половины сельскохозяйственных земель составляли некогда расчищенные из-под леса сенокосы. Немалая их доля располагалась на камовых холмах Лемболовского ландшафтного района, где преобладало финское население.

После реформы 1861 года площадь сельскохозяйственных угодий в губернии начала сокращаться, в некоторых уездах к 1900 году она сократилась вдвое, особенно много заросло и заболотилось сенокосов и пастбищ, арендуемых крестьянами у помещиков. Выгоднее стала продажа леса на корню и отхожие промыслы. В ходе Столыпинских реформ площадь угодий несколько увеличилась, но события 1914-1920 годов привели к новому запустению.

Влияние сельскохозяйственного освоения на ландшафты. Сельскохозяйственное освоение некоторых ландшафтов в течение сотен лет *изменяло самый тип ландшафта*, особенно на слабоволнистых и плоских переувлажненных равнинах на валунных супесях и суглинках и на безвалунных глинах и суглинках. Здесь постепенно срабатывался маломощный торфяной горизонт, увеличивался гумусовый горизонт, выравнивался бугристый микрорельеф. Участки из заболоченных становились дренированными и соответствовали иным типа ландшафта.

Если в XVI-XVIII веках динамика ландшафтов региона была связана с изменением соотношения площадей лесов и сельскохозяйственных угодий, причем не всегда однонаправленным, то на рубеже XVIII-XIX веков изменения ландшафтов были более существенными и включали воздействие на *гидрографическую сеть* региона. Еще одним фактором изменения структуры ландшафтов стало *осушение болот*. В конце XIX — начале XX века с развитием техники, индустриализации и урбанизации происходят *наиболее глубокие изменения структуры ландшафтов на площади в десятки и сотни квадратных километров*. Пример такого преобразования ландшафтов — *культура лугов* в Выборгской Карелии. На рубеже XIX-XX веков большая часть лугов была включена в состав пахотных земель с проведением комплекса агротехнических мероприятий (травосеяние, высокие дозы удобрений, известкование, густая сеть канав для дренажа и отепления почв). Осваивались и неглубокие торфяники. Через

20-30 лет более половины всей площади заняли многолетние травы: ежа, тимофеевка, лисохвост, красный клевер с высокой продуктивностью и кормовой ценностью. Они оказывали и мощное «почвоулучшающее» воздействие. Наибольшей трансформации подверглись межсельговые ложбины на глинах — основной фонд Северо-западного Приладожья. Там сформировались почвы без признаков оподзоливания, с мощным (до 40 см) и темным гумусовым горизонтом.

В Выборгской Карелии доля хорошо окультуренных почв с мощностью пахотного (гумусового) горизонта больше 22-35 см составила свыше 20% от всех пахотных почв, это было больше, чем в остальной Финляндии. (В среднеокультуренных почвах мощность этого горизонта составляет 16-22 см, слабоокультуренных — 10-16 см).

Можно ли считать, что ареалы так называемых *дерново-подзолистых* почв с хорошо развитым («не лесным») гумусовым горизонтом в южной тайге Европейской России целиком связаны с деятельностью человека? Они действительно соответствуют наиболее освоенным районам. Но, с другой стороны, в первую очередь осваивались именно районы с исходно более высоким потенциалом. Кроме того, дерново-подзолистые почвы связаны с лиственными лесами, а те длительно существуют в некоторых типах ландшафтов нашего региона независимо от человека. Почвы лесной зоны при постоянном окультуривании эволюционируют, становясь более благоприятными для земледелия. Последствие регулярного удобрения и известкования сказывается по крайней мере в течение десятилетий после прекращения этого окультуривающего влияния (Рожнова, 1963 г.). Однако со временем снижение уровня агротехники и недостаток удобрений приводит к тому, что почва возвращается к состоянию, характерному для большинства естественных почв тайги.

Суммарная продукция с гектара пашни или луга в таежной зоне примерно *вдвое меньше, чем в естественных лесах*, а с урожаем выносятся больше питательных веществ, чем поступает. Поэтому при низком уровне агротехники образуются малопродуктивные «выпаханные» почвы. Они более подвержены смыву, чем хорошо окультуренные, и в условиях нашего региона ежегодно теряют 2-5 т/га гумусированного мелкозема.

Направления сельского хозяйства. В конце XIX века в Петербургской губернии соотношение площадей (в %) составляло: рожь 40, овес 34, картофель 7, ячмень 6,9, лен 4. Навозом удобрялось не более 30% пашни (Россия..., 1900 г.). Урожай зерновых за 350 лет не повысился: в XVI — начале XVII века он составлял сам-4, во 2-й половине XVII и в XVIII веке — сам-3,1-3,3, в 1802-1860 годах — сам-2,7. Древнейшими культурами на европейском севере были ячмень, пшеница, просо. Пшеница и просо позже были вытеснены рожью и овсом — культурами, более соответствующими зональным условиям. В XVI-XVII веках главными хлебными культурами стали озимая рожь, овес, из яровых — ячмень. На подсеках выращивалась еще и репа.

Животноводство долго было подсобной отраслью хозяйства. Но в 1-ю половину XIX века вокруг столицы складывается *пригородный тип сельского хозяйства с жи-*

вотноводческим уклоном. Это направление усиливается после реформ 1860-х годов. Хлеб (дешевый) в столицу поступает из южных районов России, выращивать его в регионе экономически невыгодно, поэтому зерновое земледелие в регионе окончательно вытесняется животноводством.

С 1863 по 1905 год в Петербургской губернии почти вдвое сокращается площадь под рожью и растет площадь лугов и пастбищ. В пригородных уездах развитие молочного животноводства способствовало замене трехпольной системы более сложными севооборотами с участием трав и кормовых корнеплодов. Получили развитие парниковое и тепличное огородничество. Парники в Петербургской губернии были лучшими в стране.

В Выборгской Карелии (с 1811 года ставшей частью автономного Великого Княжества Финляндского) животноводство сделалось товарной отраслью еще раньше, чем в Петербургской губернии. Начало развитию молочного животноводства было положено в 1867-68 годах, когда после ряда неурожайных и голодных лет стало ясно, что зерновым хозяйством не обеспечить «преуспеяния страны». Огромный спрос со стороны Санкт-Петербурга способствовал развитию молочного животноводства. С 1860-х по 1890-е годы вывоз масла из Финляндии увеличился в 2,5 раза, сыра — от 0,4 до 212 т (!), молока и сливок в 135 раз. С 1901 по 1910 год вывоз молока и сливок из Финляндии в Санкт-Петербург вырос еще в 5 раз. Основная часть этой продукции производилась именно на Карельском перешейке.

Такие структурные сдвиги в сельском хозяйстве не могли не отразиться на ландшафтах. Площадь лугов в Финляндии сократилась в 4 раза, но площадь под травами осталась неизменной. Луга подверглись коренному улучшению: применялись дренаж, регулярная перепашка с подсевом ценных трав — тимофеевки, красного клевера, так что в статистических таблицах эти земли шли по графе «пашни». Урожайность трав к началу XX века выросла с 15 до 26 ц/га сена.

Таким образом, в XIX веке основные тенденции развития сельского хозяйства региона определялись близостью столицы, растущим спросом на продукцию животноводства. Это не исключало существования в удаленных от столицы уездах большого числа крестьянских дворов с укладом, близким к натуральному хозяйству, с охранением подсечного земледелия.

Промышленность подстоличного региона в XIX веке⁷

От промыслов к промышленности. Промыслы возникли в регионе почти одновременно с сельским хозяйством, но их заметное влияние на среду проявилось тогда, когда они приобрели товарный характер. В регионе с конца XV века развивался *рудяной промысел* — сельское железодельное производство. Сырьем служила так называемая *болотная руда*, по существу представляющая собой один из горизонтов

⁷ Основным источником при написании этого раздела были «Очерки истории Ленинграда». Т. 1, 2. М.-Л.: 1955.

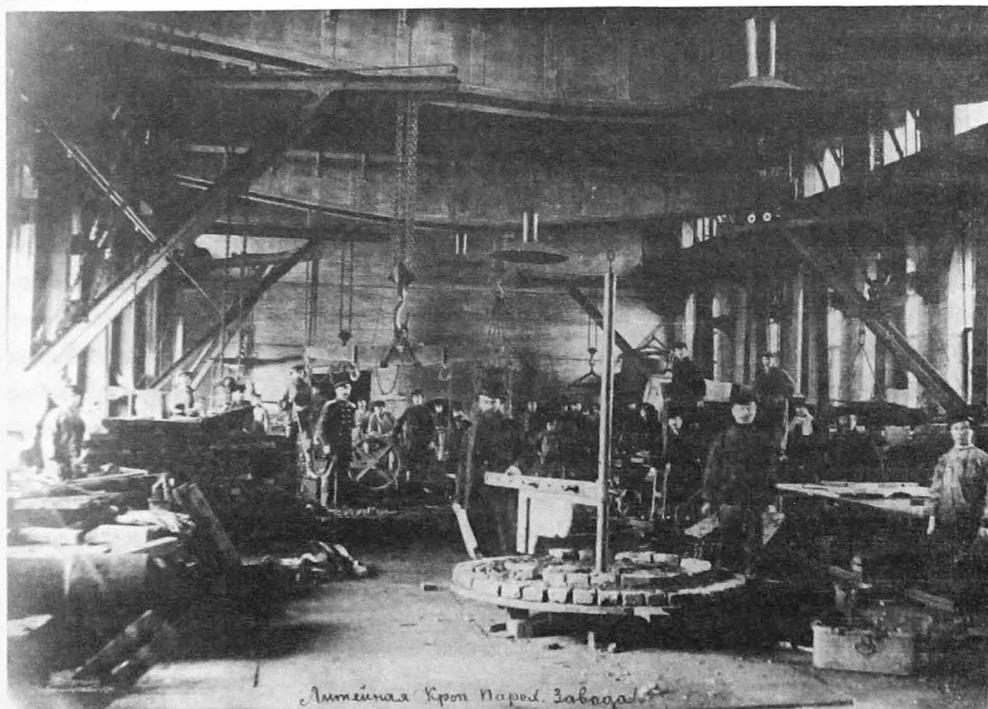
особого рода подзолов. Выплавляли железо сыродутным способом в плавильных печах (*домницах*) на древесном угле. Промысел включал: поиск рудоносных земель, корчевку леса, копку, просушку и обжигание «железной земли», заготовку дров, кладку угольных ям, жжение угля, постройку и оборудование домницы, кладку доменной печи, постройку угольника и саму плавку руды. Работа была сезонной (с ноября по апрель), так что *домники* не порывали с сельским хозяйством. Из одной печи за сезон выходило 1,5-3 тонны железа. Промысел почти заглох к концу XVI века, в основном из-за войн. Но в XVIII веке выплавка железа из местных руд велась на Карельском перешейке в заметных масштабах.

Главные залежи болотной руды были расположены вдоль южного берега Финского залива от Лужской губы до Южного Приладожья. На Карельском перешейке столь массивные месторождения не известны, но иллювиально-железистые подзолы (почвы с рудоносным горизонтом) на этой территории нередки. Так что позднейшие производства, созданные для нужд Сестрорецкого завода в районе Рощина и Дыбуна (современные Дыбуны), были, очевидно, преемниками старых домниц. Годовая продукция железа во времена расцвета рудного промысла оценивается в 67392 крицы (1 крица — от 2 до 10 кг). Рудный промысел оказывал на ландшафты лишь локальное влияние. Куда более существенным стало влияние на ландшафты, особенно лесные, появившейся крупной промышленности, возникновение которой в регионе связано с основанием Петербурга и преобразованиями Петра I. Приоритетной задачей промышленности стало обеспечение военной мощи государства.

Развитие промышленности: общая статистика. Практически все отрасли промышленности в подстоличном регионе, обслуживавшие как оборонные нужды страны, так и потребности населения региона и даже прихоти столичной знати, сформировались уже в XVIII веке. При этом предприятия тяжелой промышленности изначально были представлены крупными казенными заводами, на каждом из которых работали многие сотни людей. Легкая промышленность в значительной мере развивалась в форме мелких частных предприятий. Нужды основной массы населения в предметах широкого потребления удовлетворялись главным образом предприятиями ремесленного типа, мелким товарным производством и привозом.

К началу XIX века в Петербурге и подстоличном регионе наметились, а в 40 — 50-х годах с особой наглядностью проявились новые черты экономического развития: переход от мануфактурной стадии промышленности к фабрике, внедрение машин, концентрация наемных рабочих. Все эти процессы происходили здесь быстрее, чем в других промышленных центрах страны, в том числе и Московском районе.

В середине XVIII века в регионе было до 80 промышленных предприятий разного рода, в последние годы XVIII века — около 115, что составляло около 10 % всех предприятий России, включая горные заводы. К 1860-м годам по данным государственной статистики общее число фабрик и заводов составило 374, но эта цифра не

Литейная Кронштадтского парового завода. Вторая половина XIX века

отражает количества крупных предприятий (по расчетам авторов «Очерков...»⁸, таких было 270—300). При этом по количеству занятых рабочих ведущее положение в регионе занимали отрасли тяжелой промышленности. По другим данным (Исаченко, 1990 г.) в 1864 году в Петербурге было 368 заводов и фабрик, Петербургском уезде 80; всего в губернии 562. При этом в конце XIX века в Кронштадте работало 27 фабрик и заводов морского ведомства. В Сестрорецке в конце XIX века, кроме казенного Оружейного завода, были еще частные чугунолитейный и медно-бронзовый заводы. Процессы развития затронули и Выборгскую Карелию, где появилось несколько крупных лесопилен, стала развиваться целлюлозно-бумажная промышленность. Предприятия строились не в старых городах, а в сельской местности (при наличии там сырья, энергетических ресурсов и путей сообщения). По числу деревообрабатывающих заводов Санкт-Петербургская губерния в конце XIX века превосходила все остальные губернии Озерного края вместе взятые (Новгородскую, Псковскую и Олонецкую).

Особенно бурный рост числа предприятий происходил в последней трети XIX века: почти $\frac{4}{5}$ всех фабрик и заводов, существовавших в Петербурге и его окрестностях к 1900 году, было основано в пореформенные годы. За десятилетие 1861—1870 гг.

⁸ «Очерки...» Т.1. С. 454

было основано 67 новых предприятий, а за три последующие десятилетия — соответственно 105, 123 и 209. При этом увеличивалось разнообразие отраслей и происходили качественные сдвиги в техническом оснащении. Больше всего рабочих было занято в металлообрабатывающей промышленности (свыше 40% от их числа в крупной промышленности в целом), она же давала и наибольшую сумму производства в денежном выражении (почти 45%). В конце XIX века по неполным данным это составило 63 млн. рублей из 145⁹.

Развитие отраслей и предприятий. Наиболее ранними по времени создания крупными предприятиями на подстоличной территории были основанные еще при Петре I заводы, обеспечивавшие военную мощь России: Адмиралтейская («Адмиралтейство») и Галерная судостроительные верфи, а также Литейный двор («Арсенал»). За пределами города возникли Охтенский пороховой завод (1715 г.), Ижорский завод, устроенный в 1723 году при старой лесопильне на реке Ижора (Колпино) и, конечно, Сестрорецкий завод. Сестрорецкий Оружейный (и пороховой) завод, сыгравший большую роль в обеспечении армии и флота огнестрельным и холодным оружием, в петровские времена был одним из лучших по оснащению техникой. Большим преимуществом была доступность водной энергии, необходимой в трудоемком металлообрабатывающем производстве. С начала своего функционирования (1724 г.) Сестрорецкий завод стал одной из наиболее крупных централизованных мануфактур ре-

Старый Арсенал в Петербурге. Конец XVIII века

⁹ «Очерки...» Т.2. С. 83.

гиона. Так, в 1728 году здесь существовало 50 различных специальностей. Разного рода мастеров, подмастерьев, учеников и рабочих людей насчитывалось здесь в то время 683 человека.

В 1724 году с Сестрорецким Оружейным заводом был слит небольшой железодельный завод, обслуживавший нужды флота, находившийся с 1722 года в Кронштадте, а еще ранее в Ладоге. Этот завод, переведенный из Кронштадта, стал наряду со специальной мастерской на Аптекарском острове одним из двух производителей медицинских, в частности, хирургических инструментов, и тем самым также был связан с военными нуждами. В том же 1724 году на Сестрорецкий завод было переведено и медно-проволочное производство, начатое в 1719 году на реке Ижоре.

В пору временного упадка производства на Сестрорецком Оружейном заводе (1728-1735 гг.), связанного с относительной дороговизной выпускаемого оружия, часть мастеров и рабочих людей были распределены по другим предприятиям. Но уже в 1735 году, когда завод вновь возглавил вернувшийся с Урала Вилим де Геннин, производство восстанавливается, проводится капитальный ремонт строений и плотины. В помощь Оружейному заводу создается Чернореченский чугунолитейный завод (1735), ежегодно выплавлявший до 30 тыс. пудов чугуна из местных руд, что удешевило производство. В 1737 году установлен новый штат завода: 326 человек всех специальностей. С середины XVIII века число мастеров и рабочих людей обычно было не менее 400. Во второй половине XVIII века были, как известно, пущены медеплавильный завод на юге Карельского перешейка (близ нынешнего селения Медный завод) и чугунолитейный завод в деревне Райвола (современный поселок Рошино).

На военные нужды работали также действовавшие с 1720-х годов судоремонтные верфи в Кронштадте и на Выборгской стороне. Значительное развитие получило канатно-парусное производство.

В первой четверти XVIII века возникли многочисленные лесопильные и кирпичные предприятия, в основном казенные, первоначально возникавшие в черте города, а затем в основном за городом — по Неве и ее притокам. Кирпичные заводы создавались у источников сырья (глин), вначале главным образом с южной стороны Финского залива, в частности, у Тосно такой завод существовал уже в 1706 году. В одном только 1711 году в окрестностях Петербурга было произведено 11 млн. штук кирпича (кстати, заводы не имели права производить менее 1 млн. штук кирпича в год, нарушения карались штрафами). На картах второй половины XVIII века видно, что кирпичные заводы существовали и в окрестностях Сестрорецка. В XIX веке кирпичные заводы по-прежнему были сосредоточены в Приневской низине, в том числе и к северо-западу от Санкт-Петербурга (деревни Конная Лахта, Дибунь).

К другим производствам строительных материалов относились каменоломни и развивавшиеся при них заводы по обжигу извести и изготовлению цемента. Значительное количество камня доставлялось водным путем из Карелии и других мест. В

конце XVIII века общее число предприятий стройматериалов составляло свыше 50, все они, за исключением Ижорских лесопилен, были мелкими.

С 1725 года ведет свое начало Петергофская шлифовально-гранильная фабрика, на которой обрабатывали стекло, драгоценные и поделочные камни. Оборудование для фабрики было изготовлено на Сестрорецком и Тульском заводах.

Лесопиление и деревообработка интенсивно развивались, и к середине XVIII века в губернии было 32 лесопилни. В отличие от отсталой в промышленном отношении Выборгской Финляндии (в составе Швеции), в Выборгской Карелии (российской) с последней трети XVIII века активно развивалось *лесопиление на экспорт*. Это впоследствии неблагоприятно сказалось на состоянии лесов региона (см. раздел «Лес и человек»).

На Карельском перешейке индустриальное развитие отставало от южных уездов Петербургской губернии. В середине XIX века в Выборгской Карелии было, кроме двух уже названных железоделательных заводов (на болотной руде), 11 мелких полукустарных фабрик (мыльные, табачные, свечные и т.п., — все в Выборге) и десятков винокурен.

Наиболее крупным после Санкт-Петербурга промышленным городом был Кронштадт, где было 11 заводов и фабрик.

Относительно небольшое место в промышленности региона в XVIII веке занимало производство тканей, к середине века здесь было всего 8 предприятий этого рода. Еще в петровское время появились мануфактуры по производству гобеленов, дорогих тканей (штофов, бархата, парчи), позументная и шелково-ленточная. Зарождение кожевенного производства, продукция которого шла на нужды армии и флота и на экспорт, произошло в 1711 году. Появилось несколько казенных и частных заводов в Петербурге и Стрельне, наиболее долговечным и «продвинутым» в отношении технологии был кожевенный завод на Выборгской стороне.

Успешно развивалась в Петербурге и его окрестностях (Красное Село), начиная с 1712 года, бумажная промышленность. Использовалась оригинальная совершенная технология, не известная на Западе. Выпускалась бумага очень высокого качества. Красносельская мануфактура оказалась успешным и устойчивым предприятием. Отчасти благодаря этому уже в первой половине XIX века Петербург стал крупным центром полиграфической промышленности, которая к 1860-м годам была способна выпускать крупными тиражами научную, художественную литературу и периодические издания.

Заметное развитие получило начавшееся с 1716 года стекольное производство, на заводах в Ямбургском и Шлиссельбургском уездах выпускали не только посуду, но и крупногабаритные зеркала (2,5 на 1,5 аршина). С 1744 года работал знаменитый впоследствии Фарфоровый завод. Широко развито было производство глиняной посуды. С петровских времен работало множество сахарных и пивоваренных, свечных и воскобелильных заводов, возникли многие другие производства.

Кроме заводов и фабрик в первой половине XVIII века в регионе существовало от 24 до 42 цехов, в которые было записано от 1000 до 1500 ремесленников. Запись в цехи не была обязательной, так что реальное количество работников было больше. В руках мелких производителей почти полностью находилось изготовление хлеба и булок, колбас и копченостей, галантерейных товаров, готового платья, шляп, обуви, свицовой дрови, а также лаковарение, лакировка кож и многое другое. В ремесленных мастерских работали сами владельцы и члены их семей, реже — наемные работники и ученики. Однако среди мануфактур Петербурга не известно ни одной, которая бы органически выросла из подобного мелкого предприятия.

В первой половине XIX века значительно возрастает число предприятий, особенно текстильных. К концу дореформенного периода в столице и ближних окрестностях было свыше 50 крупных предприятий этой отрасли. Это были прядильные, ткацкие, ситцевые, шелковые, суконные, чулочные, белильные, красильные фабрики, производства по обработке шерсти, льна, джута и пеньки. Именно в текстильную промышленность, как наиболее прибыльную отрасль, в 1830—1850-х годах широким потоком устремился частный капитал. Чтобы увеличить рентабельность предприятий, владельцы мануфактур понижали заработную плату, увеличивали длину рабочего дня и внедряли машинную технику, что означало переход от мануфактуры к фабрике и было началом промышленного переворота. По степени насыщенности механическими двигателями и станками Петербургский регион превосходил Московский.

Предприятия металлообрабатывающей промышленности до 1840-х годов развивались медленно (с 1800 по 1840 год было открыто всего 10 новых заводов, зато за два последующие десятилетия — 16). До 1850-х годов крупные заводы отрасли принадлежали казне. Из частных заводов крупным был только завод Берда на Васильевском острове. В 1819 году там работало 143 крепостных рабочих и 180 вольнонаемных, в 1850-х годах — 750 взрослых и 100 подростков.

В 1852 году в Петербурге и его окрестностях было 10 литейных и механических заводов, а всего в России их было 38. *На этих 10 заводах работало 64% занятых в этой отрасли рабочих России. Суммарная стоимость продукции заводов подпольного региона составляла 75% по отношению к общероссийской промышленности.* Появились машиностроительные заводы. На ряде предприятий уже строились паровые двигатели (в частности, для пароходов), текстильные машины, токарные станки, машины для резки бумаги, строительные станки. Это были Ижорский завод, завод Берда, Адмиралтейство, заводы Лесснера, Александровский, Невский и др.

Однако собственное машиностроение не удовлетворяло растущих потребностей, поэтому в 1830-1860-х годах из-за границы ввозилось в полтора раза больше машин, чем производилось. Прогрессу промышленности региона мешало то, что она работала на дальнепривозном сырье как раз в тех отраслях, которые получили наибольшее развитие в XIX веке: в хлопчатобумажной и металлообрабатывающей. Хлопок приво-

зился из-за границы, металл — главным образом с Урала и лишь частично с Олонечких предприятий. Из-за границы ввозилось и оборудование для фабрик и заводов.

Размещение промышленных предприятий еще с XVIII века определялось близостью воды. В 60-е годы XIX века с водой было связано 68% предприятий, причем половина их была расположена непосредственно у воды. Это объяснялось не только удобством транспортировки сырья, топлива и продукции, но и потребностями производства.

В 1833 году было издано «Положение о размещении и устройстве частных заводов в Санкт-Петербурге», которое вводило ограничения санитарного характера для предприятий в черте города. Возрастала арендная плата на землю. Поэтому промышленные объекты в центре постепенно ликвидировались, перемещаясь за пределы города. Так, в 1840-х годах Литейный завод (Арсенал) переводится на Выборгскую сторону, в Адмиралтействе ликвидируется судостроение, а в его здании размещаются военно-морские учреждения. То же происходит и с рядом других предприятий. Индустриальный Петербург обособился от буржуазно-дворянского Петербурга и от тех, кто обслуживал правящие классы.

Условия и организация труда. Условия труда и быта заводских рабочих региона в начале XIX века мало отличались от условий в XVIII веке, описанных нами ранее¹⁰ на примере военного поселения при Сестрорецком Оружейном заводе. Так, на Адмиралтейской верфи в Петербурге рабочий день в «светлую» половину года (25 марта — 15 сентября) продолжался не менее 14 часов с перерывом для еды, в «темную» половину года — 12 часов, по субботам рабочих отпускали раньше. Месячная оплата принудительно мобилизованных была около 1 рубля, наемных до 3 руб. 50 коп, мастеров и подмастерьев до 160-200 руб. Существовала жесткая система штрафов и телесных наказаний. За неявку на работу на 1 час удерживалось однодневное жалование, за один день — семидневное. Четверть штрафов шла специально приставленным фискалам, три четверти — в казну.

Ещё тяжелее условия труда были на другой верфи — Галерной, которая во времена Петра I была и местом отбывания каторги теми, за кем числились недоимки по налогам, а также дворянских недорослей, бежавших с места учебы или уклонявшихся от службы. В подсобные цехи (прядельные и др.) обеих верфей присылали нередко и «винных (т.е. провинившихся) баб и девок», которые нередко бежали с верфей, были случаи и массовых побегов работных людей. Последствия были суровыми как для пойманных беглецов (вплоть до смертной казни), так и для членов их семей, которых держали в тюрьме вплоть до поимки и возврата бежавших. В Артиллерийском ведомстве, в частности на Петербургском Литейном дворе (часто называемом Арсеналом), оплата была ниже, а условия труда хуже, чем на верфях, много лет рабочий здесь не нормировался. Каторжные условия побуждали работных людей к бегству. Одно время

¹⁰ «История Сестрорецка...», т. 1, 2006. С. 109-147

было приказано даже «профилактически» клеймить руки постоянным рабочим Арсенала, чтобы легче разыскать их в случае побега.

На Сестрорецком заводе условия труда были почти такими же, как на Адмиралтейской верфи и в Арсенале. Отличием было то, что с 1725 года рабочим семействам, кроме платного продуктового пайка, выдавали участки под огороды. Рабочая сила набиралась преимущественно принудительным путем в основном за счет *присылки на постоянную работу и житье вместе с семьями специалистов из старых центров оружейного производства* — из Тулы, Москвы и с Олонекских заводов. В. де Геннину разрешалось брать в любом количестве мастеров и работных людей из Тулы, устанавливать жалованье по своему усмотрению. Тогда же им была введена сдельная оплата труда (как и на Тульских оружейных заводах): за ружье и карабин по 2 руб., за пистолет 1 руб. 94 коп. Для удешевления производства в 1737 году к заводу были приписаны государственные крестьяне для подсобных работ: добычи руды, выжиги угля и др.

Вплоть до реформы 1861 года фабрично-заводские рабочие Петербурга по своему юридическому положению разделялись на три основные категории: рабочие казенных заводов, вольнонаемные и крепостные. Казенные рабочие и их семьи были прикреплены к своему заводу или фабрике. В случае передачи фабрики в другое ведомство вместе со строениями и материалами передавались мастеровые и рабочие люди вместе с женами и детьми. Основные кадры казенных рабочих были созданы еще в XVIII веке за счет рекрутских наборов. Так, на Арсенал набирались рекруты крепкого телосложения, но непригодные по тем или иным причинам к фронтовой службе. Отслужив 25 лет, как при службе в войсках, они переводились в инвалидные команды при пороховых заводах. Такое положение существовало до 20-х годов XIX века, позже солдаты, работавшие в Арсенале, были уравнины в правах с другими частями войск.

В XIX веке кадры казенных рабочих пополнялись за счет тех же рекрутских наборов, а также детьми мастеровых. На казенных заводах работали на правах вольнослужащих лица, окончившие *школы кантонистов*, организованные для начального обучения детей нижних чинов, они давали заводу цеховых рабочих. Часть воспитанников переходила для дальнейшего обучения в Технические школы (при Арсенале — в Артиллерийскую техническую школу). Ее выпускники — казенные мастера — постепенно заменяли старых вольных мастеров, работавших еще с XVIII века. На всех казенных заводах, связанных с выполнением военных заказов, в том числе на Сестрорецком (где тоже существовала школа кантонистов), организация труда и обучения была аналогична той, что существовала на Арсенале: доминировал принудительный труд в условиях военизированного поселения.

С 1834 года для заводов военного ведомства стала *обязательной военной организацией* рабочей силы. Наиболее ярко такая организация проявилась на Охтенских пороховых заводах, где она началась еще с 1816 года. По особому распоряжению

Александра I и Аракчеева к 1823 году там были созданы *поселенные* и *непоселенные* роты. Каждая из 3-х поселенных рот состояла из 40 хлебопашцев и 80 ремесленников, в ней были также офицеры и унтер-офицеры, каптенармус и цирюльник. Хлебопашцы получали дом от казны, 4,5 десятины пашни, землю для огорода, выгона, сенокоса. Они должны были сберечь это казенное имущество и исправно вести сельское хозяйство, «нерадивым» грозила ссылка в дальние гарнизоны. Кроме того, три дня в неделю они должны были выполнять все заводские работы. Поселяне-хлебопашцы (хозяева) должны были содержать, кроме своей семьи, двух поселян-ремесленников (постояльцев). Постояльцам полагался казенный паек, но «приварок» должен был обеспечить хозяин. От казны полагалось довольствие и на детей мужского пола, если их было двое и более. Ремесленники работали на заводе 4 дня в неделю, остальное время они могли работать на себя.

Это была барщинная система труда, которая сочеталась здесь с палочным аракечевским режимом. Преимуществом поселян перед собственно крепостными крестьянами было то, что «в уважение» трудности заводской работы и из-за постоянного риска порохового дела им полагались 10 копеек в день. Правда, выдавались эти деньги по усмотрению и произволу ротных командиров. Срок службы в поселенных ротах был 25 лет, после чего поселенец мог уехать на родину или продолжать службу. В случае потери здоровья он зачислялся в инвалидную роту.

Рабочие *непоселенных* рот и жили при заводе. Упразднены Охтенские поселения были только в 1863 году, при этом поселенцы должны были дослужить свои 25 лет в *непоселенных* ротах. Из тех поселян, которые хотели остаться на земле, были сформированы два сельских общества в составе Полюстровской волости. Усадьба передавалась поселенцу безвозмездно, а за пахотную и сенокосную землю полагался оброк, землю поселенец имел право выкупить.

На заводе Арсенал военная организация началась с 1840 года. Все служащие и рабочие были разбиты на роты: три мастерские, рабочую и фурштадтскую. В каждую мастерскую роту входили однородные цехи, в рабочую роту — сторожа, чернорабочие, часовые и т.п. В каждой роте были ротный командир, два офицера, фельдфебель, каптенармус. Все рабочие, помимо работы в цехах, проходили строевую службу (один-два раза в неделю) и изучали грамоту («словесность»). Они находились на полном казенном содержании и жили в казармах. Частная жизнь рабочего регламентировалась: он не мог жениться без разрешения начальства, жена не могла отлучаться из казарм без специальной увольнительной записки, нередко она вместе с мужем подвергалась телесным наказаниям. Смертность среди рабочих достигала 6%, основной причиной была чахотка. Характер казармы Арсенал сохранил и после перевода его на правый берег Невы. Лишь в 1867 году, через 6 лет после реформы, было издано постановление о переходе завода на наемный труд. Адмиралтейство и до этого нанимало на свои верфи рабочих разных специальностей (в 1830 году свыше 2000 тысяч). Это

были плотники, столяры, резчики, пыльщики, молотобойцы, горновые кузнецы. Так было и на кирпичных заводах, с начала 1800-х годов нанимавших на сезон целые артели «разных городов и деревень крестьян». Артель выступала в договоре как единое целое, члены артели были связаны круговой порукой. За лето (5 месяцев) за вычетом задатка «на харчи» рабочий получал около 20 рублей.

На казенных заводах не военного профиля принудительный труд в различных формах сочетался с трудом наемным. Так, прядильно-ткацкая Александровская мануфактура — самое крупное к 1840-м годам предприятие с десятками механических и сотнями ручных ткацких станков, с паровой машиной — по существу была работным домом. Население мануфактурного городка в 1830-е годы достигало 4000 человек, вольнонаемных же было всего около 1000. Широко применялся труд детей и подростков — воспитанников Воспитательного дома. На содержание каждого подростка отпускалось всего 21 коп (на взрослого артельного рабочего — 50-60 коп). Мануфактура просуществовала до крестьянской реформы, к новым, капиталистическим отношениям приспособиться не могла. В 1862 году ее имущество было назначено к продаже.

Что касается *частных предприятий*, то там почти исключительно применялся наемный труд. Правда, не все вольнонаемные рабочие были свободными людьми. Часто это были помещичьи крестьяне, отпущенные на оброк. Договор с фабрикантом они заключали от своего имени, обычно на сезон. В 1835 году для Петербурга и Москвы было принято «Положение об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму»¹¹. Согласно Положению рабочий не мог оставить работу или требовать прибавку до истечения срока договора, тогда как хозяин мог «отпустить» рабочего до срока по своему усмотрению за реальную или мнимую «провинность». Помещик же не мог требовать работника обратно до истечения срока его паспорта.

Даже при преобладании на частных фабриках наемного труда на них сохранялись многие пережитки крепостнических отношений. В большинстве случаев рабочие жили в общежитиях на территории предприятия или в непосредственной близости, и за их поведением следили не только во время работы, но и в быту. Покидать территорию фабрики в свободное время они могли только с разрешения начальства, покупать товары и продукты только в фабричной лавке.

По мере механизации производства и концентрации рабочей силы такой полутюремный режим неизбежно должен был отмереть. Повышение земельной ренты заставляло переводить предприятия из центра города на окраины, ограничивать площадь, занимаемую предприятием. В 1840-1850-х годах промышленные гиганты создавались уже не как фабрики-усадьбы, а как совокупность производственных цехов и необходимых обслуживающих помещений. Рабочие проживали вне территории фабрики, и установить надзор за сотнями людей было невозможно.

¹¹ «Очерки...». Т.1. С. 476

Но относительная свобода частной жизни не улучшила материального положения и условий труда рабочих. При этом по мере вовлечения труда женщин и детей в производство изменился и характер рабочей семьи. Наиболее широко применялся детский и женский труд в прядильном и ткацком производстве. На табачных и бумажных фабриках женщины составляли около трети от общего числа рабочих. Даже на чугунолитейных, медно-котельных и механических заводах, на красильных и белильных предприятиях с особо тяжелыми условиями труда доля подростков составляла от 6-8 до 20%. Гигиенические условия труда были очень тяжелыми. Так, даже на самой благоустроенной бумажной фабрике заболеваемость среди чиновников составила 1%, среди мастеров 2,5%, их жен — 11%, детей 25%! Смертность среди заболевших детей составляла 83% (среди чиновников только 3%).

Ремесленники. Помимо фабрик и заводов, в Петербурге и многих населенных пунктах подстоличного региона существовало множество ремесленных предприятий. В целом в ремесле было занято больше рабочих, чем на заводах и фабриках. С 1812 по 1852 год число ремесленников возросло с 2-х до 5,5 тысяч человек. До середины XIX века действовало цеховое устройство, устав которого почти не изменился с 1799 года. Для записи в цехи, сбора податей, наблюдения за производством и исполнением повинностей в Петербурге существовали две Ремесленные управы: для российских цехов и для цехов, состоявших из иностранцев. Количество подмастерьев, учеников и рабочих в мастерских могло быть от 2-3 до 20 и более. Такая мастерская уже перерастала в мануфактуру, хозяин которой сам не работал, а был организатором производства. В цехах числились и ремесленники, работавшие без применения чужого труда, а также подмастерья и ученики. Положение учеников мало отличалось от положения фабрично-заводских рабочих. Большинство их были крепостными, которых по приказанию помещика родители отправляли в учение с 9-10 лет. С мастером заключался контракт на 3-6 лет. В это время ученик не мог уйти от мастера, даже если его учили кое-как, использовали как слугу, плохо кормили и одевали. Мастер же мог «нерадивого» ученика отправить в смиренный дом. Цеховое ремесло хоть как-то регламентировалось уставом, в мелких же мастерских, всё зависело от воли хозяина.

Подавляющее большинство мастерских располагалось ближе к заказчику: в центральном районе Петербурга, а также во всех городах и крупных селениях Петербургской губернии и Выборгской Карелии.

Лес и человек в XIX веке

Лес — друг и враг. Функции леса многообразны. В разные времена и в разных местностях на первый план для человека могли выходить разные «полезности» леса: убежище во время вражеских нашествий, источник разнообразной пищи, меха и кожи, топлива, строительных материалов, наконец, место отдыха и снятия стресса у современных горожан.

Для развития земледелия лес вначале служил помехой, и с ним боролись как с глав-

ным врагом. Это был тяжелейший труд. На расчистку одной десятины леса затрачивалось почти 200 человеко-дней. Если примерно определить площадь лесов, когда-либо подвергавшихся подсеке (так называли подсечно-огневую систему земледелия), получится картина многовекового сражения, при котором лес истребляли самыми варварскими способами. Но даже при широком развитии подсеки большие лесные пространства в регионе довольно долго оставались почти нетронутыми.

С развитием промышленности и ростом городов заготавливать лес стало выгоднее, чем заниматься сельским хозяйством, началась новая фаза сокращения площади лесов. Но до недавнего времени благодаря исключительной способности таежной растительности к самовосстановлению лес вырастал снова и снова. Этому природному процессу регенерации иногда помогали и антропогенные «факторы запустения» — войны и социальные потрясения.

Что представляли собой леса региона в XIX веке? Насколько отличались они от сегодняшних и от девственных, «доисторических» лесов? В науке существует понятие о *коренных типах леса*, то есть естественных, сформированных без влияния человека. Однако леса какого периода следует считать коренными для региона, если человек начал выжигать их здесь не менее 1000 лет назад? Считать коренными леса еще более раннего времени тоже неверно, потому что климат не был неизменным. Таким образом, критерий «доисторичности» для установления коренных типов леса в регионе неприменим. Более надежен другой критерий — *господствующая тенденция лесовосстановительных процессов*.

Естественная динамика лесной растительности. Она не связана с влиянием человека и обусловлена естественной взаимной сменой основных, типичных для данной таежной провинции древесных пород, образующих верхний ярус леса: ели, сосны, березы и осины. В последние тысячелетия именно ель играет роль первой скрипки во взаимоотношениях с другими породами (особенно сосной). Как правило, *финальной стадией развития лесов на Карельском перешейке являются ельники разных типов.* На самых «богатых», хорошо дренированных местоположениях это ельники-кисличники, в полуболотных позициях — ельники-долгомошники, в промежуточных позициях — ельники-черничники, ельники-зеленомошники и др. *Исключения составляют местоположения с экстремальными условиями за пределами экологической амплитуды ели:* торфяники, вершины скал, некоторые песчаные отложения. Считается, что в нашем регионе нужно 150-300 лет, чтобы лес достиг «равновесной» стадии со всеми возрастными классами деревьев — от молодых до «перестойных». Но столь длительное естественное развитие леса в регионе — исключение, а не правило, современные древостои слишком молоды для достижения этой стадии; «идеального» леса мы увидеть не можем.

Важным фактором смены древесных пород являются пожары. Они существовали всегда и лишь частично связаны с человеком. По данным о годичных кольцах, перио-

дичность пожаров в таежных лесах составляет 20-100 лет на сухих местах и 150-300 лет на влажных. Соотношение ельников и сосняков сильно зависит от их «чувствительности» к огню. Сосна относительно устойчива к пожарам (толстая кора в нижней части ствола, глубокие корни, высоко поднятая крона, способность тканей к регенерации). Освобождение семян из шишек происходит сразу после пожара, семена имеют хорошую летучесть. Ель лишена этих свойств и погибает сразу после пожара. Сосна первой осваивает незанятые местоположения (гари). Но возможности ее закрепления на долгий срок ограничены, за исключением ландшафтов «экстремальных» для ели. Зато ель теневынослива и способна вырасти под самым плотным древесным пологом. Сосна не выдерживает конкуренции с елью на почвах среднего и повышенного богатства. Под пологом сосны и сосны с березой появляется ель, постепенно осваивает второй ярус древостоя, а затем и верхний. Подросту сосны в таком лесу уже не вырасти... до очередного пожара. Со сменой господствующей древесной породы изменяется и состав так называемого *напочвенного растительного покрова* — яруса трав и (или) кустарничков, мхов и (или) лишайников.

При исключении любых антропогенных воздействий и пожаров в ближайшие 70-80 лет почти все леса были бы представлены ельниками, почти все ельники стали бы чернично-сфагновыми. Из-за изменений древостоя и мохового покрова должна увеличиться длительность снежного покрова (при уменьшении его мощности) и сезонного промерзания почвы, в целом ландшафты должны стать «холоднее».

Изменения лесных ландшафтов при освоении и окультуривании. Влияние подсечно-огневой системы земледелия на лесные ландшафты оценивается неоднозначно. При подсеке (и при пожаре) происходило резкое, но кратковременное обогащение почвы высвобождающимися при сгорании минеральными веществами и снижении кислотности, что и позволяло в первые годы получать высокий урожай. Но поступившие зольные вещества быстро вымывались, особенно из песчаных почв, и отчуждались с урожаем. Поэтому подсека — это коренная переделка ландшафта, при которой катастрофически нарушается обмен веществ, выгорает и минерализуется органическое вещество растений, лесной подстилки и почвенного гумуса, усиливаются процессы вымывания веществ из почвы. Тем самым подсечное земледелие усиливает «негативный» природный процесс, идущий под влиянием таежных (особенно еловых) лесов — оподзоливание почв, вследствие которого у поверхности почвы образуется светлый, похожий на золу, горизонт, бедный элементами питания, с высокой кислотностью. В многолетнем цикле подсека обедняет почвы. Косвенно об этом свидетельствует пыльцевой анализ, который говорит об усилении роли сосны — породы малотребовательной к плодородию почв — в период распространения подсеки.

Видимые следы подсек в почве сохраняются долго: это мелкие угли и прокрашенные гумусом прослойки (остатки сгоревших корней) в глубине почвенного профиля. О том, что лесная почва когда-то использовалась под пашню, свидетельствует ровная и

резкая нижняя граница бывшего пахотного слоя, а также выбранные с полей валуны, сложенные в гряды. За счет внесения на пашни органических удобрений и известки надолго изменяется видовой состав растительности и почвенной фауны. В лесах на месте пашни надолго сохраняют позиции мелколиственные породы, особенно серая ольха, а также *нитрофилы*: бузина, малина, крапива. Сходное с внесением навоза влияние оказывает выпас скота в лесу с травяным покровом.

Освоение лесных богатств региона и изменение ландшафтов. Уже к середине XVIII века власти ощутили угрозу обезлесения ближайших окрестностей столицы и нехватки дров. До этого времени даже заготовки для рудяного промысла имели локальное влияние на ландшафты. Но строительство Санкт-Петербурга и флота требовало сплошных рубок на больших территориях, в том числе на Карельском перешейке. Первоначально лес заготавливали по берегам Невы и ее притоков и даже в черте Петербурга¹². Но когда приступили к массовому строительству линейных кораблей и галер, эти источники быстро стали иссякать. Под страхом высокого денежного штрафа, кнута и даже смертной казни (за сруб дуба) запрещалось рубить корабельный лес кому бы то ни было. Указы объявлялись с барабанным боем, для подтверждения их действительности кое-где заранее ставились виселицы. За розыск же мачтовых деревьев объявлялось вознаграждение от 1 до 5 рублей за дерево. Со второго десятилетия XVIII века петербургские верфи работали в основном на привозном (главным образом из Казани) лесе.

Для приведения в порядок лесных угодий и наблюдения за рубками в Выборгскую губернию в 1737 году были направлены специальные комиссары Адмиралтейско-коллегии. В XVIII веке Петербургу требовалось 2 млн. кубометров древесины в год. Лес привозили и из-за пределов губернии, но и его не хватало. Для ограничения потребления леса столицей были приняты меры: перевод части стекольных заводов дальше от Петербурга, запрет строительства вблизи города новых фабрик и заводов. Но эти меры практически не дали эффекта.

В конце XVIII века увеличился спрос на лес в Англии, выросли и заготовки леса в Выборгской Карелии. В Выборгской губернии появилось более 60 лесопилок, которые давали в год 130 тысяч сосновых и еловых досок (*дильсов*). Леса на Карельском перешейке «спасло» тогда участие России в коалиционных войнах, в частности, последовавший в 1797 году запрет Павла I на вывоз леса в Англию (в связи с участием России в континентальной блокаде Англии).

Следует отметить, что до 1765 года леса, «не годные на корабельное строение», никак не обследовались и не картографировались. Начало сплошной инвентаризации различных владений, в том числе лесных, с нанесением границ на планы было положено Генеральным межеванием в последней трети XVIII века. После 1782 года появились планы отдельных лесных дач. Но, как и все топографические карты, состав-

¹² «Очерки истории Ленинграда.» Т. 1. 1955. С. 62.

ленные вплоть до конца XIX века, они были неточны в изображении лесов. Лишь к 1914 году для губерний были составлены достоверные карты всего лесного фонда, включая помещичьи леса. Однако эти карты не были опубликованы.

В 1-й трети XIX века лес шел в основном на внутренние нужды России. Транспортировка леса осуществлялась в плотах по Ладоге и Ладожскому каналу. Применялся и молельный сплав леса («россыпью»), в 1840-е годы по рекам Петербургской губернии сплавлялось в среднем 280 тысяч бревен в год. В 1830 году был вновь разрешен экспорт леса, что увеличило объемы рубок.

Еще более ускорило обезлесение с 1860-х годов, когда были отменены всякие ограничения в лесопильной промышленности. Шла массовая скупка предпринимателями крупных участков леса с последующими рубками, что существенно снизило лесистость столичной губернии. То же происходило и в Выборгской Карелии. Еще в 1-й половине XIX века в Финляндии рост стоимости леса обусловил замедление развития системы торпарской аренды¹³. В казенных лесах торпы перестали существовать в 1877 году.

В 1888 году в России было принято «Положение о сбережении лесов», на основании которого запрещались сплошные рубки, устанавливалась категория защитных лесов (вдоль судоходных рек и каналов, в верховьях и у истоков рек). Но положение применялось формально и не регулировало использования лесных земель, включая их аграрное освоение. Закон обходили, заменяя запрещенные сплошные рубки выборочными, но зато проводимыми по всей площади лесных дач. В Петербургской губернии к началу XX века частные леса составляли 71% лесной площади. Строевой лес занимал всего 15% всей лесной площади, дровяной лес — 48, «заросли» (на вырубках и заброшенных сельскохозяйственных угодьях) — 37%.

В 1886 году был принят 1-й лесной закон в Финляндии. Лесная администрация должна была в общенациональном масштабе охранять и поддерживать леса, включая и частновладельческие, доля которых в лесах Выборгской Карелии достигала в те годы 90%. При этом 48% всей лесопокрытой площади занимал подрост после выборочных рубок, 24% — подрост после пожаров, 21% — после подсек, 2% — после сплошных рубок; лесопосадки составляли 0,9% и лес на заброшенных сельскохозяйственных землях — 2%.

Таким образом, уже более 100 лет назад никаких коренных («девственных») лесов в регионе не существовало

Об искусственных лесных посадках. В XIX веке было еще далеко до плантационного лесного хозяйства, которое ведется нынче в Скандинавских странах. Но дубовые древостои искусственного (или отчасти искусственного) происхождения появились еще при Петре I. В XVIII веке были заложены также «корабельные рощи клена» в усадьбах Петербургского и Шлиссельбургского уездов, а также знаменитая запovedная Линдуловская роща площадью 278 гектаров из лиственницы сибирской близ

¹³ О торпе и торпарях см. в разделе «Расселение и землепользование»

Райволы. Она была посажена в 1738 году для обеспечения строящегося флота корабельным лесом. Менее крупные рощи из лиственницы появились позже близ деревни Петровщина на Путиловском плато, в Дивенском лесничестве Сиверского лесхоза, в районе Ольгино — Лисий Нос и др.

Искусственные посадки сосны и ивы были проведены на значительной площади в селении Сестрорецк. Во второй половине XIX века здесь настоящим бедствием стали подвижные пески. Причиной их «раскрепления» было сведение лесов и неумеренный выпас скота. Пески засыпали целые улицы и кварталы, многие сельские дома с наветренной стороны оказывались до крыш погребенными песком. Правда, некоторые жители улиц, прилегающих к берегу оз. Разлив, радовались нашествию песков, так как те «подарили» им новые площади суши для огородов. Частично были засыпаны также временные русла, образовавшиеся после прорыва плотины на озере Разлив, в том числе так называемая Бочага (Брун, 1875 г.; Собичевский, 1884 г., Давиденко, 1962 г.). Больших трудов стоило местным властям и жителям закрепить пески с помощью культур сосны, высаженных в конце XIX века у Перепада, у лютеранской церкви и вдоль шоссе и бережно выхоженных с помощью остроумной технологии (подробнее об этом см. в следующей главе «Экология Сестрорецка...»).

О широколиственных породах в южной тайге. Главными древесными породами, составляющими верхний ярус в лесах нашего региона, являются, как уже было сказано, хвойные (*ель, сосна*). Из мелколиственных пород широко распространены *береза, осина*, на влажных местах *ольха черная*. Но в регионе местами встречаются и «не таежные», широколиственные породы. Однозначно утверждать, что их роль здесь со временем уменьшается, нельзя, хотя такая тенденция есть. Правда, в течение последних 200-300 лет сохранению и даже расширению позиций широколиственных пород отчасти способствовали антропогенные воздействия: вырубка местных пород, создание усадебных парков и других искусственных посадок. Деградация же насаждений широколиственных пород в наши дни происходит вблизи животноводческих комплексов, в местах с избыточной рекреационной нагрузкой и т.п.

Дуб черешчатый (Quercus robur) — самое примечательное, эстетически выразительное и, пожалуй, загадочное дерево из этой группы. Северная граница его ареала пересекает весь регион, огибая северное побережье Финского залива и южный берег Ладоги. В южных районах области (на Ижорской возвышенности) дуб встречается на водоразделах в виде небольших рощиц или как примесь в мелколиственно-еловых и липово-еловых лесах. Но чаще дуб встречается вдоль крупных рек с развитой поймой (Волхов, Луга). Известно, что И.И. Шишкин писал дубы на гривах лужской поймы у станции Преображенская (ныне Толмачево), в Лисьем Носе, в Сестрорецке.

Дубовые рощи вдоль Финского залива образуют особую группу. Дуб часто растет здесь вместе с ольхой черной, обе породы, видимо, выносят недолгое затопление

(как и в поймах) и высокое стояние грунтовых вод. Наиболее крупные рощи зафиксированы в топонимике: парк «Дубки» в Сестрорецке, район Дубки (Морские Дубки) в пос. Лисий Нос, урочище Дубовая роща восточнее Лисьего Носа, урочище Дубочки у пос. Большая Ижора, пос. Дубки восточнее Приморска. Существуют и другие топонимы как славянские, так и финские, связанные с дубом: река Дубровка (правый приток Невы), мыс Таммикониemi («дубовый мыс» у Приморска), бывшая деревня Тамселья («дубовая гряда»). Рощи дуба встречаются и на островах Финского залива: в юго-восточной части острова Большой Высоцкий, на Северном и Малом Березовых островах, а также на небольших валунных грядках вдоль побережья залива на Кургальском полуострове.

Бытует мнение об искусственном происхождении дубовых рощ вдоль Финского залива и их принадлежности к петровской эпохе. Например, о том, что роща в Сестрорецке была якобы разведена для снабжения Кронштадта корабельным лесом и состояла из 2000 дубов, упоминается в нескольких путеводителях и в некоторых лесоводческих работах XIX века (Раунер, 1883 г.; Собичевский, 1884 г.). В пользу искусственного происхождения дубовых рощ свидетельствует, по Г.А. Исаченко, а) их расположение вблизи населенных пунктов (или в их пределах), в основном, в полосе размещения петровских резиденций; б) следы посадок деревьев и парковой планировки.

Однако, по нашему мнению, именно *изначальное наличие таких рощ* могло послужить основанием для выбора Петром I места резиденции (так произошло и с Сестрорецкими Дубками), а уже существовавшая роща могла быть затем «окультурена» в парк. Главное же доказательство допетровского (тем самым — не петровского) происхождения рощи — возраст самых старых дубов. По данным Т.Б. Дубяго, приводимым нами (Растворова, 2004, 2006 гг.), в Сестрорецких Дубках *и во всей прибрежной полосе до Лисьего Носа* встречались деревья (и пни) старше 400 и даже 600 лет.

Доводы в пользу естественного произрастания дуба по берегам Финского залива приводит и сам Исаченко, считая, что сохранению дуба благоприятствует более мягкий климат, сглаживающий зимние минимумы температур (Цинзерлинг, 1934 г.). Не вызывают сомнения естественное происхождение дубовых молодняков (20-30 лет) и подроста, которые и сейчас можно встретить в разных местах побережья залива. Все зафиксированные молодняки дуба (как правило, с ольхой черной) имеют высокую жизненность. Многие из них удалены от «посаженных» дубовых рощ, следовательно, порослевое происхождение исключается.

В наших «прибрежных» дубравах мало представлены растения — спутники дуба (так называемая *неморальная свита*)¹⁴. К этой свите традиционно принято относить *копытень*, *пролесник* многолетний, *подмаренник* (ясменник) душистый, *фиалку душистую*, *лютик кашубский* и другие виды. Этих растений в наших прибрежных лесах с участием дуба, действительно, нет. Но к неморальной свите относятся также и

¹⁴ От латинского «*nemoralis*» — дубравный.

снуть, которая, как правило, доминирует здесь в травяном ярусе, и, конечно же, ранневесенние эфемероиды¹⁵: анемона лютиковая, чистяк, хохлатка, луки из родов *Allium* и *Sagea*. Короткий жизненный цикл этих растений (надземные части отмирают уже в начале лета, «живут» только подземные запасующие органы) делает их незаметными в другие сезоны, и потому они не всегда бывают замечены специалистами. В Сестрорецких Дубках и в лесах от Лахты до Лисьего Носа весенние эфемероиды довольно обычны в мало нарушенных рекреационных зонах.

Считается, что пока нет определенного ответа на вопрос: сохранился ли дуб в нашем регионе с более теплого (атлантического) периода голоцена или он был интродуцирован человеком в последние 2-3 столетия? Однако почти сто лет назад С. Гамченко (1909 г.), изучив состав углей из погребальных курганов приблизительно X века, выявил повсеместное присутствие дуба. Тем самым было доказано, что тысячу лет назад, когда масштабная интродукция дуба еще не могла практиковаться, эта древесная порода была достаточно широко распространена на северном побережье Финского залива.

В любом случае, в данной зоне дуб растет на почвах, отличающихся особо высоким плодородием. По берегам Финского залива это почвы на рыхлых скоплениях морского гравия, богатого минералами — носителями калия и кальция. Продвижение дуба на север иногда связывают со сведением лесов и агрогенным обогащением почвы.

Ареал липы мелколистной (*Tilia cordata*) охватывает весь регион от склонов гранитных сельг на севере до глинистых равнин юге. Липа избегает только песчаных равнин и верховых болот. Известно, что в конце XVIII — начале XIX века близ Царского Села липа считалась чуть ли не сорной породой и при создании Царскосельского парка вырубалась (Горышина, 1993 г.).

Клен (*Acer platanoides*) распространен почти по всему региону, но в отличие от дуба и липы встречается во II ярусе древостоев и не образует собственных насаждений, хотя плотность возобновления при осветлении поразительна.

Для вяза XX век стал роковым. Типичная порода для лесов и парков Европы, вяз стал усыхать на пространстве от Темзы до Волги из-за агрессии гриба, так называемой голландской болезни, и из-за изменений климата. В регионе встречаются два вида — вяз гладкий (*Ulmus laevis*) и шершавый, или ильм (*U. glabra*), небольшие рощи которого встречаются вдоль побережья оз. Суходольское исключительно на узких завалуненных террасах, отмечающих прежний уровень озера до его искусственного спуска в 1818 году.

Ясень (*Fraxinus excelsior*) встречается реже остальных широколиственных пород. Кроме Ижорской возвышенности, где он образует рощи, ясень отмечен еще в конце XVIII века в лесах острова Коневец в Ладожском озере.

Из кустарников — спутников широколиственных пород наиболее типична лещина (*Corylus avellana*). Граница ее ареала по Карельскому перешейку проходит чуть

¹⁵ От греческого «ephemerous» — мимолетный, скоропреходящий.

севернее границы дуба. На Карельском перешейке это растение очень редко встречается вдали от человеческого жилья (в отличие, например, от известковых холмов в окрестностях Дудергофа, где деревья лещины образуют сплошные заросли).

Видов *трав*, относимых к неморальной свите, немало, но многие из них (ветреница дубравная, перелеска, чина весенняя, перловник поникший, бор развесистый, ландыш) растут не только под пологом широколиственных лесов, а и в травяных мелколиственных лесах и ельниках травяно-кисличных, где нет и примеси широколиственных пород. Очевидно, когда-то они входили в свиту дуба и липы и сохранились после их исчезновения, сумев пережить неблагоприятные условия. Некоторые другие виды неморальных трав сохранили связь с широколиственными породами: *копытень*, *пролесник многолетний*, *подмаренник (ясменник) душистый*, *фиалка душистая*, *лютик кашубский* и немногие другие, в том числе перечисленные выше эфемероиды.

Искусственное изменение гидрологического режима

Осушение болот и заболоченных земель. Из 18 типов ландшафтов региона четыре типа непригодны для сельского хозяйства: валунные холмы и гряды, гранитные гряды — сельги, береговые валы и современные дюны. Два последних типа широко представлены в окрестностях Сестрорецка. Из ландшафтов, пригодных для сельского хозяйства, только три типа не требуют никакой осушительной мелиорации: волнистые террасированные равнины на безвалунных песках и супесях, то же на водно-ледниковых песках и камовые холмы. Непосредственно в окрестностях Сестрорецка такие ландшафты отсутствуют.

Остальные типы ландшафтов региона, занимающих большую часть его площади, *нуждаются в осушении*. Осушение почв необходимо в том числе и для ландшафтов, окружающих Сестрорецк — в пределах *Приневской низины* и прилегающей к ней полосы *северного берега Финского залива*. Это плоские и слабоволнистые равнины, озерные и морские террасы, описание которых содержится в разделе «Геологическая история и ландшафты Карельского перешейка»¹⁶. В период подстоличного развития региона Приневская низина стала играть важнейшую роль в обеспечении Петербурга продукцией земледелия, в особенности овощеводства. В то же время слабая естественная дренированность и большая пестрота почвенного покрова снижали продуктивность здешних почв. Поэтому на Приневской низине в XIX веке регулярно производились осушительные работы, масштабы которых постоянно возрастали. Длительное окультуривание осушенных почв преобразило их облик, создало на месте серии пестро окрашенных горизонтов, присущих исходным подзолисто-болотным почвам, относительно мощный и однородный пахотный слой с более благоприятными свойствами (Путеводитель экскурсии..., 1996).

Удачным был опыт осушения и окультуривания значительных площадей на тер-

¹⁶ История Сестрорецка..., 2006, т. I, с. 9-30.

ритории Выборгской Карелии в составе Великого Княжества Финляндского. Вплоть до присоединения Карельского перешейка к СССР в северной части перешейка была распространена вспашка *узкими загонами*. Загоны шириной 7–12, реже до 25 м, разделялись дренажными канавами длиной 60–200 м, глубиной 30–50 см и шириной 50–60 см, идущими по уклону. Их назначением было осушение угодий и улучшение воздушно-теплового режима почв. Последствием узкозагонной вспашки было образование возвышенности посередине, вдоль оси. В итоге сформировался своеобразный полосчатый микрорельеф. Он способствовал стоку воды в дренажные каналы. Канавы 1-го порядка выводились в магистральные каналы шириной до 1 м, проложенные по тальвегам террас и выходящие в реки и озера.

Более 90% всех сельскохозяйственных земель Выборгской Карелии было покрыто такой осушительной сетью, которая работала достаточно эффективно, что позволило в сочетании с внесением органических удобрений создать высокопродуктивные почвы с мощным гумусовым профилем.

Позже, с 1940-х годов, эта старая финская осушительная сеть была признана непригодной для коллективных хозяйств с большими полями и с тракторной обработкой и запахивалась. Новая сеть закладывалась по шаблону: 120–140 метров между канавами, а потом, когда это расстояние себя не оправдало — 40–50 метров. Но создать большие, однородные, удобные для тракторной обработки поля не удалось, а сеть оказалась неэффективной не только из-за редкой прокладки дрен, но и потому, что была сделана с огрехами. Началось вторичное заболачивание, которое вывело из пользования только в одном Выборгском административном районе около 10 квадратных километров пахотных земель. Только там, где новую сеть проложить не успели, продолжала действовать старая сеть, остатки которой — заплывшие каналы — сохранились до наших дней. В современном Курортном районе такой полосчатый рельеф можно наблюдать в пределах озерно-ледниковой равнины, в частности, в лесах вдоль железной дороги на отрезке от Белоострова до Зеленогорска. В пределах более низкой морской террасированной равнины похожий рельеф представлен в пределах Канавного болота, к северу от Ржавой канавы.

Изменение озерно-речной сети. Уже подсечно-огневое хозяйство начало изменять режим рек. Новым шагом на этом пути стало сооружение водяных мельниц, которое началось не позже XIII–XIV веков, одновременно с распространением трехпольной системы земледелия. В Новгородских писцовых книгах в 1500 году указана *запруда в низовьях реки Сестры*, сооруженная для рыбной ловли. Половина плотины принадлежала шведам, другая — новгородцам (Немиров, 1888 г.).

По мере развития промышленности вода становилась все более важным источником дешевой энергии и транспортным средством. Воду отводили, подводили, накапливали в *водохранилищах*, крупнейшим из которых стал *Сестрорецкий разлив* (старые названия — Заводской разлив, Сестрорецкое озеро, Сестрорецкий резервуар).

Он обязан своим происхождением *плотине*, построенной на р. Сестре, в 5 км выше ее впадения в Финский залив и ниже впадения в неё речки Черной. По замыслу Петра I, в 1721 году здесь начали строить сестрорецкие оружейный и пороховой заводы. По некоторым данным плотина на этом месте была построена в XVII веке шведами. Те, в свою очередь, использовали запруду, сооруженную до 1500 года. Иными словами, первоначальная запруда уже существовала в то время, когда юго-восточная часть Карельского перешейка еще была «русской». После создания плотины в 1720-х годах озеро постоянно увеличивалось, уровень его повышался. Во времена Петра I это повышение было еще недостаточным для устройства фонтанов в Дубковской резиденции. Рукописная карта 1732 года — так называемый план Есаулова, хранящийся в музее завода имени Воскова и воспроизведенный в книгах В.В. Беликова (1999 г., а,б) и в главе «Пути — дороги» настоящего издания, изображает начальный этап формирования озера. На этом плане русла рек Сестры и Черной выше плотины расширены, но еще не соединены, а разделяются мысом — останцом водораздела. На более поздних картах Санкт-Петербургской губернии (1770, 1792), с которыми можно ознакомиться в Картографическом отделе Российской национальной библиотеки, очертания озера уже приблизились к современным. К концу XIX века площадь озера достигла почти 10 кв. км, а уровень превысил 6 м над уровнем залива. В первые десятилетия существования водоема сдерживающие его плотины неоднократно прорывались из-за несовершенства самих сооружений и неумелого регулирования уровней воды в период половодья. Поэтому плотина (плотины) не раз реконструировались и усиливались (см. «История Сестрорецка...», т. 1, 2006 г.), а для сброса паводковых вод в разные годы строились отводные каналы со шлюзами. В 1839 году для отведения части стока Сестры в Финский залив был построен обводный канал со шлюзами выше впадения реки в озеро; вскоре шлюзы были заменены глухой перемычкой на Сестре. В 1839-1862 годах воды Сестры направлялись по каналу в залив, минуя озеро, а Сестрорецкий Разлив питался только водами р. Черной, что вновь привело к сокращению площади водоема. В 1862 году, после реконструкции плотин и сооружения водослива ниже выхода воды из Разлива, перемычка на Сестре была уничтожена, и в водоем снова стали поступать воды обеих рек. Уровень воды и площадь озера вновь увеличились и с тех пор мало менялись. Бывший обводной канал сильно зарос и получил название Ржавой канавы; до 1940 года по ней проходил участок границы Финляндии и СССР.

После очередного прорыва плотины в начале XIX века в 4 км к югу от устья Заводской Сестры образовалось еще одно русло — *Водосливной канал* (в верхнем течении называемый рекой Шипучкой). Именно по каналу через каменную плотину проходит в настоящее время основной объем стока из озера в Финский залив. Канал впадает в залив к югу от Дубовского мыса. Когда-то В.Л. Некрасова (1927 г.) неудачно применила выражение «*через Дубковский мыс*», впоследствии оно было неоднократ-

но заимствовано В. Беликовым (1999 г., а, б). В северном рукаве Заводской Сестры, сливающимся с Ржавой канавой, ниже этого слияния в последние годы водоток отсутствует, русло полностью засыпано морским песком и начинает зарастать ивняком. Более чем двухсотлетнее существование искусственного водоема и подпор воды на окружающей территории привели к изменению прибрежных ландшафтов, в частности, к формированию обширного болота к северу от Сестрорецка, представляющего собой сплавину — толстую «подушку» из торфа, мхов, корней высших растений.

В конце XVIII — начале XIX века на реках южной части Карельского перешейка появились плотины с водохранилищами при заводах *частных владельцев*: Меднозаводский разлив при заводе на реке Черной, притоке Сестры, Елизаветинское озеро при лесопильном заводе в верховьях реки Охты, разлив на речке Рошинке (Райволан-йоки) при чугунолитейном заводе. Наиболее крупным из них был первый, называемый Медным озером (площадью около 1 кв. км). Здесь река была перегорожена земляной дамбой длиной 500-700 м, шириной 10 и высотой 2-3 м. Теперь озеро выглядит как естественное.

Степень воздействия водохранилища на ландшафт пропорциональна размеру озера и сводится к изменению местного климата, повышению уровня грунтовых вод, подмыву берегов и др. Влияние бывает более сильным при затоплении плоских низин, чем глубоких речных долин с крутыми бортами.

Строительство каналов. В XIX веке продолжалось строительство *транспортных каналов*, начатое при Петре I. Напомним, что в 1724 году был построен канал в обход Ладожского озера (Канал Петра Великого) длиной 111 км, соединивший Неву с рекой Волхов. Суда по каналу передвигались бурлаками и конной тягой. Еще до строительства этого канала были начаты работы улучшения фарватера на Волхове, по созданию Вышневолоцкой водной системы, соединившей столицу с внутренними районами страны.

Для хозяйственного развития региона в дореформенный период большое значение имело строительство Мариинской и Тихвинской водных систем, связавших Петербург с Волжским бассейном. В начале XIX века были прорыты *новые обходные каналы вдоль берега Ладожского озера*, соединившие Волхов с Сясью, Сясь со Свирью, Тихвинку (приток Сяси) с Чагодой (притоком Мологи). В 1810-1811 годах Мариинская и Тихвинская системы вступили в эксплуатацию. По ним пошли основные грузы из Петербурга и в Петербург, а вышневолоцкая система утратила свое значение. С начала 1850-х годов по Неве, Волхову и Ладожскому озеру было установлено пароходное сообщение. Возможность этого сообщения увеличилась после того, как в 1866-1882 годах были сооружены Новоладожские обводные каналы протяжением 157 км, заменившие Староладожские.

Вообще, как известно, строительство каналов на «подстоличной территории» началось с «*потешных*» каналов Петра I, которые вели от моря в загородные residen-

ции (эти каналы выполняли и транспортные функции). Но самый первый канал был проложен в 1710 г. на усадьбе не у Петра I, а у А.Д. Меншикова в Ораниенбауме. В 1714—1716 годах был построен Большой канал в Петергофе, в 1719—1722 годах — в Стрельне. В их создании участвовали лучшие архитекторы того времени. (И.-Ф. Браунштейн, Ж.-Б. Леблон, Н. Микетти, Д. Фонтана, А. Шлютер и др.). В начале 1720-х гг. по проекту С. ван Звитена, одобренному Петром I, была проложена хорошо сохранившаяся система каналов *регулярного (Голландского) сада в Сестрорецкой резиденции Дальние Дубки*. Несколько раньше каналом была окружена и усадьба Петра I в Старых (Средних) Дубках у Лисьего Носа. Остатки этого канала еще можно видеть.

Заключение

XIX век для Сестрорецка и его окрестностей, так же как для всей Петербургской губернии и Выборгской Карелии, был *периодом подстоличного развития: особенности социально-экономического развития края определялись столичным статусом Санкт-Петербурга*.

В то же время разные части региона существенно различались по типу расселения и землевладения, этническому составу и плотности населения, уровню развития промышленности и сельского хозяйства. Эти различия были, с одной стороны, отражением всей многовековой предшествующей истории края, с другой — следствием разнообразия ландшафтов. Поэтому развитие той или иной части региона в XIX веке необходимо рассматривать в связи его предшествующей историей.

Собственно на XIX век пришлось средний, аграрный этап периода «подстолично-го развития» (начавшийся еще в последней трети XVIII века), и заключительный, промышленный этап. Основные черты периода:

- непрерывное возрастание воздействия человека на ландшафты (с применением новых видов интенсивного воздействия для получения новых площадей сельскохозяйственных угодий);
- развитие региона в составе двух государственных образований (с 1811 года — Петербургская губерния России и Выборгская губерния Великого княжества Финляндского), различающихся по социальному и политическому устройству;
- массовая скупка и сведение лесных массивов;
- увеличение заготовки и экспорта лесоматериалов (в XIX веке в регионе не осталось «девственных» лесов!);
- перераспределение земель между владельцами после реформы 1861 года с формированием рынка купли-продажи земли;
- изменение специализации сельского хозяйства, целиком ориентированного в пригородных уездах на городской рынок;
- стабилизация этнического состава населения;

— развитие тяжелой промышленности и формирование сети железных дорог;
— массовое летнее переселение обеспеченной части населения на загородные дачи, повсеместное строительство дач.

Для Сестрорецка и его окрестностей характерны те же закономерности социально-экономического развития, что и для региона в целом. Но их конкретное проявление преломлялось специфичностью истории селения и его градообразующего предприятия, приграничным и прибрежным положением, а в самом конце XIX века — его дачно-курортным статусом.

Экология Сестрорецка в XIX веке в описаниях современников

В публикациях XIX века оценка условий жизни человека в Сестрорецке и его ближайших окрестностях была неоднозначной.

Прекрасная местность. Красоты здешних мест воспеты в XIX веке во многих изданиях, начиная с известного анонимного сочинения «Памятник искусств и вспомогательных знаний. Сестрорецк» (1843 г.), широко цитируемого во всех нынешних краеведческих работах, и кончая путеводителями рекламного толка, вышедшими в последнее десятилетие XIX века. В описаниях фигурирует и море («лазурная долина Финского залива, усеянная летнею порой стаями иностранных кораблей»¹), и строевой красный лес, и расположенное в 20 верстах от Сестрорецка «прекрасное местоположение в окрестностях горного хребта, называемого Свиным»² и состоящего «из гранитных скал», и дубовая роща, насажденная по повелению Петра Великого, и «дачная местность, застроенная солидными и вполне комфортабельными дачами в прекрасном сосновом лесу близ Финского залива с прекрасными купальнями и роскошным *plage*'м».³ В общем, окрестности Сестрорецка — местность, «привлекающая дачников морскими купаньями, лесом, богатством чистого воздуха и воды»⁴.

К этому в последние годы XIX века добавились блага хорошо оборудованного Сестрорецкого курорта «с огромным курзалом, прекрасной гостиницей при сравнительно недорогом пансионе, ... ежедневные концерты, ... искусственные соленые ванны, постоянный медицинский персонал, благоприятные климатические условия»⁵.

Правда, означенная местность, столь привлекательная для приезжих, расположена в полутора верстах от селения Сестрорецк, о самом же селении ничего не говорилось.

Врач бьет тревогу. В изданиях не рекламного характера можно найти *иные оценки*, свидетельствующие о некотором *экологическом неблагополучии*. Они звучат, в частности, в работе С. А. Броуна, выполненной в 1870-х годах по поручению местного земства и опубликованной в Известиях императорского русского геогра-

¹ «Памятник...». 1843, с. 26.

² Там же, с. 27.

³ Путеводитель по дачным окрестностям Петербурга на 1903 год, с. 41.

⁴ Полный путеводитель по Петербургу и всем его окрестностям. 1896, с. 305-306

⁵ Путеводитель по дачным окрестностям Петербурга на 1903 год, с. 41.

фического общества⁶. Как отметили члены Общества, «доктор Броун представил труд, замечательный по своей обстоятельности и полной добросовестности». По существу это было первое естественноисторическое описание Сестрорецкой волости, оно касалось и *геохимических факторов* среды обитания человека (воды, почвы, подстилающие породы).

С. А. Броун говорит о *бедности почв* волости («наносный песок»), так что разведение садовых растений может быть успешным только при необыкновенной заботливости и труде. Из-за бедности почв естественная растительность однообразна: сосна — в сухих местах, ель, осина и ольха и мелкий березняк — в низких. В местах, не защищенных лесом, под песком обнажается слой глины, мощность которого, видимая в речных обрывах (за Заводом и в Бочаге) достигает двух саженей. По поверхности глины в реку просачиваются ржаво-бурые ручейки, так что верхний слой глины покрывается *буро-красной массой окиси железа*. Много железа содержит и вода колодцев, питающихся из Резервуара (из озера Разлив. — *О.Р.*), а тот, в свою очередь, питается водой рек Сестры и Черной, текущих из болот. Железо в соединении с дубильными веществами торфа (в оригинале — с «тонином», т.е. танином) дает *черную муть*; долго лежавшее в воде и вынутое из нее дерево покрывается ржавым налетом. В колодцах новой части селения в лесу и на берегу залива (т.е. ближе к Курорту. — *О.Р.*) вода бывает *солонатово-горькой*, от такой воды, по мнению Бруна, бывают запоры. Соленость воды в колодцах он объясняет близостью залива, забывая о том, что Финский залив пресноводен вплоть до долготы Приморска. Только двумя десятилетиями позже обнаружатся лечебные свойства этой минеральной воды (которая обычно оказывает на кишечник действие, обратное запорам).

Климат похож на петербургский (традиционно считающийся нездоровым). Дополнительные неблагоприятные факторы — более продолжительная зима (таяние снега и льда в водоемах происходит недели на полторы позже) и, главное, *сильные западные и восточные ветры*. Пронзительные и холодные западные ветры способствуют обострению ревматических заболеваний, а при обилии открытых, незакрепленных растительностью песков — и возникновению глазных болезней. По-видимому, мы видим здесь первое печатное упоминание о *нашествии песков на Сестрорецк*. Правда, «Памятник...» (1843 г.) тоже косвенно свидетельствует об этом, когда отмечает, что единственным местом, *где не было песка*, была терраса перед дворцом в «Дубках». Развеивание ветром песков и образование дюн некоторые авторы⁷ объясняют однозначно: «с устройством завода леса были уничтожены» (с. 20, фото молодых дюн на с.13).

Обилие болот и мелких водоемов всегда считалось причиной лихорадок (хотя во времена Бруна мало знали о роли комаров — переносчиков болезней). В 1874 году на

⁶ Очерк Сестрорецкой волости..., 1875, т. XI, с. 474-486.

⁷ А. Орфеев, М. Неклюдов. 1900.

Заводе установили новый двигатель, для которого потребовался *более высокий уровень воды* в Резервуаре, что привело к увеличению площади водохранилища и в частности мелководий. После этого в селении появились частые заболевания *перемежающейся лихорадкой*. Аналогичную ситуацию наблюдал за 10 лет до того предшественник Броуна — врач Духновский. Кроме самого Резервуара, Броун считает источником лихорадок место его бывшего прорыва — длинное узкое болото, называемое Бочагой. Туда ветром наносится песок, водоем мелеет, появляется «поросль», дающая материал для гниения.

К другим факторам, негативно влияющим на здоровье жителей, С. А. Броун относит появление железнодорожного сообщения с Белоостровом (а через него и с Петербургом), вследствие чего *прекратилась относительная изоляция* селения Сестрорецк. До 1874 года единственным наземным путем была береговая дорога, «принадлежащая к числу натуральных», т.е. таких, прокладка которых сводится всего лишь к вырубке леса и корчевке пней. После постройки железной дороги береговая дорога была почти заброшена. Железная дорога вызвала *усиление притока приезжих*, а также способствовала более частым поездкам в столицу местных жителей. До этого оружейники бывали там нечасто, ходили пешком, да и то с разрешения начальства. Теперь же «не стало преград для поселившейся в Петербурге холеры».

Приток пришлого населения *ухудшил эпидемиологическую обстановку* в Сестрорецке. Участились случаи венерических болезней, были зарегистрированы заболевания холерой, оспой. Иногда выздоровление от оспы затруднялось скудным питанием (вообще, как отмечал Броун, у населения «пища недостаточная, хотя доходы неплохие»). Броуну приходилось сталкиваться со случаями, когда дети, уже выздоравливавшие после оспы, погибали оттого, что им не давали никакой пищи, кроме размоченных сухарей. «Грубую и недостаточную пищу» Броун считал также одной из причин возникновения язвы и даже рака желудка.

Вредным для здоровья фактором были *дурные привычки* некоторых жителей. «Пьянство искони было безобразным в Сестрорецке, как и вообще между фабричным народом». В 1874 году здесь было более 25 кабаков. Потом их число было сокращено до пяти, но их осаждают толпы.

Броун отмечает, что в домах оружейников было очень чисто, хотя сами по себе жилища большинства жителей были довольно скромными. Однако новые дома, отстроенные после пожара 1868 года (их было около пятисот), были выстроены с большей претензией на комфорт.

Интересны сведения о *численности, составе, здоровье и роде занятий населения*, приводимые Броуном. Всего в 1870-е годы в Сестрорецке было 5794 жителя. Прирост населения происходил за счет приезжих и отставников — бывших солдат местной артиллерийской команды. Соотношение количества больных и здоровых в 1871-1872 годах было 1:6,17, умерших и заболевших 1:7.

Нашествие песков — локальная экологическая катастрофа. Вот какая обстановка складывалась в 1880-х годах в Сестрорецке и его окрестностях⁸. Севернее поселка и по обеим сторонам Белоостровско-Сестрорецкой шоссейной дороги большие участки занимали сплошные сыпучие пески. Вдоль обоих берегов нового водоотводного канала и на юго-западе Сестрорецка у Перепадской набережной были открытые летучие пески. Наступали они и со стороны Тарховского мыса. В 1879 году на Перепадской набережной ветром нанесло такие горы песка, что их с трудом можно было переехать. Жители не ограждали своих домов на том лишь основании, что если их огородить, то в первую же песчаную бурю будет снова нанесена песчаная гора. Огромные массы песка наступали и со стороны залива и на северные части Сестрорецка: в Канонерской слободе целая куртина сосен, растущих на склоне прибрежной песчаной гряды, оказалась занесенной песком до самых верхушек. Жители, поселившиеся вдоль берегов Гагарки, летом вынуждены были откапываться и отвозить песок прочь от домов. Жившие на Петербургской улице (ныне улица Мосина) даже откапываться не успевали, а их постройки засыпало под самую крышу.

А вот как описывает один ученый лесовод⁹ специальную экскурсию членов Лесного общества 17 мая 1884 года в Сестрорецкую лесную дачу. Отметим попутно, что одним из девяти участников той поездки был знаменитый впоследствии профессор Д.Н.Кайгородов, орнитолог и фенолог.

«Выйдя из завода и направляясь в селение Сестрорецк, на южной окраине его, мы увидели первое значительное обнажение песку. От каменного шлюза — «перепада» по ложине в море на полверсты к югу тянется *полоса совершенно голого песка* шириной 100—150 сажень (200—300 м. — *О.Р.*). К востоку она прилегает к домам, расположенным вдоль берега Разлива (по улице Мосина — *О.Р.*). Многие дома совершенно засыпаны, так же как в одном месте дорога на Лисий Нос. Опасность угрожает и самому озеру-«разливу», а следовательно и заводу, так как обмеление озера от постепенного всыпания мелкого песку затруднит и может быть прекратит действие завода».

«На запад, по направлению к морю, от которого полоса песка отстоит версты на полторы, сначала идут огороды, затем луга, постепенно переходящие в болотистый, поросший ольховым кустарником берег моря. Пока вместо кустарника был ольховый лес, он удерживал морские ветры. После срубки началось выдувание песков и движение их на село». Произошло это тогда, «когда почти вся Сестрорецкая дача (около 5000 десятин) была отдана в надел крестьянам (точнее, под сенокосы, выгоны и огороды рабочим завода. — *О.Р.*). Лес был истреблен, почва лишилась наружного покрова и началось движение песка». К моменту наблюдения (1880-е годы) пески представляли собой острова среди задернелых участков.

⁸ Давиденко А.И. Сестрорецк. Очерки по истории города. Лениздат. 1962.

⁹ Собичевский В.Т. Экскурсия членов Лесного общества...1884. Т. . Вып 10. С. 545-558

От Перепада (вдоль Шипучки) «мимо огородов, через выгон с обглоданной скотом ольхой» экскурсанты прошли к Дубовской косе, осмотрели рощу «Дубки» (о ее состоянии рассказано в следующей главе «Парк Дубки в XIX веке») и проследовали по берегу с запада на восток, мимо зарослей ольхи к Канонирской роще.

По обнаженному берегу моря им встретились куртины ивы узколистной (*Salix acutifolia*). Такая растительность тянется до порта Миллера с заброшенной железной дорогой. Морской берег большей частью ровный, низменный, лишь изредка повышается к востоку. На нем нигде не встречаются непрерывные дюны, несмотря на повсеместное присутствие открытого песка и таких предметов, возле которых песок легко бы мог накапливаться». От порта Миллера дальше, до Финляндской границы (до Ржавой канавы. — *О.Р.*), тянется длинная полоса самых высоких дюн, соединенных основаниями. Происходит засыпание песком деревьев и целых насаждений на высоту до 12—15 сажень (!). Возле водоотводного канала (Ржавой канавы), против таможи и дер. Кокколово, находятся самые высокие дюны до 80 футов (около 25 м) над уровнем залива. Возле деревни Йоенсуу, на правом берегу реки Заводской (Сестры) при впадении ее в залив, расположена наиболее высокая заросшая дюна (83 фута). На левом берегу находится обнаженная дюна самой правильной подковообразной формы.

Как следует из приведенного описания, в 1884 году в западной части Сестрорецка, на отрезке между плотиной Гаусмана и устьем Заводской Сестры, можно было

Дюны у реки Сестры. Открытка конца XIX века

наблюдать разные формы эоловых отложений: от агрессивных подвижных песков, широким фронтом наступавших на южную часть селения Сестрорецк, до высоких, частью закрепленных лесом дюн. Подвижные, разбитые выпасом скота пески угрожали тогда не только жилым домам и приусадебным участкам, но и озеру, а косвенно через его обмеление и заводу.

С этой локальной экологической катастрофой XIX века удалось тогда справиться, и теперь о размерах песчаных атак мы можем только догадываться, глядя на пологие заросшие холмики. Они встречаются по всему городу: возле здания Администрации, на улице Володарского, на территории Больницы № 40 и к северу от нее, за рестораном «Тайм-аут», в полосе между железной дорогой и улицей Мосина. Серию более крупных, но тоже заросших соснами холмов мы видим вдоль р. Сестры севернее завода и в других местах. Кое-где продолжают жить небольшие и «нестрашные» участки открытых песков (на Угольном острове, у Белой горки, вдоль железной дороги, особенно за мостом в Курорте). После каждого дождливого лета они частично закрепляются укоренившейся травкой, немного «сжимаются» по площади, а после засушливого — вновь оголяются и «раскрепляются». Но былого бешенства ветра и песка мы не видим и (будем надеяться) не увидим, пока существует лес: деревья, кусты, травы и слой дернины.

Откуда же взялась растительность на некогда голых песках? Сейчас нам кажется, что она была всегда и никуда не пропадала. Нам трудно представить себе, сколько скота было у жителей Сестрорецка, как чисто и споро «работала» эта мирная скотинка своими нехищными зубами, как беспощадно разбивали слабую на песках дернину острые копыта.

Если присмотреться к соснам в Сестрорецке и в Курорте, можно заметить, что они все примерно одинаковы по высоте и диаметру, среди них нет долгожителей и великанш — они ровесницы. Они не очень стары, им чуть больше 100 лет. Каким же чудом они появились и спасли город (тогда ещё селение) и озеро?

Это чудо пришлось выстрадать нашим предкам. Чтобы узнать начало этой истории, вернемся к нашим экскурсантам (Собичевский, 1884 г.) и их рассказу.

В 1876 году (через год после того, как доктор Броун встревожил научную общественность медицинскими проблемами Сестрорецка) в Земском собрании Санкт-Петербургского уезда Санкт-Петербургской же губернии Сестрорецким сельским обществом был возбужден вопрос об очистке от песчаных наносов улиц Сестрорецка. Собрание поручило сельской управе разработать соответствующие меры. Сестрорецкая управа попросила губернатора предоставить специалиста, и был прислан старший запасной лесничий А.К.Битный-Шляхта, который и осмотрел местность вместе с представителями управы и депутатом от артиллерийского ведомства (к которому принадлежал Завод). Необходимо было предложить меры: а) к приостановлению уже пришедших песков и б) к устранению причин раскрытия песчаных залежей.

А.К.Битный-Шляхта и Е.С.Комаров — уездный гласный, обыватель Сестрорецка, уверяли, что море уже перестало давать новый материал для песчаных заносов. Против этого положения возражали приглашенные на заседание уездного земского собрания профессора Санкт-Петербургского университета А.А.Иностранцев и В.В.Докучаев. Они считали, что в Сестрорецке новые дюны должны продолжать формироваться подобно тому, как это происходило тогда в устье реки Нарвы и возле Выборга.

Все-таки была предложена программа.

Меры I категории были направлены на то, чтобы покрыть пески древесной и кустарниковой растительностью. Для этого требовалось следующее:

1. На бугристых песках у так называемого Перепада (8,2 десятины) *произвести сплошной посев обескрыленных* (чтобы не выдувались ветром. — *О.Р.*) *сосновых семян* с покрытием его сучьями хвойных деревьев и ограждением жердевой изгородью, канавами и плетнем. При этом прилагался расчет количества семян (143,5 фунтов), сучьев, жердей, кольев, «пеших» (399,5) и «конных» (75,2) рабочих дней. Таким образом, трудоемкость работы была такова, что если бы ее пришлось выполнять одному человеку, он должен был бы без выходных и отпуска трудиться 1 год, 1 месяц и еще 4,5 дня.

2. На более ровных песках у Перепада и у Лютеранской церкви, вдоль шоссе и железной дороги *высадить ивовые черешки*.

3. *Общественный выгон* (8,37 десятин) вдоль открытых песков у Перепада *засадить сосновыми саженцами с упразднением выгона*.

4. Ольховую кустарниковую заросль (75 десятин) *срубить хотя бы на половину (высоты)*, чтобы получить более доброкачественную и гонкую поросль и тем уменьшить влияние ветра. *Пастьбу при этом запретить*.

5. Дорогу (полосу песка шириной 6 сажень) мимо выгона упразднить, закультивировать одновременно с выгоном.

6. Сохранить все растущие сосны.

Общие расходы, не считая сучьев, ивовых жердей, кольев на заборы, которые бесплатно предоставляла Сестрорецкая лесная дача, оценивались в 1413 рублей и еще 15% сверх этой суммы — на уход за посадками в течение трех лет и их подновление, а также оплату двух сторожей.

Меры II категории — регламентация пользования Сестрорецкими лесами и угодьями, исключающая раскрытие новых песчаных залежей, то есть образование новых ареалов подвижных песков.

К тому моменту, когда Собичевский писал эту статью, перечисленные меры *не были осуществлены*, так как земская управа сочла тогда, что расходы носят не местный, а общегосударственный характер, и должны финансироваться из соответствующих источников. Но пески на месте не стояли, их все равно пришлось останавливать. Их ос-

тановили, затратив на это в 3-4 раза больше сил и средств.

Может ли нашествие песков повториться в наши дни?

Может. Только разрушать почвенно-растительный покров, столь непрочный на песках, будут не копыта домашних животных, а ноги людей и колеса их машин, низовые пожары от непотушенных костров и окурков. Официально всё это называется *последствиями рекреации*, то есть отдыха, а точнее «отдыха».

Всё время надо помнить, что ветер не замедлит воспользоваться любой «дыркой» в защитном покрове. От нас зависит — делать или латать эту дырку.

Таким образом, уже в XIX веке в Сестрорецке и его окрестностях при всех красотах и выгодах приморского положения, обилии леса и свежего воздуха, при всех заманчивых возможностях нарождающегося курорта существовали факторы, вредно влияющие на здоровье его жителей и приезжающих дачников. Это, в первую очередь, сыпучие пески, движение которых, спровоцированное вырубкой леса и неумеренной пастьбой скота, привело к засыпанию целых улиц, обмелению озера Разлив, обострению легочных и глазных болезней среди населения. Негативное влияние на здоровье оказывали и природные факторы: более прохладный, чем в Петербурге, климат с резкими ветрами, обилие болот и мелководий, не всегда благоприятный состав питьевой воды и другие.

Парк Дубки в XIX веке

Напомним, что к началу XIX века Сестрорецкие (Дальние) Дубки уже давно не имели статуса царской резиденции. Они утратили этот статус еще в 1727 году, после смерти Екатерины I, на два года пережившей Петра I. Роща вместе с дворцом и прочими постройками, покосы и другие уголья перешли из дворцового ведомства (Канцелярии от строений) в ведение Адмиралтейства, а позже — Главного артиллерийского управления.

«Дубки, как и в них каменный дом и прочее всякое строение и садовое место и дубовые рощи и сенные покосы, так же как и Средние Дубки, описав обстоятельно, отдать определенным для того приему от Адмиралтейства немедленно» — гласил ордер А. Д. Меншикова от 30 мая 1727 года, составленный в соответствии с указом Петра III¹. Из Дубковского дворца тогда было вывезено все ценное (мебель, драпировка, облицовочные панели, двери, оконницы, изразцовые печи и др.) для передачи в строящийся дворец Петра II. Инструменты из оранжерей, «машину, что на пруду стояла», а по осени также деревья и кустарники ценных пород из регулярного сада вывезли морем в Петергоф. Сестрорецкий Оружейный завод, относившийся тогда к Адмиралтейскому ведомству, сделался с тех пор главным пользователем Дубковской гавани, а здание дворца стало использоваться в качестве склада как для материалов, привозимых заводу морем, так и для продукции завода, морем же отправляемой в Петербург.

Роща. За дубовой рощей продолжали следить как за мемориальной, связанной с именем Петра I. Однако этот надзор едва ли был достаточным и регулярным. Красноречивым документом было обращение в 1798 году статского советника И. Долинского, имевшего владения поблизости, в канцелярию завода с просьбой «указать рабочим завода бережно относиться» и «воспретить чинить какой-либо оному дубковскому месту вред, или малейшее чего-либо там истребление» (Василевская, 1989, с. 57). О некотором небрежении со стороны завода говорит и то, что крыша дворца всего за 30 лет пришла в негодность. «По великости» этой прохудившейся крыши заботу о ней администрация завода пыталась в 1755 году переложить на Канцелярию от строений, в чьем ведомстве бывшая резиденция уже давно не состояла (Ва-

¹ Цит. по: «Историческая справка... 1984, с.11

231. Дубовая роща Петра I близ Сестрорецка.

Bosquet de chênes de Pierre I.

Дубовая роща Петра I. Открытка конца XIX века*Дубы Петра Великого в Сестрорецке. Художник И.И.Шишкин, 1886*

силевская, 1989, с. 54).

Но, безусловно, в мемориальной дубовой роще, в отличие от других лесов вблизи Сестрорецкого завода, не проводилось ни массовых рубок, ни выпаса скота. Поэтому Дубовский мыс избежал судьбы остальной части Сестрорецка, где вырубка лесов и усиленный выпас привели в XIX веке к катастрофическому развеиванию ветром обнажившихся песков, образованию дюн, засыпанию целых улиц, обмелению западной части озера Разлив (см. предыдущую главу «Экология Сестрорецка...»).

Первые достоверные сведения об учете количества «дубов, насажденных императором Петром Великим в Сестрорецкой дубовой роще», относятся к 1873 году. Как указывают Н. В. Малышева, А. Л. Рейман и др. (1995), в ведомости за тот год было показано: всего дубов 1056, из них 703 здоровых, 216 дуловатых и 137 сухих. Это очень хороший итог: более трети высаженных 10–15-летних деревьев по достижении 150-летнего возраста оставались здоровыми. Впрочем, в число 1056 вошли, очевидно, не только собственно посаженные во времена Петра деревья, но и самосев такого же возраста.

Похожие данные по итогам инвентаризации рощи сообщаются в рапорте Хозяйственного отделения Оружейного завода Начальнику артиллерии, поданного 20 апреля 1882 года: «из значущихся по шнуровой книге 1286 дубов ныне имеется на корню 1214, остальные деревья, как павшие, обращены в дрова» (Василевская, 1989, с.67). Очевидно, в шнуровую книгу Хозяйственного отдела были включены все спелые деревья дуба, а не только дубы петровской посадки. Поэтому в ней числится чуть больше дубов, чем в 1873 году.

Сведения об усыхании старых деревьев приводят и «сторонние» авторы: некто С.Раунер (1883) жалуется в редакцию «Лесного журнала» на весьма «странный уход за этой рощей со стороны Сестрорецкого завода, в ведении которого она находится. Артиллерийское управление, стараясь придать этому насаждению вид чистого, опрятного парка, весной *собирает всю опавшую листву в кучи и сжигает ее*. В сочетании с редким стоянием дубов и отсутствием «почвенного подседа» (подроста и подлеска. — О.Р.) это вредно влияет на рост дуба. Из года в год насаждение это редееет, и число фаутных² деревьев увеличивается». В напочвенном покрове С.Раунер отмечает наличие мхов. Удивительно, что из травянистых растений под пологом леса он упоминает только один вид — *ветреницу дубравную (Anemone nemorosa)*. Напомним, что этот всем известный небольшой нежный цветок с пятью-двенадцатью белыми лепестками цветет, образуя сплошные белые ковры, весной, до облиствения древесного полога, поэтому иногда его относят к группе подснежников. После цветения надземная часть растения отмирает, и оно становится «невидимым»: его жизнь до следующей весны прячется в подземных запасующих органах — корневищах. Растения с таким коротким периодом «надземной» активности называют

² Больных, ущербных

эфемероидами³, а всю совокупность растений с таким жизненным циклом на данном участке — *весенней синузией*. Травы же с «нормальным» циклом, вегетирующие до осени, составляют *летнюю синузию*. Так вот, судя по описанию Раунера, похоже, что в Дубках XIX века *отсутствовала летняя синузия* трав. А в современных Дубках, как может видеть каждый, летняя синузия обильна (чего стоит сплошной пышный покров из *сныти Aegopodium podagraria* на больших площадях!) и богата по видовому составу.

Что же изменилось, почему в наше время летним травам вдруг стало так хорошо, и что им мешало расти раньше? Скорее всего, им тогда не хватало света, потому что дубов было больше, чем теперь, они сильнее затеняли почву. Эфемероиды же, и в их числе анемоны, успевали совершать свой цикл, пока было светло, — до того, как листья на деревьях полностью развертывались.

Но вернемся к статье С.Раунера. «Старые, толстые дубы, которые, надо заметить, все перенумерованы, числом около 2000, большей частью суховершинны, сильно разрослись в сучья и дупловаты, некоторые совершенно засохли». Причиной усыхания, кроме суровости климата, бедности почв и сжигания опавшей листвы может быть, по мнению Раунера, повреждение насекомыми сем. *Cynipidae*⁴

Особенно плачевным было состояние рощи у окончания Дубовской косы, где *под ударами волн старые дубы один за другим обрушивались в море*. Нами (Растворова, 2004, рис. 8) уже было отмечено изменение конфигурации и уменьшение площади Дубовской косы в конце XIX века по сравнению с 1722 годом за счет подмывания берега волнами. Раунер наблюдал один из моментов этого процесса, продолжающегося, к сожалению, и в наше время.

«Необходимо бы развести почвозащитные породы и указать кому следует, что теперешним уходом за рощей окончательно готовится ей гибель», — заключает Раунер.

Через год после Раунера с Дубковской рощей ознакомились группа членов Лесного общества (Собичевский, 1884). Как и Раунер, они отметили плохой рост дуба, что объяснили бедностью почвы, суровостью климата и недостатком хозяйственного ухода. Судя по пням, заключили они, в роще представлен исключительно фаутный лес. Нанесенные масляной краской номера на каждом дереве они видели, при этом самым большим номером оказался № 1009.

Отмечены огромные размеры некоторых деревьев — охват ствола на стандартной высоте («на высоте груди», 1,3 м) составлял до 4-х метров (что соответствует диаметру ствола около 1,5 м — *О.Р.*). Была обнаружена исключительная твердость древесины: взятый с собой приростный бур Пресслера сломался на первой пробе. Подсчет толщины колец на пне 214-летнего дуба показал, что последние 70 лет, т.е. с 1814 года,

³ От греческого *ephmeros* — мимолетный, скоропреходящий. Перечень видов растений в нашей дубраве, относимых к этой группе, см. в главе «Общие закономерности развития региона».

⁴ Представитель этого семейства — галловая орехотворка, формирующая на изнанке дубовых листьев кожистые «яблочки» с рыхлой, ватной начинкой — домом и кормом для личинок. — *О.Р.*

дерево росло медленно: на 1 вершок (4,45 см) приходилось 30 слоев, а в молодом возрасте — во втором и третьем десятилетии — прирост в толщину на 1 вершок совершался всего за 9 лет.

Нетрудно сосчитать, что обследованный участниками экскурсии экземпляр дуба был 1670-го «года рождения», на два года старше Петра I, и что ко времени строительства резиденции дереву было уже за 50 лет. Попутно следует отметить, что в прибрежной полосе от Сестрорецка до Лисьего Носа вплоть до 1970-х годов находили деревья и пни дуба 400—600-летнего возраста (Дубяго, 1953; Толстопяттов, 1973). Поэтому не приходится сомневаться в том, что те знаменитые 2000 молодых дубков, что были высажены при Петре I, оказались не на «бездубье», а в уже существовавшей дубовой роще.

Обращало на себя внимание отсутствие подроста дуба в роще (в настоящее время, как известно, в мало нарушенных участках дубравы этот подрост есть и находится в хорошем состоянии). Однако отсутствие естественного возобновления, отмеченное участниками экскурсии, не было связано с плохим качеством желудей (взятые с собой и высаженные в цветочный горшок желуди проросли). Известно также, что раньше, в XVIII веке, желуди из Дальних Дубков отправляли в Петергоф и даже в Москву для тамошних парков (Успенский, 1903).

В качестве примеси к дубу и Раунер, и Собичевский отметили в роще черную ольху «очень хорошего роста», в местах более сырых — березу, изредка, особенно в восточной части, вековые сосны с окружностью на высоте груди до 2,3 м (85 см в диаметре), но невысокие. В соседней Канонерской роще они обнаружили сосняки 20—25 и 60—70 лет, в хорошем состоянии, в подлеске был представлен можжевельник (теперь это растение — в Красной книге нашей области).

Как и Раунер, участники экскурсии 1884 года отметили, что «на крайней оконечности косы дубы часто валяются ветром вследствие размывания почвы, состоящей из крупных глыб песчанистой глины, обильно перемешанных с гравием и галькой. Гальки величиной в кулак, плоско овальной формы состоят исключительно из гранита и гнейса». Такие разрушения отмечались в Дубках и до этого. Особенно серьезные последствия морских бурь были зафиксированы 21 сентября 1853 года и 2—3 октября 1873 года. В первом случае, помимо гибели десятков дубов, было разрушено шоссе от Дубковской гавани к заводу, построенное в 1852 году; во втором также погибли десятки дубов, и снова было разбито восстановленное шоссе, а также два деревянных моста (Давиденко, 1962).

Не имея достаточных средств на благоустройство рощи и «на поддержание ее насаждением новыми деревьями взамен павших», администрация Сестрорецкого завода в 1882 году обратилась в Главное артиллерийское управление с просьбой разрешить взимать плату с торговцев во время народных гуляний в роще. Эти гуляния традиционно проводились раз в году, в день рождения Петра I. Продавались тогда «мар-

китантские яства», чай и пиво, более крепкие напитки не дозволялись. Администрация завода просила также разрешить *проводить собственный торг* от Хозяйственного отдела во время этих гуляний (Василевская, 1989, с.67). Вырученные средства предполагалось использовать на благоустройство рощи.

В конце 1880-х годов Дубковская роща была передана из Артиллерийского управления Министерству государственных имуществ. Роща получила *статус Сада «Дубки» селения Сестрорецк*, и 19 мая (по старому стилю) 1889 года состоялось его торжественное открытие с народными гуляньями.

В 1893 году, уже после смены «хозяина», в роще *были проведены прочистки*, при которых было выбрано 704 дерева ольхи и березы, достигших предельного возраста. По этому поводу в газетах подняли шум тогдашние «зеленые», из текста их выступлений можно догадаться, что прочистки проводились в районе Голландского сада (Василевская, 1989, с. 82-83).

Что же касается усыхания дуба в «Дубках», то более поздними исследованиями (Лайранд, 1973) было показано, что этот процесс — часть общего явления отмирания дубрав на территории бывшего СССР. По поводу этого явления дискуссии ведутся почти с самого начала XX века; оно характерно как для северной границы распространения дуба как вида (в том числе побережья Финского залива), так и для южной границы ареала дубрав как типа растительности (юг Центральной России, восточные области Украины). Следует помнить, что дуб вблизи Петербурга не находится в тех благоприятных условиях, которые позволяют ему ежегодно образовывать нормальный прирост. *В условиях же неустойчивого прироста любой повреждающий агент может легко сдвинуть это неустойчивое равновесие к угрожающему состоянию и даже привести к гибели дерева.*

Несмотря на усыхание старых деревьев и разрушающую работу моря, «Дубки» в XIX веке сохранили свою живописность и не раз вдохновляли русских художников на создание замечательных произведений. В 1850—1890-е годы здесь неоднократно работал знаменитый пейзажист Иван Иванович Шишкин. Наиболее интересны такие его «дубковские» работы, как рисунок «Дубки под Сестрорецком» (1857, малая серебряная медаль Академии художеств), «Побережье дубовой рощи Петра Великого в Сестрорецке» (1886), «Дубовая роща» (несколько картин с таким названием созданы в 1886—1896 годах), «Дубы» (1887). В сестрорецких «Дубках» работали также однокашники Шишкина — П. П. Дюжин и А. В. Гинэ⁵.

Здания и сооружения. После утраты в 1727 году Дальними Дубками статуса царской резиденции здесь долгое время почти ничего не строили. Доживали свой век петровский каменный дворец с галереями, оранжереи, надзор за которыми был прекращен после наводнения 1752 года (Василевская, 1989), а также подсобные постройки при них и при Дубковской гавани, которая надолго стала единственной для завода и

⁵ И.И.Шишкин. Переписка. Сост. А.В.Шувалова, 1984.

селения после разрушения Устьрецкой гавани еще в 1743 году («Памятник...», 1843). Только гораздо позже и ненадолго появится близ устья Сестры гавань Миллера.

Какое-то время в Дубках существовала *деревянная часовня*, построенная между 1722 и 1740-ми годами. Она находилась на самой высокой части гривы, где-то между нынешним дотом и северо-западным углом Голландского сада. Более точно местоположение этой часовни можно видеть на Генеральном плане Дальних Дубков XVIII века (Растворова, 2004, с. 40; История Сестрорецка... Т.1 2006, с.92). По-видимому, постоянными прихожанами часовни были члены караульной команды, охранявшей гавань и дворец до того, как он, уже пострадавший от наводнений, был разобран в 1781 году. Рядом с часовней, как указано на экспликации плана 1740-х годов, находился «один погреб старый», а два новых и избу для караульной службы планировалось построить у границ Голландского сада, ближе к берегу залива. Сохранялась ли эта деревянная часовня до XIX века, и были ли достроены запланированные хозяйственные постройки, неизвестно.

Зато известно, что «для помещения команды, охранявшей дворец до полного его разрушения» была построена кирпичная *башня-караульня* на самом берегу, близ фарватера бывшей гавани («Памятник...», с.27). Очевидно, та же команда охраняла и гавань. В годы написания «Памятника...» (1843 г.) башня уже представляла собой развалины. Остатки этой кирпичной башни («вышки») сохранялись еще долго, до конца 1920-х годов. Авторы одного из путеводителей (Орфеев, Неклюдов, 1900) приводят ее фотографию конца XIX века. Правда, по фотографии руин трудно сказать, что башня была действительно круглой. Существует мнение, повторяемое в старых путеводителях и в книге В.Д.Яковлева (2006, с.20), что башня была построена при Петре I, чтобы наблюдать «за ходом шведских кораблей во время Северной войны».

Это, конечно, не более чем легенда. Во-первых, эффективность подобных наблюдений из той точки, где стояла башня, сомнительна, ее надо было бы установить на месте с более широким обзором — на оконечности Дубовского мыса, откуда видно не только мелководье к югу от мыса, а весь Северный Кронштадтский фарватер. Тем более, что остров-форт Тотлебен, до возведения которого оставалось еще чуть ли не два века, вида не загораживал. Но главное несоответствие в другом: если бы такое солидное сооружение, как каменная башня, существовало в период Северной войны (1700—1721), оно непременно было бы обозначено на известном крупномасштабном, подробнейшем плане Дубков 1722 года. Если бы вышка была построена между 1722 и 1740-ми годами, ей обязательно нашлось бы место на другом обстоятельном плане — Генеральном плане усадьбы 1740-х годов, на котором, как известно, похожих зданий, тем более круглых в плане, тоже не показано. Следовательно, башни-вышки не могло быть ни во время Северной войны, ни вообще при жизни Петра I (1672—1725). Скорее всего, она была построена между 1750-ми годами (период реконструкции и укреп-

ления Дубковской гавани после разрушительных наводнений) и 1781 годом (годом разборки дворца).

Как известно, на территории нынешнего парка «Дубки» в XVIII веке дважды возводились *фортификационные сооружения*, сохранившиеся и в XIX веке. Первый раз валы для защиты от возможного шведского десанта строились в 1741–1743-х годах, тогда же вдоль берега от Дубковской гавани до устья Заводской Сестры (деревня Йоенсуу) были установлены маяки (световой сигнальный телеграф). На валах устанавливались пушки. Где именно были созданы тогда насыпные валы, точно не известно, возможно, что они прошли по береговому валу и создали основу той насыпи, по которой ныне проложена аллея, огибающая всю Дубовскую косу.

Второй этап фортификационного строительства для защиты от возможного нападения войск шведского короля Густава III пришелся на 1788 год, когда *земляной вал*, хорошо заметный и сегодня в восточной части парка, отделил рощу от селения Сестрорецк («Памятник...», с. 11-15). Этот вал ломаной линией пересекает парк от берега Водосливного канала до Дубковского пляжа, он значительно выше других насыпей (до 3,8 м над уровнем моря, прочие насыпи не выше 2,6 м). Рядом с валом тянется ров, большую часть года заполненный водой. Было непонятно, почему он выкопан не к западу от вала, а проходит восточнее его, то есть не со стороны потенциального нападения, а со стороны защитников Сестрорецка. Одно из возможных объяснений: вал воздвигался спешно в условиях артиллерийского обстрела со шведских кораблей (или угрозы такого обстрела), и строители, прячась за валом, наращивали его грунтом, вынутым «из-под себя». По другим данным, ров рядом с валом *был выкопан позже, в 1850-х годах*, в соответствии с указом императора Николая I, повелевшим отгородить мемориальную дубовую рощу Петра I от селения. Такой ров в отличие от вала мог служить реальной защитой рощи от неконтролируемого посещения населением и, главное, от выпаса скота.

В XIX веке через всю территорию «Дубков» была проложена *дорожная насыпь*. В 1847 году она служила основой для конно-железной дороги, в 1849–1852 годах — для шоссейной дороги. Дорога шла от пристани к заводу и была предназначена для тяжелых крупногабаритных грузов, связанных с производством оружия (Давиденко, 1962). Осенью 1853 года шоссе было разрушено наводнением, вызвавшим также гибель десятков дубов.

События Крымской войны непосредственно сказались на «Дубках». 14 июня 1855 года пушки кораблей объединенной англо-французской эскадры, которая стояла у Кронштадта, обстреляли Сестрорецк и дубовую рощу. В память об этом событии в роще была построена каменная *часовня* (вторая с момента закладки «Дубков», о первой, деревянной, уже говорилось выше). Эта новая часовня была воздвигнута в 1858 году «священником Петром Лабецким в память освобождения Сестрорецка от нападения англо-французов в 1856 году» (Орфеев, Неклюдов. 1900, с.21). «В роще есть

небольшая часовня. По рассказам местных жителей, она построена на месте убийства одного юнкера во время бомбардировки Кронштадта англичанами» (Путеводитель..., 1902, с. 78). В конце 1920 годов постройка была еще в хорошем состоянии (Некрасова, 1927).

В этой часовне традиционно проводились праздничные богослужения в ближайшее к 14 июня (по старому стилю) воскресенье «в вечную память основателю Сестрорецка Петру I».

Где находилась каменная часовня? Как свидетельствует план Сестрорецка начала 1900-х годов, она стояла в центральной части парка, к югу от главной аллеи, сразу за ответвлением дороги, ведущей к Голландскому саду («Петровской аллеи»). Сейчас это место представляет собой край красивой поляны с редкими дубами, расположенной на возвышенной пологой гряде. Рядом с предполагаемым местом часовни сейчас стоит заметная старая липа, нижние ветви которой опущены до земли. Вблизи от этой липы при изучении почв парка в 1995 году О. Г. Растворовой был заложен один из шурфов, который вскрыл сплошной слой крупных камней на глубине от 30 до 50 см. Возможно, это были остатки фундамента или мостовой.

Сохранилось несколько фотографий часовни. Одна из них опубликована Н.С.Шубинским (1885). В соответствии с техническими возможностями того времени, при подготовке к печати фотография была переведена художником в штриховое изображение (вручную) и стала «менее читаемой». Поэтому просвет в конце аллеи, где должно быть море, на этом снимке лишь угадывается. На фотографиях конца 1890 — начала 1900-х годов часовня снята с другой точки, откуда направление дороги трудно определить. Очевидно, что на всех изображениях представлено одно и то же здание — очень простых форм, небольшое, крепкое кирпичное, белёное, с невысокой четырехскатной крышей, с узким окном на каждой из стен.

Если на плане Сестрорецка 1900-х годов место, где стояла часовня, указано точно (а не условно, что не исключается в связи с не крупным масштабом карты), то получается, что дверь часовни обращена к северу. Обычно же вход в часовню бывает с запада, но известно, что иногда допускались и исключения. В музее завода имени Воскова в Сестрорецке есть картина, изображающая эту часовню. Художник показал ее на фоне моря с летящей чайкой, море просматривается сквозь редкие деревья. Этот задний план представляется слишком неопределенным, чтобы точно установить место часовни. Крыша часовни на этой картине высокая, напоминающая шатровую колокольню. Может быть, в «Дубках» была не одна каменная часовня?

На топографической карте частей Санкт-Петербургской и Выборгской губернии 1870 года (масштаб 1 верста в 1 дюйме) показано, что на территории «Дубков» существовали в то время несколько построек, которые изображены соответственно масштабу крошечными прямоугольниками. Два строения (никак не названные на карте) находились у пересечения главной аллеи с фортификационным валом конца XVIII века

— по одному домику с каждой стороны вала, то есть один стоял на теперешней «Поляне сказок», второй — на поляне, где до 1980-х годов было кафе «Дубок». Еще две постройки располагались на той поляне, где предположительно стояла часовня (по-видимому, одна из них и была часовней). И, наконец, еще два строения показаны на южном берегу Дубовской косы, у Голландского сада. Одно из них, то, что расположено западнее, поясняется словом «Будка» и, скорее всего, соответствует местоположению караульной башни. Второе — «Беседка» — угадывается на осевой линии Голландского сада. На плане Сестрорецка, прилагавшемся к путеводителю (Орфеев, Неклюдов, 1900), несмотря на более крупный масштаб, никаких строений в Дубках не показано.

В последние годы XIX века на Дубовской косе — ближайшей к строящемуся форту Тотлебен суши — складировались строительные материалы для возведения нового искусственного острова, в первую очередь, огромные массы каменистого грунта.

XIX век не был временем процветания Дальних Дубков. Их начальная история (первая четверть XVIII века) была бурным временем больших перемен, включившим зарождение, становление и недолгий расцвет петровской резиденции. Затем последовали ее упадок и гибель, и остальные три четверти XVIII века и почти всё XIX столетие были по существу временем прозябания и угасания бывшей усадьбы.

Дворец тихо исполнял нужную, но не очень почетную должность заводского склада, постепенно разрушаясь морскими стихиями. Не получала достаточного внимания и знаменитая дубовая роща. Лишь в самом конце XIX века она обрела статус, близкий к современному статусу городского парка — общественного сада «Дубки» селения Сестрорецк, утилитарные хозяйственные функции рощи все более сменялись рекреационными и увеселительными. «Дубки», можно сказать, повернулись лицом к обывателю в лучшем смысле этого слова, стали местом радости многих людей.

К сожалению, в суровых условиях нашего региона, на северной границе своего ареала, дуб независимо от того, вырос ли он естественным путем или был высажен искусственно, отнюдь не благоденствует. Он «терпит» и пытается выжить, редкие экземпляры доживают более чем до 300-летнего возраста. Поэтому усыхание дуба было четко зафиксировано специалистами уже в XIX веке. Помимо суровости климата, бедности и избыточной влажности почв причинами гибели были чисто механические факторы, связанные с прибрежным положением — ветровалы при ураганах, разрушение берега морскими волнами. Уход за дубовыми древостоями, даже если бы он был оптимальным, не смог бы спасти от гибели наиболее старые деревья. Главная задача — и тогда и теперь — продлить, насколько возможно, их жизнь, подкармливая, осушая почву, исключая или смягчая укреплением берегов атакой моря. И сохранять дубраву в целом, обеспечивая смену и преемственность поколений дуба.

**СЕСТРОРЕЦКИЙ
ОРУЖЕЙНЫЙ
ЗАВОД**

Сестрорецкий Оружейный завод в XIX веке

В начале XIX века Сестрорецкий завод вступил на новый путь развития — путь превращения мануфактуры в фабрику. В 1803 году на завод были переведены мастеровые с Колпинского (Ижорского) и Кременчугского оружейных заводов.

В это же время 1800 годов началась перестройка гидротехнических сооружений. Деревянная плотина и русла для воды, которые приводили в действие машины, построенные с основания завода, стали совершенно ветхими. По ходатайству командира завода были получены деньги на строительство новой плотины. В 1804 году под руководством инженера Деволана была сооружена новая двухпролетная каменная плотина.

В 1808 году впервые начальником завода стало частное лицо — Иван Ланкри. Он должен был согласно контракту поставлять определенное количество ружей в год, оставляя себе треть прибыли. В книге «Сестрорецкий Инструментальный завод имени Воскова» на стр. 26 указано, что «начальником завода в 1808 году стал художник Ланкри. (...) Однако Ланкри не выполнил взятых на себя обязательств и был отстранен от руководства заводом. Вместо него командиром стал его родственник подполковник Иван Ланкри»¹. Как показали исследования сотрудника Артиллерийского музея Л. П. Рудаковой, это ошибка. Подполковник Иван Ланкри и был назначен начальником завода в 1808 году². Откуда взялся его родственник художник Ланкри — неизвестно.

Новый начальник оказался человеком, который не только выполнял в срок сложные заказы, но много сделал для перевооружения завода. Именно он изобрел несколько машин, в частности для штамповки деталей, которые позволили достичь столь необходимой взаимозаменяемости деталей. При Ланкри увеличилось и число мастеровых. Когда он принял завод, в нем «состояло мастеровых и служителей 412 человек, в этом же году поступило 712»³. В 1812 году по чертежам И. Ланкри были изготовлены новые токарные, сверлильные и полировочные станки. Вскоре завод пополнился шустовальными станками «о 80 трещотках» и некоторыми другими.

¹ Сестрорецкий инструментальный завод имени Воскова. Л. 1968. С. 26.

² Подробнее см. Приложение 1.

³ Сестрорецкий инструментальный завод имени Воскова. Л. 1968. С. 27.

Для обслуживания и ремонта столь значительного количества станков в 1823 году на заводе ввели должность механика. В 1826-м специальная комиссия проверяла новое оборудование Сестрорецкого завода и «признала его отличным», предложив изготовить подобные станки для Тульского и Ижевского заводов.

Проведенные преобразования позволили достигнуть высокого совершенства и единообразия в отделке оружия. Это касалось, прежде всего, изготовления ружейных замков. Многие иностранные мастера считали эту часть ружья слишком ответственной и сложной, чтобы можно было добиться даже частичной унификации. Они признавали лишь индивидуальную подгонку всех частей замка, но это делало процесс изготовления ружья слишком длительным и дорогим. Использование станков Ивана Ланкри позволило довести единообразие замков до такой степени, что можно было разобрать более ста замков, перемешать их части, а затем собрать из этих частей такое же количество замков.

В 1812 году была успешно решена еще одна проблема. Сестрорецкий завод стал получать свой металл. У частных лиц было куплено для завода несколько имений, расположенных вблизи завода. На территории самого большого из них — Линдуловского — располагался Райволовский чугунолитейный и железоделательный завод. Это позволило в срок выполнить ответственный заказ, столь необходимый русской армии, которая вела боевые действия против наполеоновских войск, — 12 527 ружей и 1200 пар пистолетов. К началу 1813 года число рабочих на Сестрорецком заводе достигло 1492 человек.

Оснащение завода новыми машинами и механизмами, расширение его территории и увеличение числа рабочих поставило вопрос о необходимости реорганизации руководства заводом. Поэтому в декабре 1829 года было создано Правление завода, в которое кроме начальника завода входили еще два члена и секретарь.

Но главные изменения были впереди. Гладкоствольные кремневые ружья, которыми были оснащены все армии мира, имели ряд существенных недостатков. Это относится, прежде всего, к заряданию с дула и весьма низкой скорострельностью. Изобретение в конце XVIII века так называемого ударного состава (бертолетова соль, говардова ртуть) позволило перейти к ударным ружьям⁴.

4 мая 1831 года Сестрорецкий Оружейный завод приступил к изготовлению двух абордажных палашей. Этому заказу предшествовала следующая история. Во время русско-турецкой войны (1827—1828) выяснилась необходимость вооружения абордажных партий специальным оружием. 1 января 1830 года Адмиралтейств-Совет предложил морскому министру «Поручить Артиллерийскому департаменту подготовить и представить офицерскому собранию по одному образцу оружия из абордажного комплекта». Среди представленных образцов был палаш с турецкого корвета «Насаби сабах», захваченного кораблем «Иезекииль».

⁴ Там же, с. 28

Трофейный корвет получил новое название — «Наварин», а его командир будущий адмирал П. С. Нахимов получил тогда из артиллерийских магазинов на Мальте 80 палашей. Один из них и стал образцом, по которому Сестрорецкий завод и изготовил к концу мая 1831 года два палаша, которые были доставлены в Артиллерийский департамент. Администрация завода сообщила, что готова принять заказ на изготовление партии палашей 3000 штук по цене 5 руб. 47/64 коп. за каждый⁵.

Расчеты показали, что для снабжения кораблей балтийского флота понадобится 7790 палашей. Согласно заказу, выданному Сестрорецкому заводу, он должен был изготовить 8000 штук палашей. Однако, судя по документам, достоверно известно, что в мае 1832 года было изготовлено 80 палашей для фрегата «Беллона». Сохранился до наших дней лишь один из них. Он, как и английский прототип, хранится в Центральном Военно-Морском музее.

В 1839 году в России был создан «Комитет для улучшения штуцеров и ружей», в задачу которого входило создание нового ударного ружья для перевооружения русской армии. Представители Комитета испытали несколько десятков моделей капсюльных замков отечественного и иностранного производства. Тогда же Сестрорецкий завод изготовил первые 480 ударных ружей, через два года, в 1846 году, завод полностью перешел на изготовление ударных ружей.

6 сентября 1846 года на завод приехал император Николай I. Он остался доволен увиденным и не поскупился на благодарности. «Его Императорское Величество, осмотрев Сестрорецкий Оружейный Завод и найдя, что все части оного находятся в удовлетворительном состоянии, работы производятся в надлежащем порядке, изъявляет совершенную свою признательность Его императорскому высочеству Генерал-фельдцейхмейстеру и высочайшее благоволение инспектору оружейных заводов (начальнику штаба его императорского Высочества по управлению Генерал-фельдцейхмейстерства), а также командиру Сестрорецкого Оружейного завода генерал-лейтенанту Мазараки всем гг. (господам — *Авт.*) штаб и обер-офицерам и чиновникам сего завода, нижним же чинам его величество жалует по полтине серебром на человека»⁶.

В 1849 году на вооружение армии был принят «переделочный», то есть переделанный из кремневого кавалерийский штуцер. Его образец изготовил сестрорецкий мастер Коллет.

К новым ружьям предъявлялись те же требования унификации и взаимозаменяемости. Для успешного решения этих проблем в 1849 году на Сестрорецком Оружейном заводе была учреждена Образцовая мастерская. В ней должны были изготавливаться образцы ружей, и, что самое главное, образцы лекал — инструментов для их проверки (поверки, как писалось в документах того времени). Создание образцовой

⁵ И. П. Суханов, Н. И. Журавлев. Абордажный палаш. Брандербургский сборник. Выпуск 1. с. 35

⁶ Архив ВИМАИВ и ВС Ф.3, Оп.109, Д. 620. Л.26

мастерской являло важный этап в развитии Сестрорецкого завода — рождение инструментального производства.

Весной 1852 года из-за активного таяния снегов уровень в озере Разлив повысился до критической отметки. 8 мая 1852 года Инспектор оружейных заводов генерал-лейтенант Вессель докладывал Начальнику штаба инспектора всей артиллерии генерал-адъютанту Безаку:

«Возвращаясь вчера из Сестрорецка, спешу донести. Для спуска излишних весенних вод из заводского резервуара, верстах в трех от завода, устроена деревянная плотина с прорезом, запираемым деревянными щитами с деревянным флютбетом, по которому стекает вода. Когда щиты открыты, дно флютбета для уменьшения скорости стекающей по нем воды имеет три уступа, укрепленные линией шпунтовых свай. Дно и оба бока флютбета обиты толстыми досками.

Вода сначала смыла землю под половиною настилкой последнего или дальнейшего от плотины уступа и уничтожила в этом месте настилку у дна одежд у обоих боков флютбета и две линии шпунтовых свай. Набитых во всю ширину флютбета и укрепляющих половиною настилку и боковую одежду. Потом продолжая смывать землю под половиною настилкой флютбета уничтожила эту настилку и у второго уступа. Образовала в том месте, где был этот уступ, во всю его ширину флютбета яму глубиною 1,5 саж. Если бы вода, смывая беспрестанно землю под половиною настилкой, успела уничтожить и последний уступ, ближайший к плотине, то она быстро подошла бы под самую плотину и плотина, сдерживающая с одной стороны давление вод резервуара. А с другой подмываемый сильным стремлением воды, вытекающей в прорезь, был бы в короткое время уничтожен и заводской резервуар, содержащий в себе до 12 кв. верст поверхности, он ушел бы в море.

Так как вода в резервуаре от таяния в лесах снегов беспрестанно прибывает и нет другого средства спускать ее кроме прореза помянутой выше плотины, то, несмотря на увеличивающиеся быстро повреждения флютбета, прорез должно было держать открытым, иначе вода, поднявшись в резервуаре выше меры, наполнила бы русла, проводящие в завод воду на гидравлические колеса, потом, уничтожив эти русла, устремилась бы в самый завод и затопила бы его.

Поэтому все дело состояло в том, чтобы, не останавливая спуск воды через прорез плотины, отвратить дальнейшее уничтожение флютбета. Для этого надобно было прежде всего завалить вырытую водой во всю ширину его дна яму в $1\frac{1}{2}$ сажени глубиною, в этом успели набрасыванием в нее кулей с землей и камней.

Все порожние кули, находившиеся в заводских провиантском магазине и у купцов, занимающихся хлебною торговлею на заводе, были перевезены к плотине, сверх того перевезли туда камен, который командир завода в продолжении нескольких лет наготовил для могущих встретиться заводских надобностей. Людей для набивки кулей землю, подносики этих мешков и камней к тем местам, где должно, вольных взяли за-

водских оружейников и солдат инвалидной роты; этих людей разделили на смены и производили работы целые сутки, кроме четырех часов ночи, под неотлучным надзором капитана инженеров под ведомством Департамента Военных поселений Гаусмана и состоящего при заводе для присмотра за гидравлическими сооружениями капитана гарнизонных инженеров Попова.

Теперь яма, промытая водою, на местах, ближайших к последнему уступу флютбета и к плотине, кулями с землею и камнями завалена, и вместе с тем главная опасность — прорыв и разрушение плотины — удалена. Плотина и спуск крепки и как вода в резервуаре прибывает не столько (вчера она в 24 часа возвысилась только на $1\frac{1}{4}$ дюйма), то можно надеяться, и в флютбете не будет дальнейших повреждений.

Работы производятся с большим усердием и остановки ни в чем нет; инженерные капитаны Гаусман и Попов находятся при работах неотлучно, полковник Есаулов бывает там по несколько раз в сутки.

Я распорядился таким образом, что буду иметь ежедневно донесения с завода о состоянии плотины, и со своей стороны не премину представить о том Вашему Превосходительству.

Подписал генерал-лейтенант Вессель»⁷.

Уже 14 мая 1852 года Инспектор оружейных заводов получил донесение о том, что «Вчера в 12 часу ночи уровень воды в заводском резервуаре был $46\frac{1}{4}$ дюйма, то есть в продолжение суток понизился на один дюйм». Но затем ситуация резко изменилась. Дождей не было почти четыре месяца. Это была настоящая засуха — уровень воды в озере Разлив стал медленно понижаться. 30 августа 1852 года командир завода был вынужден принять непростое решение, о чем докладывал Инспектору оружейных заводов генерал-лейтенанту Весселю:

«Четыре месяца засухи — уровень воды понизился до $26\frac{1}{4}$ дюймов над порогом русел. Хотя и должно полагать, что Черная речка с окрестными ручьями и болотами доставит в резервуар воды больше, чем расходуется на действие машин, но до тех пор по совещанию моему со штаб-офицером по искусственной части полковником Есауловым признано необходимым для сбережения воды приостановить некоторые колеса, не ослабляя впрочем выделки оружия:

1. Пильную машину.
2. Стволо-заварную машину.
3. Черно-вертильную.

Примечание: в настоящее время имеется в запасе 2400 заваренных стволов, сверх того 1000 высверлено вчера. Итого 3400 пехотных стволов, кроме находящихся в разработке, которых в сложности считается свыше 4000 штук, так что для наряда на текущий год завод запасом своим может быть обеспечен. Черное же сверление штыковых трубок перенесется в беловертельную.

⁷ Там же, Ф. 3, Оп. 56, Д. 426, Л. 8.

Кроме того, следует остановить плюцильный станок, ибо имеется запас плюцильной меди на 2500 экз. оружия»⁸. Таким образом, несмотря на сюрпризы природы, работа продолжалась. И до этого случая и позднее продолжались активные работы на заводской плотине, игравшей огромную роль в жизни завода и всего поселения. Об этом подробнее — в главе «Реконструкции заводской плотины в XIX веке».

Заказы на инструмент были небольшими, но постоянными. Так, в ноябре 1861 года Сестрорецкий Оружейный Завод изготовил для Артиллерийского Управления Морского министерства поверочные инструменты — лекала к драгунским нарезным и гладкоствольным «новоударным» (по образцу Стрелкового батальона императорской фамилии) ружьям для «поверки места и высоты мушки», «для поверки верхнего изгиба ложи и хвоста казенника», по восемь лекал для нарезных и гладкоствольных ружей.

Кроме того, в Артиллерийский Комитет Морского ведомства были переданы из наличных запасов Санкт-Петербургского Арсенала «цилиндров калибромеров в 7,3 линии и 7,4 линии по восемь». Поэтому заводу пришлось срочно изготавливать «цилиндры калибромеры» для Арсенала и ждать, пока Морское ведомство оплатило эту работу «по ценам Сестрорецкого завода»⁹.

Начавшаяся в 1853 году Восточная война, которая в отечественных изданиях называется Крымской, показала значительное отставание России от передовых стран Европы. Это касалось и вооружения — нарезные ружья составляли лишь 5% вооружения русской армии. Сухопутные войска, осаждавшие Севастополь, были поголовно оснащены нарезным оружием. Французы были вооружены стержневыми штуцерами Тувелена, англичане — ружьями Энфильда образца 1853 с тремя нарезами, которые заряжались пулями Минье и были особенно эффективны на дистанции свыше 900 м. Поэтому в сражении, которое произошло в сентябре 1854 года у реки Альма, противник прицельным огнем выбил почти всех русских конных офицеров. Русские полки, стоявшие в традиционно плотных боевых порядках, были вынуждены залечь под мощным штуцерным огнем. Таким образом, устоявшееся мнение о превосходстве залпового и неприцельного огня было окончательно опровергнуто, и после войны приняли новое построение — развернутую цепь.

В первый год войны перед правительством России встала необходимость перевооружения армии нарезным оружием. И увеличения выпуска ружей и пистолетов. В 1854 году оружейным заводам России было приказано переделать все имеющиеся гладкоствольные ружья в нарезные. В том же году Сестрорецкий завод изготовил первые 1111 нарезных ружей. Преимущество нарезного оружия от гладкоствольного (а это относится и к артиллерии) заключается в том, что продольные нарезы в канале ствола (в первых образцах их было 2—4) при выстреле придавали пуле вращательное дви-

⁸ Там же, л. 31

⁹ Там же, Ф. 3, Оп. 56, Д. 1136, л. 18.

жение, что делало ее полет значительно стабильнее. То есть ощутимо увеличивались точность и дальность стрельбы. Заряжалось такое ружье с дула, что было крайне неудобно, так как приходилось шомполом проталкивать пулю через весь канал ствола.

В 1856 году на вооружение русской армии приняли разработанное членами Артиллерийского комитета А. Лядиным, Л. Резвым, К. Константиновым ружье, которое получило официальное название «6-линейная нарезная винтовка». Уменьшение калибра было вызвано использованием конической пули системы Минье, что позволило увеличить носимый боезапас. 23 января 1857 года Артиллерийский Департамент попросил Инспектора оружейных заводов «приказать приготовить в образцовой мастерской Сестрорецкого Оружейного завода один экземпляр стрелкового шестилинейного нарезного ружья, которое по изготовлении доставить в Оружейный комитет в Комиссию, Высочайше утвержденную для улучшений по Военной части». Приказ поступил на Сестрорецкий завод 27 января¹⁰, и вскоре шестилинейная нарезная винтовка была готова и отправлена в Петербург. В том же году Сестрорецкий Оружейный завод изготовил 3160 таких винтовок.

Надо сказать, что в тот период предлагалось достаточно большое количество конструкций нарезного оружия. Большинство из них так и не были запущены в производство. Вот лишь один пример. 3 апреля 1857 года Штаб его императорского высочества генерал-фельдцейхмейстера разрешил Инспектору оружейных заводов «генерал-лейтенанту и кавалеру Игнатьеву предоставить вольному оружейному мастеру Батманову изготовить на Сестрорецком Оружейном заводе одно ружье по предложенной им новой системе для рассмотрения и испытания оного в Комитете по улучшению штуцеров и ружей. С Батманова взять подписку, если предлагаемая им система не будет одобрена, то он не будет просить ни вознаграждения за труды, ни вспомоществования»¹¹. Почти через два года, в марте 1859-го, начальник Сестрорецкого завода Леман докладывал Инспектору оружейных заводов, что «ныне найден сплав для пуль, также конструкция самой пули и соответствующий ей заряд и что он (Батманов. — *Авт.*) уже близок к окончательному исполнению своей мысли — так что надеется труд свой кончить в мае сего года».

Однако лишь в феврале 1860 года «Мастер Георгий Батманов приготовил ружье для стрельбы изобретенными им разрывными пулями. Описание устройства ружья и употребление его при стрельбе, а также 10 пуль при сем представляются вместе с ружьем. Пульная же форма, изготовленная Батмановым собственноручно у себя на квартире, оставлена при нем для дальнейшего приготовления и испытания пуль»¹².

Из описания нового ружья следует, что «Ствол длиной 352,5 (единица измерения не указана, скорее всего, линии, то есть 89,5 см. — *Авт.*) калибр 11,4 линии (2,8

¹⁰ Там же, Ф.3, оп.56, Д. 1026, Л.1.

¹¹ Там же, Ф. 6, Оп. 61, Д. 1053, Л.1

¹² Там же, Л. 10.

см — *Авт.*) с двумя нарезами оборот нарезов согласный с нарезами в 6-линейной винтовке, замок также сходен. Ложа с медным затылком и (...) пружинами для уменьшения отдачи в плечо. Для прицеливания и стрельбы употребляется сошки, шомпол ружья утверждается на оной.

Вес полного ружья 20 фунтов 60 золотников (около 8,5 кг — *Авт.*), Сошка с шомполом — 2 фунта 35 золотников (около 1 кг — *Авт.*). Заряд пороха $2\frac{1}{2}$ золотников (12 гр — *Авт.*), пуля остроконечная особо-внутреннего устройства с двумя заплечиками отливается из цинкового сплава и начинена воспламенительным составом для разрыва оной и воспламенения предмета при поражении на всякую дистанцию. Вес готовой пули с составом 48 золотников (205 гр — *Авт.*). Дальность попадания пуль при опытах много произведенных были 1000 сажен (2130 м — *Авт.*). Оружие это предложено определить в дело, где трудно установить орудие».

Однако 28 июля 1860 года Штаб его императорского Высочества генерал-фельдцейхмейстера направил Инспектору оружейных заводов следующий ответ: «Подобное оружие не может заменить с успехом артиллерийских орудий или даже оказать значительное превосходство в стрельбе над нашими 7-линейными нарезными ружьями и 6-линейными винтовками, тогда как употребление и содержание их в войсках было бы сопряжено с усложнением материальной части. Вследствие сего генерал-фельдцейхмейстер соизволил признать бесполезным производить испытания над ружьем, изготовленным мастером Батмановым»¹³. Сейчас трудно судить насколько справедливым было принятое решение — это ружье Батманова не сохранилось в отличие от некоторых других его удачных разработок.

Нельзя не отметить, что история Сестрорецкого, как и любого другого оружейного завода, непосредственно связана с историей развития стрелкового оружия, его совершенствования. В этом смысле XIX век был необычайно богат на революционные изобретения. Введение каждого нового образца требовало оперативного перевооружения заводов. Замены устаревающих механизмов новыми. Это постоянно требовало новых финансовых затрат. Так, в 1859 году из Америки были привезены новые машины на сумму 176 760 рублей. Но история завода — это еще и отражение политической истории. Как только начиналась какая-то война, оказывалось, что армии не хватает винтовок и пистолетов. Оружейные заводы получали срочные наряды, и мастера-вые работали подчас без выходных.

В следующем году на Сестрорецком заводе проводились опыты по машинной заварке стволов. Всего тогда изготовили 13 127 стволов, при этом приемная комиссия забраковала 19% стволов. Это был несомненный прогресс, так как при ручной заварке количество брака достигало 30%¹⁴.

19 февраля 1861 года император Александр II подписал «положение о крестья-

¹³ Там же, л. 15

¹⁴ Сестрорецкий инструментальный завод имени Воскова. Л. 1968. С. 31.

нах, вышедших из крепостной зависимости». Крепостное право было отменено. Однако ситуация в стране, осложненная поражением в Крымской войне, заставила правительство взяться за коренное преобразование важнейшей составляющей власти — армии. Под руководством выдающегося государственного деятеля России военного министра Д. А. Милютин был проведен ряд важнейших военных реформ. Первейшей задачей являлось перевооружение армии, которое было невозможно без перестройки военной промышленности.

Прежде всего, следовало отменить на казенных заводах крепостной труд. Для этого необходимо было изменить управление казенными военными заводами. Но Военное ведомство опасалось того, что оружейники, став вольными, потребуют увеличения заработной платы. Главное Артиллерийское Управление отмечало: «При столь важной реформе предстояло прибегнуть к самым решительным и энергичным мерам, чтобы не остановить снабжение войск оружием и не обременять бюджета Военного министерства».

Для организации работы с использованием вольнонаемного труда необходимо было привлечь частный капитал. Но отдавать военные заводы в полное распоряжение частным лицам военное ведомство не хотело. Поэтому было принято решение предоставить Тульский, Ижевский и Сестрорецкий оружейные заводы их командирам в арендно-коммерческое управление. При этом за военным ведомством сохранялось полное право собственности на оружейные заводы. Со своей стороны командиры заводов были обязаны поставлять определенное количество оружия. Такие взаимные обязательства устраивали обе стороны. Военное ведомство, не вкладывая больших денег, оставалось собственником заводов и получало оружие, необходимое для вооружения армии.

Арендаторов же привлекало то обстоятельство, что заводы принадлежали государству, обладавшему монополией на производство оружия. Это означало полное отсутствие конкуренции. Поэтому, принимая заводы, арендаторы шли на значительные затраты, рассчитывая на значительную прибыль. Для этого, прежде всего, они стремились снизить себестоимость оружия, в том числе и экономя на заработной плате рабочих.

Еще в 1859 году бельгийские фабриканты пытались взять Сестрорецкий завод в коммерческое управление. Однако их предложение, как и подобное предложение бывшего в то время командиром завода Лемана, было отвергнуто. И вот в 1864 году Военное ведомство заключило контракт с полковником О. Ф. Лиленфельдом на арендно-коммерческое управление Сестрорецкого Оружейного завода. Его начальник по условиям контракта был обязан:

- 1) производить выполнение ежегодных нарядов вольнонаемными людьми;
- 2) изготавливать оружейные части для войск;
- 3) содержать в исправном состоянии все заводские строения и механизмы;

- 4) вести коммерческие книги по образцу книг частных торговых фирм;
- 5) после окончания аренды безвозмездно сдать казне в полной исправности все строения и механизмы, а также остаток металла и материалов.

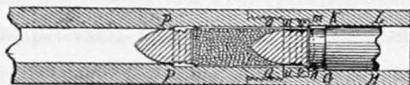
Полковник Лиленфельд был обязан изготавливать ежегодно 10 000 винтовок системы Минье с принадлежностями, 120 000 затравочных стержней и 70 000 5-гнездных пульных форм. За каждое ружье государство выплачивало арендатору 16 руб. 93 коп¹⁵.

Были и некоторые льготы. Некоторые детали можно было покупать за границей, а металл, необходимое для производства оружия, арендатор получал бесплатно. Капитальный ремонт зданий и механизмов осуществлялся за счет казны.

В начале 1860-х годов заводу потребовались новые машины и механизмы. Это было связано с тем, что стала очевидной необходимость перехода к казнозарядным винтовкам. Автором одного из наиболее удачных примеров заряжания с казенной части был немецкий оружейник Иоганн Дрейзе. Он сумел создать горизонтально скользящий затвор, надежно запирающий казенную часть. Внутри затвора находилась спиральная боевая пружина, обвивавшая ударник с длинной иглой на конце. Такие винтовки назывались игольчатыми. Дальность прицельной стрельбы составляла 600 м, но зато скорострельность благодаря простоте заряжания достигала 5–6 выстрелов в минуту¹⁶.

Во время датско-прусской войны 1864 года пруссаки, имевшие на вооружении ружья Дрейзе, были поражены огромным расходом боезапаса. Ведь стрелку теперь было достаточно оттянуть затвор, вложить патрон, вернуть затвор на место, прицелиться и нажать на спуск. Ружья стреляли готовыми патронами, имевшими бумажную гильзу с картонным дном. При выстреле бумажная гильза сгорала, а ее остатки выбрасывались через ствол с пороховыми газами. Война 1864 года показала несомненное преимущество казнозарядных игольчатых винтовок перед дульнозарядными ружьями. В начале 1870-х годов мастер французского арсенала А. Шаспо применил усовершенствованный патрон с капсюлем на донце гильзы. Это позволило укоротить иглу, отчего она стала значительно прочнее. Такие винтовки в России были приняты на вооружение в 1867 году.

Попытки перейти к ружьям, заряжавшимся с казны, предпринимались и раньше, но основной проблемой, которую не удавалось решить долгие годы, было надеж-

Двупульная система Жилле

ное запираение, не допускающее прорыва пороховых газов. Одним из оригинальных способов ее решения была так называемая «двупульная» система французского оружейника Жилле. Он использовал две пули:

¹⁵ Сестрорецкий инструментальный завод имени Воскова. Л. 1968. С. 34.

¹⁶ История винтовки. М. 1993. с. 20

Русская переделочная винтовка системы Терри-Нормана образца 1866 года с клеймом Сестрорецкого Оружейного завода, которое ставилось на винтовки Терри-Нормана

Наиболее ранние клейма, которые удалось найти на холодном оружии, относятся к середине XVIII века, они ставились на пяте клинка и представляли собой буквы «SB».

Более поздние клейма соответствовали тем, которые ставились на заводском огнестрельном оружии. Так, с 1724 по 1780 годы оружие метилось клеймом «Susterbeck» с датой, с 1780 года до начала XIX века — с клеймом «Сестрорецк» с годом, с 1830-х — клеймом «С.Т.Р.Ц.К.» с годом, с 1850-х — монограммой «С.О.З.». Позднее на оружии ставили полное название — «Сестрорецкий Оружейный завод»

С.О.З.

 1866

одна располагалась впереди порохового заряда, вторая — в патроне позади него. При выстреле первая пуля вылетала из дула, а вторая получала движение назад и упиралась в дно затвора и, «раздавшись по ширине, запирала плотно казенный обрез. Оружейный мастер Сестрорецкого завода Труммер улучшил систему Жиле и вполне устранил прорыв газов. Образец двупульной винтовки и пистолета был утвержден в 1863 году, но вскоре опыты с этой системой были оставлены в силу многих ее недостатков»¹⁷.

В этот период оружейная комиссия работала весьма активно, постоянно просматривая новые образцы оружия. В 1864 году ее внимание привлекла винтовка англичанина Терри. Одним из важных факторов была возможность приспособить к этому типу дульнозарядные ружья, выпускавшиеся до 1856 года. Однако в целом удачная винтовка Терри имела некоторые недостатки. Браковщик Тульского завода И. Норман внес в нее около двух десятков усовершенствований. И 19 ноября 1866 года она была Высочайше утверждена под названием «скорострельной капсюльной винтовки», в некоторых документах она называется винтовкой «Терри-Нормана». Копии с этого образца с необходимыми поверочными инструментами выдали Ижевскому и Сестрорецкому заводам в декабре. При этом было приказано немедленно приступить к переделке на оружейных заводах 115 000 винтовок с тем, чтобы они были готовы к весне 1867 года. Остальные переделать в течение двух лет «по конкуренции с торгов»¹⁸. В 1868 году Сестрорецкий Оружейный завод изготовил 7000 винтовок системы Тер-

¹⁷ История Тульского Императорского Петра Великого оружейного завода. Том I. 1912. с. 25.

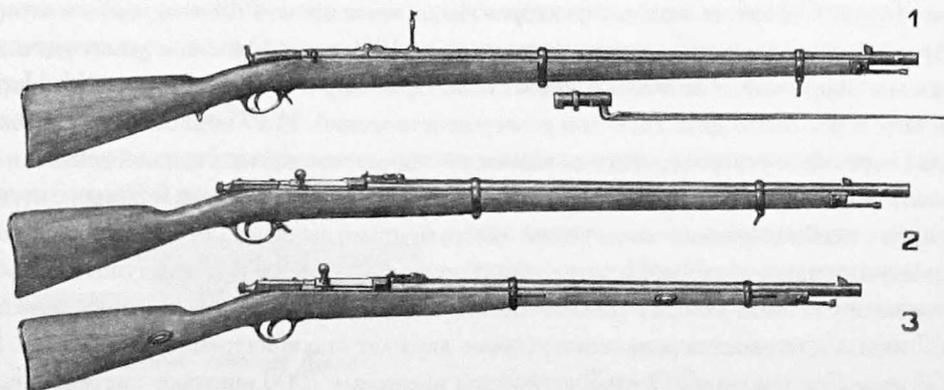
¹⁸ Архив ВИМАИВ и ВС Ф. 6, Оп. 5/2, Д.671, Л.7

ри-Нормана.

Но уже в следующем году в Сестрорецке начинается изготовление винтовок чешского оружейника Сильвестра Крнка, отличавшихся более надежным затвором. В 1869 году Сестрорецкий завод изготовил первые 9000 винтовок системы Крнка. Производством 6-линейных винтовок Терри-Нормана и Крнка сестрорецкие оружейники занимались до 1872 года.

Однако необходимость уменьшения калибра винтовок многим специалистам виделась все более необходимой. После окончания Гражданской войны в США военное ведомство командировало туда офицеров А. Горлова и К. Гуниуса. В их задачу входил выбор наиболее удачной системы огнестрельного оружия, огромное количество которого появилось в ходе этой войны. После тщательного изучения заокеанского арсенала Горлов и Гуниус остановились на винтовке, разработанной полковником американской армии Х. Берданом. Опытные русские офицеры внесли в американский образец ряд существенных изменений и в таком предложили ее Оружейной комиссии. Изменения оказались столь значительны, что винтовка потеряла всякое сходство с оригиналом. Сами американцы прозвали ее «русской винтовкой». Она имела калибр 4,2 линии. После удачных испытаний военное ведомство заказало заводу Х. Кольта в Хартфорде около 30 000 винтовок, получивших название «Бердан №1».

В 1869 году Х. Бердан предложил русскому военному ведомству новый, улучшенный образец своей винтовки с горизонтально скользящим затвором. На сравнительных испытаниях эта винтовка показала более высокую скорострельность. Кроме того, она была проще в обслуживании — ствол можно было чистить и с дульной, и с казенной части. Эта винтовка — «Бердан №2» — была принята на вооружение в 1870 году, и на Сестрорецком Оружейном заводе началась подготовка к ее изготовлению. Для этого потребовалась существенная реконструкция завода. За счет начальника завода Лиленфельда были установлены водяные турбины системы Жонваля, построе-

1. Русская винтовка «Бердан №1» образца 1868 года
 2. Русская винтовка «Бердан №2» образца 1870 года
 3. Русская драгунская винтовка «Бердан №2» образца 1870 года

ны несколько новых мастерских, куплены новые станки. Русская «Берданка» производства Сестрорецкого завода заслужила репутацию одной из лучших в мире, на ее основе были созданы драгунский, казачий варианты и карабин¹⁹.

В конце 1870-х годов Сестрорецкий Оружейный завод продал некоторое количество принадлежавшей ему земли. Продажа земли дело обычное, но суммы, которые указаны в документах, вызывают некоторое недоумение. Авторы оставляют эти цифры без комментариев, надеясь к выходу 3-го тома «Истории Сестрорецка» прояснить этот вопрос. Вот некоторые из документов о продаже земли в тот период:

«Выписка из журнала Военного Совета за 7 сентября 1877 года.»

1. Разрешено Сестрорецкому Оружейному Заводу продать 1025 кв. сажень сыну академика Яненко, находящихся по правому берегу канавы, истекающей из болотного оврага «Бочага» позади огородов обывателей селения Сестрорецк.

2. За продаваемый участок взыскать с Василия Яненко 12 рублей 91 коп. для обращения в доход Государственного Казначейства.

3. Все расходы за счет покупателя»²⁰.

«19 июля 1878 года.»

Разрешено Сестрорецкому Оружейному Заводу продать Ординарному профессору Медико-хирургической академии статскому советнику Пелехину участок земли в количестве 13 десятин с произрастающим на нем лесом.

Взыскать 711,57 для обращения в доход Государственного Казначейства»²¹.

«7 декабря 1878 года.»

Разрешено Сестрорецкому Оружейному заводу продать:

— Отставному артиллерийскому надзирателю Львову 420 кв.саж. — 8 руб. 36 коп.

— Губернскому секретарю Фирфарову 375 кв. саж. — 6 руб. 43 коп.

— Коллежскому ассессору Захарову 500 кв. саж. — 9 руб. 05 коп.

— Отставному артиллерийскому надзирателю Фирфарову 300 кв. саж. — 4 руб.

— Оружейному мастеру Сегаль 300 кв. саж. — 3 руб.»²².

В 1880 году коммерческое управление перешло в руки полковника Болонина. При этом существенно изменились условия, на которых арендатор теперь управлял заводом. Он теперь не получал ни субсидий, ни льгот. Тем не менее Болонин взял на себя обязательство выпускать ежегодно по 70 000 винтовок в год. Для выпуска такого количества оружия потребовалось построить три новых здания и установить две дополнительные турбины.

Вскоре завод смог изготавливать уже 100 000 винтовок в год. При такой мощности арендно-коммерческое управление заводом становилось государству невыгодным.

¹⁹ История винтовки. М. 1993. с. 32

²⁰ Ф.3, Оп.56, Д. 1011, Л. 23

²¹ Там же, Л. 50

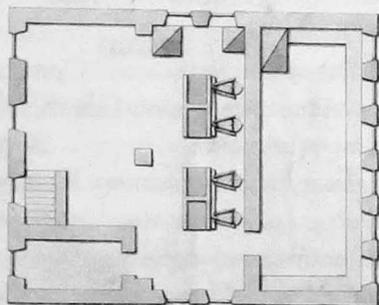
²² Там же, Л. 72

План литейной мастерской с машинным помещением

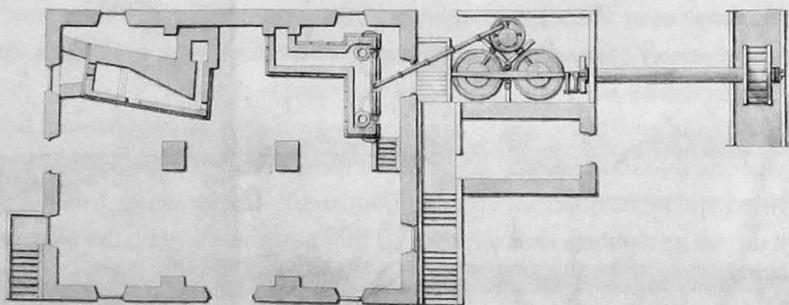
Фасад

План первого этажа

План второго этажа

Масштаб

План литейной мастерской.

Из фондов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

«Мавр сделал свое дело — мавр может уйти». Цель, для которой вводилось арендно-коммерческое управление была достигнута: производство оружия налажено и, что главное, оно стало прибыльным. Поэтому в 1884 году Сестрорецкий Оружейный завод снова становится казенным.

Однако потребности русской армии в стрелковом оружии к этому времени уже были в целом удовлетворены. Даже так называемый афганский кризис, разразившийся в 1885 году из-за русско-афганской границы и в очередной раз обостривший отношения России и Англии, вскоре был благополучно разрешен. Наряды на изготовление винтовок уменьшились. Тульский и Ижевский заводы восполняли недостаток заказов случайными работами. Сестрорецкий завод спасало налаженное производство специального инструмента.

Так продолжалось до 1891 года, когда на вооружение русской армии была принята знаменитая мосинская «трехлинейка».

С. И. Мосин (1849—1902) — из дворян Воронежской губернии, православный, окончил Михайловское артиллерийское училище и Михайловскую артиллерийскую академию по 1-му разряду (1875 г.). Затем работал на Тульском оружейном заводе. С 1894 по 1902 годы начальник Сестрорецкого Оружейного завода.

Первой крупной работой Мосина была переделка в 1882 году однозарядной винтовки на магазинную. Руководствуясь стремлением выбрать наиболее емкий магазин,

Капитан С.И.Мосин, 1891 г.

Генерал-майор С.И.Мосин, 1901 г.

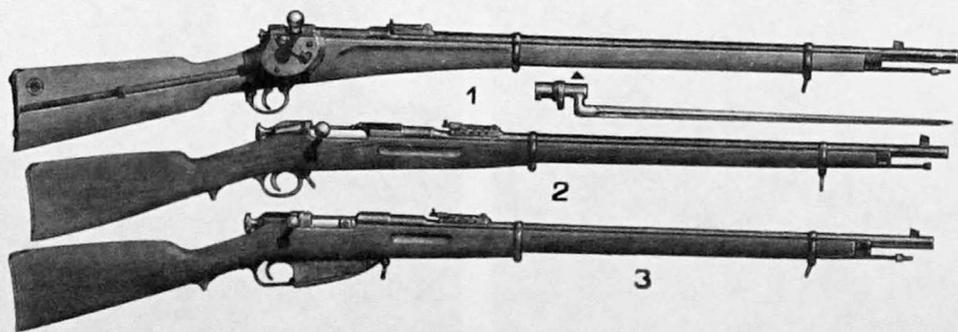
Мосин применил реечно-прикладный магазин, вмещавший восемь патронов калибра 10,6 мм. Чтобы ускорить работу и удешевить производство Мосин заимствовал некоторые узлы и детали из «берданки» образца 1870 года. В течение двух лет Мосин дорабатывал и испытывал свою винтовку, и в 1885 году с несколько улучшенным 12-зарядным механизмом представил ее в Комиссию, где винтовка, несмотря на жесткую конкуренцию, получила высокую оценку

Однако для увеличения кучности и дальности стрельбы следовало уменьшить калибр винтовки. Поэтому Мосин в 1887 году предложил не переделывать крупнокалиберную однозарядную винтовку Бердана, а изготовить магазинную винтовку калибра 8 мм. Первые такие «магазинки» были готовы уже к сентябрю того же года, а в следующем 1888 году на Сестрорецком заводе изготовили еще одну модель с реечно-прикладным магазином. Надо сказать, что это было не самым удачным решением, так как в пылу рукопашного боя ничего не стоило разбить приклад о крепкую голову противника, мгновенно ликвидировав заключенный в нем сложный магазинный механизм.

В 1889 году Мосин приступил к разработке 3-линейной (7,62-мм) винтовки со срединным магазином. Вскоре в мастерской Ораниенбаумской офицерской стрелковой школы собрали опытный образец. Главной «изюминкой» была так называемая отсечка-отражатель, обеспечивающая поочередную подачу патронов из магазина и выбрасывание (отражение) стреляных гильз.

Решающие испытания проходили в 1890 году. 3-линейная винтовка Мосина успешно выдержала жесткую конкурентную борьбу с винтовкой известного бельгийского фабриканта и изобретателя Леона Нагана. Бельгиец проиграл по всем статьям, но военный министр П. С. Ванновский по непонятным причинам поручил Нагану доработку «магазинки». Мосину предложили представить свое оружие только для сравнительных испытаний.

Претендентам следовало изготовить по 300 винтовок. Л. Наган, владевший первоклассным предприятием, не был озабочен производственными проблемами и при-

1. Опытная однозарядная винтовка системы Мосина образца 1885 года
2. Русская опытная винтовка системы Мосина
3. Опытная винтовка системы Нагана образца 1889 года

нялся «вылизывать» свою модель, беззастенчиво украв у Мосина способ отсечки патронов и устройство курка.

Перед Мосиным стояла сложнейшая задача изготовить необходимое количество «трехлинеек». Осенью 1890 года возобновились сравнительные испытания. Отлично выполненные «наганы» не имели поломок, однако проверяющие отметили 31 неисправность. У винтовки Мосина насчитали восемь поломок и 270 неисправностей, что объяснялось спешкой, с которой изготавливались эти винтовки. Наган уже считал себя победителем, но в марте 1891 года Мосин неожиданно выставил на дополнительные стрельбы 30 улучшенных винтовок, из которых было произведено 62 293 выстрела (из бельгийских — 62 795).

Все решилось на заключительном заседании Комиссии. Мосина поддержал известный математик, профессор Михайловской артиллерийской академии генерал-лейтенант П. Л. Чебышев. Он убедительно доказал, что отечественный образец лучше иностранного, акцентировав внимание на том, что винтовка Мосина технологичнее, а значит, дешевле в производстве. 6 апреля 1890 года винтовку Мосина представили Императору Александру III, его мнение оказалось решающим, и решение Комиссии было Высочайше утверждено. В 1891 году она была принята на вооружении русской армии «под названием трехлинейной винтовки образца 1891 года». Наряду с удачными решениями в конструкции винтовки были и некоторые недостатки, например, пружинный предохранитель, пользоваться которым, особенно в зимнее время, было не очень удобно.

По словам одного из историков, С. И. Мосин — «скромный, честный, добросовестный работник, всей душой болеющий за порученное дело, прекрасный исполнитель с творческой жилкой... больше технолог, которому понятны заводские трудности, производственные связи и отношения, человек, способный организовать и рационализировать производственный процесс»²³. Отмечались и некоторые неудачные решения, например, реечно-прикладный механизм, введенный Мосиным в 1882 году, когда всем уже было ясно, что магазин в прикладе для военной винтовки неприемлем, так как нерассчитанные на сильный удар приклад и механизм магазина могли быть раз-

полный послужной список
Генерал-майора С.И. Мосина

Служба: 1. Р. Михайловский

Дата, мес. вступления в службу:	Сестрорецкий Оружейный завод 1868 г.
II Звание и место:	Служил в Сестрорецком Оружейном заводе в качестве помощника начальника артиллерии
III Служба в войсках:	Число лет службы в войсках: 3 года 3 мес. и 15 дней Служил в войсках в качестве помощника начальника артиллерии в Сестрорецком Оружейном заводе в качестве помощника начальника артиллерии в Сестрорецком Оружейном заводе в качестве помощника начальника артиллерии в Сестрорецком Оружейном заводе
IV Время службы:	23 января 1869 года
V Вся служба была посвящена и одной службе:	Вся служба была посвящена одной службе
VI Служба в отставке:	Приказом...
VII Где воспитан:	В Сестрорецком Оружейном заводе
VIII Служба на службе:	Служил в Сестрорецком Оружейном заводе

Итого: 23 года 3 мес. и 15 дней

С.И. Мосин

Фрагмент послужного списка генерал-майора С.И. Мосина

²³ В. Христоч. Загадки трехлинейки. Ружьё. №4.1999. с. 18–24.

рушены в рукопашном бою, полностью выводятся винтовку из строя.

Искажение фамилии этого замечательного человека — это особый разговор. Подлинная фамилия — Моссин — указана во всех официальных документах, включая послужной список генерал-майора Мосина, государственную Михайловскую премию, наградные листы и, главное, в его личной подписи. Почему из фамилии Мосина сразу после его смерти исчезла одна буква «с» — загадка.

Подлинная плита на территории Сестрорецкой церкви не сохранилась. Церковная книга с записью о смерти Мосина уничтожена. В 1953 году прах Мосина перенесли на новое Сестрорецкое кладбище, а на месте первичного захоронения по-прежнему стоит памятник Ленину. Впервые об этом рассказал историк В. Христич. По его мнению, искажение фамилии Мосина сделано с определенной целью — усилить её русское звучание. «Сослуживцы Мосина Н. Юрлов, А. Залюбовский и другие — не смогли противостоять этой акции, а профессор Михайловской артиллерийской академии Н. Потоцкий продолжал в своих трудах писать — Мосин».

Все попытки В. Христича обнаружить в Сестрорецке какие-либо дополнительные следы и документы, а также могилу жены Мосина не увенчались успехом. В своей статье, опубликованной в журнале «Ружьё» (№4, 1999 г.) В. Христич приводит приказ №124 от 28 ноября 1922 года управляющего заводом Яковлева «На торжественном заседании рабочих завода и рабочих организаций 4 ноября по случаю 5-й годовщины Октябрьской революции единогласно постановлено: Сестрорецкий Оружейный завод впредь называть Сестрорецкий Оружейный завод им. Воскова» в честь столяра ложевой мастерской, «опытного революционера и агитатора», а не С. И. Мосина, положившего много труда на реконструкцию этого предприятия с момента назначения его начальником завода в 1894 году.

Нам кажется, что вторая буква «с» из фамилии Мосина исчезла случайно, не все, видимо, воспринимали на слух удвоенное «с». В своей версии Христич противоречит сам себе. Он приводит цитату из статьи Н. И. Юрлова «О работах Ген.-М. Мосина по ружейному делу», опубликованную в «Вестнике офицерской стрелковой школы» №51 за 1901 год (стр.431–438), то есть ещё при жизни Сергея Ивановича. В этой статье фамилия Мосин приводится с одним «с». Не стоит, видимо, искать здесь виноватых. Просто будем помнить, что на самом деле изобретатель знаменитой «трехлинейки» носил при жизни фамилию Моссин. И от того, что на памятнике ему в Сестрорецке значится «Мосин», уважать его меньше мы не будем. И самим жителям Сестрорецка решать, стоит ли исправлять эту надпись.

Однако вернемся к Сестрорецкому заводу. Еще 8 мая 1890 года, предполагая получение больших заказов на изготовление 3-линейной винтовки, начальник Сестрорецкого завода генерал-майор Соколов писал инспектору оружейных и патронных заводов: «При этом присовокупляю, что в бывшей свинцевальной ныне Инструментальной мастерской поставлена новая «турбина» в 20 л. с. вместо вододействующего

колеса, пришедшего в ветхость, и установлены новые приводы на чугунных «колонах». В виду предполагаемого перехода к производству малокалиберных 3-линейных винтовок кроме необходимого приобретения новых станков, заявленных Исполнительной комиссией по перевооружению армии при главном Артиллерийском Управлении в Рапорте от 24 марта, производится усиленный капитальный ремонт механизмов и станков, и делаются приспособления для изготовления всех частей винтовки по выданным нарядам. *Начальник завода генерал-майор Соколов*»²⁴.

Среди строительных работы, проведенных в тот период, следует отметить следующие:

«1. В 1890 году построены два каменных одноэтажных здания для помещения двух паровых котлов при мастерских большой машинной и полировочной с устройствами при них двух отдельных труб.

2. Надстроен второй этаж над зданием бывшей винтовой мастерской.

3. Капитальный ремонт ложетокарной мастерской.

4. Капитальный ремонт большой машинной мастерской.

5. На приспособление штамповой мастерской под замочную мастерскую.

Всего на сумму 51 423 руб. 67 коп.

А также на сумму 10336,18 перестроена бывшая механическая мастерская и приспособлена под штыковую»²⁵.

К 1890 году относится ещё один интереснейший документ, который также хранится в Архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Это «Имяной (Так в документе. — *Авт.*) список чинам Сестрорецкого оружейного завода и местного лазарета с прикомандированными». Считаю необходимым привести его полностью.

«— Полевой пешей артиллерии Начальник завода генерал-майор Соколов.

— Помощник начальника завода Полковник Сокерин. (Ныне командирован во Францию на оружейный завод в Шательро для наблюдения за правильным приготовлением заказанных названному заводу 3-линейных винтовок.)

— Председатель Хозяйственного Комитета — полковник Дыхов.

— Член Хозяйственного Комитета — капитан Голубицкий.

Начальники мастерских:

— Подполковник Дубейковский — член Хозяйственного Комитета.

— Коробочной и замочной мастерских — Гвардейской пешей артиллерии капитан Дмитриев.

— Штыковой и полировочной мастерских — полевой пешей артиллерии капитан Карзин.

— Инструментальной мастерской — штабс-капитан Секретев.

²⁴ Архив ВИМАИВ и ВС Ф. 6, Оп. 61, Д.10, Л.14 об.

²⁵ Там же, л. 50

– Ложевой и магазинной мастерских — штабс-капитан Неклюдов.

Помощники начальников мастерских:

– Приборной — штабс-капитан Герлах.

– Кузнечной и штамповой — штабс-капитан Петранди.

– Ствольной — Зыбин.

– Обер-офицер для поручений — штабс-капитан Шульга.

Артиллерийские чиновники:

– Правитель канцелярии — надворный советник Лукин.

– Делопроизводитель хозяйственного Комитета — надворный советник Питов.

– Содержатели имущества — надворные советники Бобров и Николаев.

– Столоначальники — коллежские ассессоры Фирфаров и Яковлев.

Помощники столоначальников:

– Титулярный советник Тимковский (член Хозяйственного Комитета).

– Губернский секретарь Малышев.

– Казначей — титулярный советник Андреев.

– Журналист (он же архивариус) — титулярный советник Лукин.

– Чиновник для поручений — коллежский регистратор Орфеев.

– Старший классный оружейный мастер — коллежский регистратор Захаров.

По вольному найму:

– Смотритель зданий — Дмитриев.

– Помощник содержателя имущества — Гвоздиковский.

– Бухгалтер — Данилович.

– Помощник бухгалтера — Карпович.

– Чиновник для поручений — Кочерегин.

– Механик — Броун.

– Помощник механика — Коновалов.

Классные оружейные мастера:

– Старшие — Савинов, Прокофьев.

– Младшие — Геншин, Ивашечкин.

– Старший врач Сестрорецкого местного лазарета — коллежский советник Лабуц.

– Старший аптечный фельдшер — Александр Сандалов.

– Старший медицинский фельдшер — Михаил Соколов.

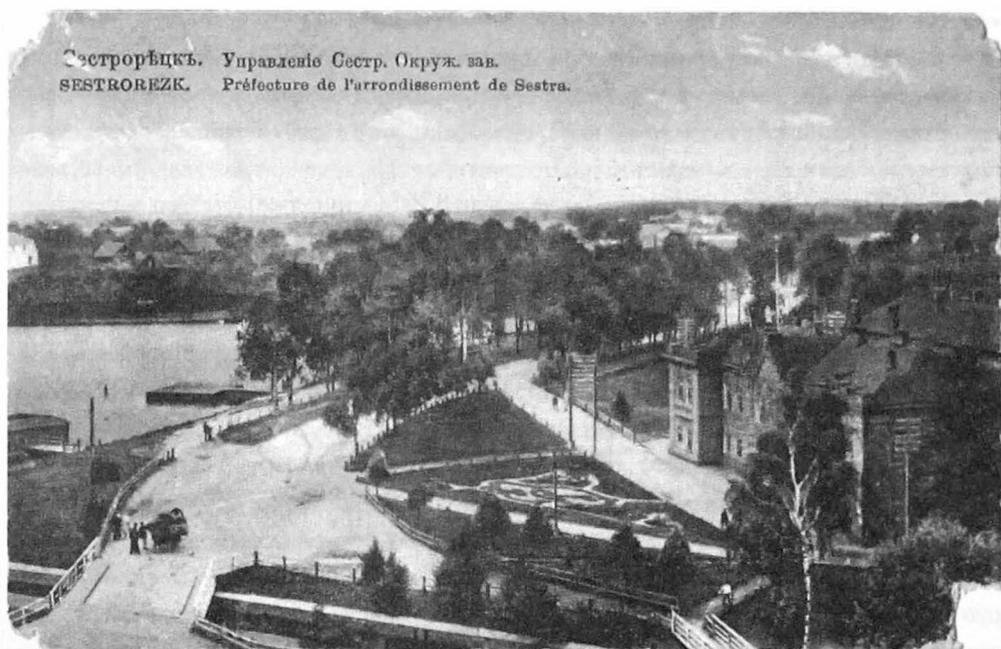
– Старший писарь — Сергей Кусекеев.

– Лазаретный надзиратель — Иван Венедиктов.

Лазаретные служителя:

– Сумер Гольдберг,

– Ицко Моркович,

Сестрорѣцкѣ. Управление Сестр. Окруж. зав.
SESTRORIEZK. Préfecture de l'arrondissement de Sestra.

Правление Сестрорецкого Оружейного завода. Открытка конца XIX века

- Осип Пянко,
- Митрофан Григорьев,
- Иван Павлов,
- Василий Павлючонок,
- Иван Дрозд.

Прикомандированные к заводу:

— Член приемной комиссии при Тульском частном патронном заводе полевой пешей артиллерии подполковник Дмитрий Байцуров (И.д. помощника начальника завода).

— Военный инженер Капитан Веретенников — заведующий гидротехническими сооружениями и и. д. архитектора завода.

К местному лазарету:

— Батарейный фельдшер 23-й артиллерийской бригады Федор Герасимов для исправления должности младшего медицинского фельдшера»²⁶.

В эти же годы произошел важнейший этап в истории завода — переход от вододействующих машин к паровым. В 1890—1892 годах на Сестрорецком заводе были построены два паровых котла с поверхностью нагрева 7500 футов и установлены две горизонтальные паровые машины. Вскоре для нужд завода приобрели газовый дви-

²⁶ Там же, л. 58—66.

гатель системы Отто-Дейца²⁷.

В 1892 году начальником Сестрорецкого завода стал С. И. Мосин. Он считал необходимым продолжение модернизации завода. Он обратился с ответствующим рапортом в Главное Артиллерийское Управление. Но его ходатайство было отклонено, поэтому заводу пришлось тратить на это свои средства.

К 1897 году число станков увеличилось до 875 единиц, а количество рабочих достигло 1725 человек. О том, какую заработную плату получали рабочие завода, свидетельствует следующий документ:

«Ведомость числа рабочего персонала для Приемной комиссии при Сестрорецком Оружейном Заводе с указанием нормы ежемесячного содержания для приема 75 000 винтовок по наряду 1896 года.

— Браковщиков — 50, зарплата в месяц 27 — 50 руб.;

— Рабочих — 26, зарплата в месяц от 13 до 25 руб.;

— Стрелков — 6, зарплата в месяц 25 руб.

Всего 27 648 руб.»²⁸.

Такую сумму планировалось потратить на заработную плату. В месяц — по 2305 рублей, в ноябре — 2409 рублей, так как ожидалось «усиление выхода частей ружей с завода». (Если умножить 2305 на 11 и прибавить 2409, то получится 27 764. Как это согласуется с вышеуказанной суммой 27 648, авторам неизвестно. Все суммы взяты из одного документа).

С 1 января 1897 года предполагалось увольнение части браковщиков в связи с тем, что уменьшился наряд на изготовление винтовок с 75 000 до 50 000. Однако вскоре предстоял прием револьверов системы Л. Нагана. Начальник завода С.И. Мосин решил не увольнять рабочих. «Браковщики — люди опытные, привыкшие к работе с лекалами — весьма желательно удержать часть для пользы дела. Если до 1 января револьверы не будут получены, оставить 7 человек по 30 руб. в месяц. Будут заняты ознакомлением с инструкцией для приема револьверов, а также осмотром ружейных частей. По получении револьверов можно будет сразу же приступить к их приему без всякого замедления»²⁹.

В том же деле Сестрорецкого Оружейного завода есть упоминание о зарплате «канцелярских крыс»: писарь в 1896 году получал 45 руб. в месяц, а писец — 16 руб. 66 коп. Из вышеуказанного следует вывод, что «писарь» и «писец» должности — разные. Канцелярских принадлежностей они могли тратить в год на 120 руб³⁰.

В конце года наиболее отличившихся мастеровых премировали. Так, 9 декабря 1896 года Приемная комиссия ходатайствовала о награждении за усердную работу в

²⁷ Сестрорецкий инструментальный завод имени Воскова. Л. 1968. С. 36.

²⁸ Архив ВИМАИВ и ВС Ф. 6, Оп. 61, Д. 10, Л. 68

²⁹ Там же, Л. 73.

³⁰ Там же, Л. 76 об.

1896 году взамен прибавки жалования: старшему оружейному мастеру надворному советнику Сергееву — 300 руб. Младшему ружейному мастеру, занимающему классную должность и служащему по вольному найму Кочерегину — 200. «Оба отличаются усердием к службе, точным и аккуратным исполнением обязанностей, отличным знанием своего дела как по приему ружейных частей, так и по наблюдению за исправным состоянием лекал»³¹.

Высокий уровень мастеровых Сестрорецкого завода подтверждали периодические сравнительные осмотры продукции оружейных заводов. Конкуренция между Сестрорецким, Тульским и Ижевским заводами, разумеется, существовала. Еще генерал-лейтенант Игнатьев, начальник Сестрорецкого завода в 1892—1893 годах, указывал, что одной из причин «замедления успеха дела» является «конкуренция в выделке оружия как со стороны уполномоченных бывшего оружейного общества и частного подрядчика в Туле, поставляющего оружейные части для Сестрорецкого завода. Лица эти переманивают лучших рабочих, так что хорошие отладчики и сборщики постепенно переходят к ним по мере приобретения познаний в заводе».

В начале сентября 1896 года Комиссия Сестрорецкого Оружейного Завода «в бытность Инспектора Оружейных и Патронных заводов в Сестрорецке» осмотрела 30 3-линейных винтовок образца 1891 года, представленных по десять штук Тульским, Ижевским и Сестрорецким заводами. При чем Комиссия пользовалась лекалами, «не бывшими в употреблении, изготовления Трубочно-инструментального завода». По результатам осмотра был составлен следующий «Свод замечаний»:

«Забраковано

— Три тульских ствола,

— Стебель затвора:

Тульских — 6, Ижевских — 4;

— Ударники:

Тульские — пять не ввинчиваются до конца в матку. Остальные — хороши.

К собранным винтовкам сестрорецким претензий не было вообще, остальным — мелкие.

По деталям больше всего претензий к тульским, меньше — к сестрорецким».

В конце «свода» Комиссия отметила, что «Действие механизмов подающего и запирающего, а также зарядание и закрывание затворов одинаково хорошо во всех винтовках»³².

Однако жизнь такого сложного организма, как оружейный завод, — это не только заказы и премии. На заводе работали разные люди, оставившие след в истории не только в виде первоклассного оружия, но и в виде разного рода кляуз. В начале марта

³¹ Там же, л. 80.

³² Там же, л. 83.

1897 года один из мастеровых, Василий Васильев, подал Инспектору оружейных и патронных заводов жалобу. Он писал, что, поступив на Сестрорецкий Оружейный Завод в 1892 году в магазинную мастерскую на «штучную работу», за 4,5 года к нему не было замечаний, но в начале 1897 года браковщик Алексей Ножевин «начал придирается к моей работе, что будто бы у меня оказывается часто брак». В частности 19 штук — в деле не указано, каких именно деталей, — на сумму 3 р. 39 коп. По словам Васильева, наладчик Сергей Матвеев, узнав об этом, стал требовать с него 3 рубля, утверждая, что «он переговорит с браковщиком в комиссии, угостит его и тогда моя работа пройдет беспрепятственно. Получив от меня означенную сумму, он пропил ее с Ножевиным, и брак все равно записали в книжку»³³.

Проведя соответствующее расследование, администрация Сестрорецкого завода отправила 31 марта 1897 года Инспектору оружейных и патронных заводов рапорт следующего содержания: «По прошению киевского мещанина Василия Васильева, поданного Вашему превосходительству, было произведено дознание и опрос мастеровых Магазинной мастерской, при чем обвинение Васильевым браковщика Ножевина и наладчика Матвеева в незаконном поборе денег за сокрытие брака не подтвердилось. Способ же подачи прошения, помимо своего начальника и с сокрытием в ней фамилий свидетелей, носит характер кляузы, а не желание восстановить истину»³⁴.

Еще один интересный и мало известный ранее аспект жизни заводского поселения в Сестрорецке — это торговля спиртными напитками. Ниже мы приводим подборку весьма красноречивых документов на эту тему из Архива ВИМАИВ и ВС.

17 августа 1863 года жена оружейника Сестрорецкого завода Леушина Парасковья подала прошение командиру завода с просьбой открыть питейное распивочное заведение:

«Правительство в видах облегчения беднейшего класса народа от чрезмерно высоких цен, платимых им при существовании откупной системы, уничтожило винные откупа и установило свободную торговлю вином.

Муж мой оружейник Сестрорецкого Оружейного завода Гаврила Леушин, имея ввиду дозволение правительства на таковую свободную торговлю и то, что в селении Сестрорецкого завода, люди совершенно не принадлежавшие оному с дозволения командующего завода открыли по два и даже по три питейных распивочных заведения, обратился с таковой же просьбой о дозволении открыть и ему одной таковой же.

Муж мой как не занимающийся с малолетства на заводе работою и почти постоянно страдающий болезнию, не имеет более средств к жизни с семейством, состоящим из 9 человек, как заниматься разными посильными промыслами, и потому с разрешения местного заводского начальства он имеет в заводском селении мелочную лавку, при которой и намерен был открыть продажу хлебного вина»³⁵.

³³ Там же, л. 97.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, ф. 6, Оп. 56, Д. 1190, л. 5

Однако командир завода полковник Лилиенфельд, докладывая Инспектору оружейных заводов, обрисовал сложившуюся ситуацию следующим образом:

«В высочайше утвержденном положении об акцизном сборе не предоставлено по оружейным заводам начальству заводов положительного права воспрепятствовать или стеснять торговлю хлебным вином.

Но как с другой стороны, командир завода по существующим узаконениям обязан заботиться о благосостоянии оружейников, а между тем по донесениям Главного лекаря местного военного полугоспиталя надворного советника Духновского, пьянство с открытием в большом числе питейных заведений (коих в настоящее время существует питейных лавок 13 и ренсковых³⁶ погребов — 3) значительно усилившееся вообще, обнаружилось уже вредным влиянием своим на здоровье массы рабочего класса заводского народонаселения, то на разрешение мною вновь лицам на производство торговли спиртным вином я счел нужным остановиться и предполагаю на будущее время ограничить еще против настоящего число питейных лавок и погребов в видах уменьшения пьянства и более правильного надзора со стороны заводской полиции за тишиной и спокойствием в селении.

Лицам же, принадлежащим же к оружейному сословию, разрешено производить продажу хлебного вина, потому что прошения их поступали ко мне раньше прошения Леушиной, которое не есть единственное, коему в этом отказано. Что же касается до самого оружейника Леушина, то он и без того пользуется льготами увольнения с давнего времени от заводских работ и производит мелочную торговлю вместо того, чтобы заниматься выделкою оружия на заводе»³⁷.

Всего в сентябре 1863 года в Сестрорецке имели право торговать вином 11 человек.

«Ведомость лицам, коим дозволена торговля хлебным вином в селении завода.

— Почетный гражданин и Санкт-Петербургский купец Суханов — в казенном доме, снятом Сухановым с торгов Санкт-Петербургской казенной палаты.

— Почетный гражданин и СПб купец Караль — в доме старшины Ильи Чусова по контракту до 1 января 1864 года.

— Выборгский купец Федор Рюмин — в собственном доме.

— Выборгский купец Андрей Коротков — в собственном доме.

— Выборгская купеческая вдова Авдотья Яковлева — в домах Филиппа Дмитриева и Степана Тулыгина.

— Выборгский мещанин Семен Богданов — в собственном доме.

— Крестьянин Василий Петюков — в доме поселянина Алексея Иевлева.

— Крестьянин Никита Белоусов — в доме чиновника Леушина (без контракта).

³⁶ Искаженное рейнвейнский, то есть назначенный для продажи вина.

³⁷ Архив ВИМАИВ и ВС Ф. 6, Оп. 56, Д. 1190, Л. 8–9

— Жена канонира Гарнизонной артиллерийской №9 роты Марья Гутармана (так в тексте. — *Авт.*) — в собственном доме.

— Жена писаря Ивана Сандалова Наталья Иванова — в доме оружейника Михаила Какоулина.

— Крестьянин Василий Шапочкин — в лавке Кронштадтского мещанина Ивана Любомирова»³⁸. Тогда же было введено ограничение оптовой торговли вином. Больше трех ведер продавать было нельзя.

Вскоре командир Сестрорецкого завода отправил Инспектору оружейных заводов еще одно донесение: «Сокращение это (питейных заведений. — *Авт.*) теперь, когда обнаружены последствия почти безусловной свободы в продажах хлебного вина, признано совершенно необходимым. По сему предмету мною уже сделано сношение с Санкт-Петербургским Акцизным Управлением, которое отзывом от 16 октября уведомило меня, что патенты без особенных свидетельств от Полиции завода на торговлю вином в 1864 году выдаваться не будут.

Что касается до того, что некоторые из содержателей питейных домов отпускают вино в долг и принимают в заклад от слабых людей вещи, то в продолжении командования мною заводом не представилось ни одного обстоятельства, которое бы дало возможность уличить виновного для взыскания с него по закону.

Имея в виду, что такого рода сделки могли бы преимущественно производиться тайной продажей вина, я в видах прекращения этого зла предписанием от 12 апреля сего года спрашивал полицеймейстера завода, не производится ли в заводском селении продажи напитков без законного разрешения»³⁹. Полицеймейстер доложил командиру завода, что незаконной продажи напитков в Сестрорецке не производится.

С 1 января 1864 года по поручению Инспектора Оружейных заводов командир Сестрорецкого завода резко сократил число торгующих в заводском селении хлебным вином. Разрешение торговать было выдано четверым (за исключением трех ренсковых погребов) с правом иметь по одному заведению настырному Леушину (!), двум дочерям умершего отставного майора Иванова («по слабости здоровья нет возможности содержать себя») и купцу Суханову.

Торговцы, которым разрешение не было продлено, отправили командиру завода прошение, указав на то, что они в этом случае понесут большие убытки, так как еще не успели покрыть издержки. Одной из причин отказа стало подозрение, что будто бы торговцы давали водку в долг. Однако они, «ни в чем не признавая себя виновными, предложили внести по 50 руб. с каждого заведения, на тот конец, что если кто из них будет уличен в незаконной продаже вина, то лишить залога и воспретить торговлю вовсе.

Командир предлагает добавить подписку, что в случае изобличения их в незакон-

³⁸ Там же, л. 12–13.

³⁹ Там же, л. 18.

ной продаже питей в долг или в допущении неумеренного пьянства, они подчиняются требованиям заводского начальства о немедленном закрытии их заведения, а полиции завода вменить в обязанность строжайше наблюдать за продажей питей»⁴⁰.

Таким образом, борьба за питейные заведения продолжалась с переменным успехом. В июле 1864 года «Список обывателям и прочим лицам, которые имеют питейные заведения» в Сестрорецке, насчитывал 12 человек. Вскоре разрешение торговать вином получили еще три человека. Были предложения установить 200-метровую полосу вокруг завода, в которой торговля вином была бы запрещена.

Такая же борьба шла и на Ижевском оружейном заводе. Но она закончилась поражением командира завода. 19 июня 1864 года он получил следующее предписание:

«Государственный Совет при обсуждении проекта положения о питейном сборе, основываясь на удостоверении господина военного министра о бесполезности существовавшего при откупках воспрещения открывать питейные заведения близ оружейных и т.п. заводов, не нашел нужным ни воспрещать, ни ограничивать устройство означенных заведений в селениях при артиллерийских технических заведениях за исключением слобод и селений, находящихся при заводах, в которых имеется порох и другие горючие материалы. Открытие дозволено с разрешения местных обществ, без участия в том непосредственного их начальства. Таким образом, попытка начальника Ижевского завода ограничить торговлю — незаконна!»⁴¹.

В Сестрорецке были и другие попытки обойти законы. Так, в начале лета 1864 года крестьянин Каширин открыл в Сестрорецке на чужое имя постоялый двор в нескольких саженях от Собора на Крещенской улице. По мнению окрестных жителей, это было обыкновенное питейное заведение. К их возмущению присоединились прихожане, которые справедливо считали, что постоялый двор — это заведение для проезжающих, с комнатами и круглосуточной торговлей. Но постоянными посетителями Каширина были обыватели Сестрорецка, производившие немало шума рядом с храмом.

В общий спор включились и оружейники, не признававшие пьянства. 8 августа 1864 года командиру завода было направлено следующее послание:

«Мы, ниже подписавшиеся, избранные от общества оружейников для совещания в общественных делах и учинения приговоров быв на общем сходе по случаю открытия в нашем заводском селении (в починке Ключах) без разрешения начальства и нашего согласия Штофной лавки.

Мастеровые против пьянства, за которым — пороки: непочтение к родителям и старшим, лень к работе и вследствие того бедность»⁴². Они просили без согласия общества оружейников торговлю вином в Сестрорецке не разрешать.

⁴⁰ Там же, л. 35.

⁴¹ Там же, л. 98.

⁴² Там же, л. 112.

Правда, в сентябре 1865 года вокруг Сестрорецкого Оружейного завода располагалось уже 19 питейных заведений.

И все-таки жизнь продолжалась. С середины XIX века сестрорецкие оружейники начинают участвовать во всемирных и отечественных выставках. И их мастерство неоднократно отмечалось высокими наградами. Так, в 1867 году на Всемирной выставке в Париже Сестрорецкий завод получил высшую награду — бронзовую медаль — за винтовку Терри-Нормана. В 1873 году на Всемирной выставке в Вене — еще одну бронзовую медаль. Через три года выставка проходила в Филадельфии. Здесь представленный образец винтовки получил почетный отзыв.

На Всероссийской выставке, проходившей в 1882 году в Москве, Сестрорецкому заводу вручили диплом первого разряда, что соответствовало золотой медали. Особенно удачным было участие Сестрорецкого завода во Всемирной выставке 1900 года в Париже. Наши оружейники, кроме мосинской трехлинейной винтовки, изготовленной мастерами инструментальной мастерской Евграфом Фирфаровым и Егором Шиловым, представили несколько уникальных изделий. Это и модель трехлинейной винтовки в $\frac{1}{8}$ натуральной величины, которую изготовили в той же мастерской Леонид Фомичев и Константин Иевлев под руководством мастера Захарова, и универсальный центробежный регулятор, изобретенный механиком Сестрорецкого завода В.П. Коноваловым. Все эти изделия получили в Париже самую высокую оценку и бронзовые медали.

Уверенно вступал Сестрорецкий Оружейный завод в XX век. Паровые машины уже вытеснялись электрическими машинами. Наряду с оружейным производством набирало силу инструментальное. В начале 1900-х годов на завод придут новые талантливые изобретатели, но об этом мы расскажем в следующем томе.

Собственность Сестрорецкого Оружейного завода в окрестностях северной столицы

Реализация грандиозного промышленного проекта в начале XVIII века — строительство Сестрорецкого вододействующего оружейного завода требовала больших трудозатрат, лесоматериалов и железа. Волею Петра Великого и заботами последующих поколений хозяев завода в сферу его деятельности вовлекались большие территории на Карельском перешейке с русским и финским населением. Об этом и пойдет речь в этой главе.

Донационное землевладение

После Северной войны Карельский перешеек стал Выборгской провинцией Санкт-Петербургской губернии, а затем и Выборгской губернией. Еще во времена Северной войны Петр I в благодарность за ратные заслуги раздаривал отвоеванные земли своим приближенным и военачальникам. Эта практика продолжалась также и в мирное время. Когда Карельский перешеек оказался в составе Российской империи, то прежнее административно-церковное деление на волости и приходы сохранялось без изменений. Многие волости или части волостей были переданы в качестве дарственных или донационных (от латинского «donatio» — дарение, приношение в дар) земель российским вельможам, которые впоследствии устроили на них свои поместья.

Большинство донационных земель находилось в западных волостях Приладожья: Куркийоки, Хиитола, Пюхярви, Саккола, а также на границах Санкт-Петербургской губернии — в Рауту, Валкъярви, Кивеннапа; далее шла обширная волость Муолаа, где обосновались графы Чернышёвы — князя Голицыны; частично в районе Выборга; в волостях Иоутсено, Койвисто, Уусикирко и в некоторых других местах. Петр I подарил своим сподвижникам более двух с половиной тысяч поместий. Именно так, в качестве подарка или, вернее, награды земли в этом крае получили гофмаршал К. А. Нарышкин, генерал-фельдмаршал князь Н. И. Репнин, обер-комендант Выборга генерал-майор И. Шувалов, тайный советник И. А. Мусин-Пушкин, вице-адмирал П. И. Сиверс и многие другие.

Крестьяне, проживающие на этих землях, автоматически переходили в собственность русских помещиков. Вначале донационные земли, как и местные крестьяне, мало заботили своих новых хозяев, которые и без того уже имели собственные устроенные поместья и усадьбы в центральных районах России. Помещики редко навещали в

свои новые владения, и делами на местах распоряжался обычно назначенный для этого управляющий — фогт. Но когда на смену старым помещикам пришли их дети и внуки, ситуация изменилась. На Карельском перешейке начали появляться их новые усадьбы, и теперь карельские и финские крестьяне уже постоянно находились под зорким оком русского барина. Крепостнические порядки, господствовавшие в России, мало-помалу стали распространяться и на эти области. Отныне всем крестьянам вменялось в обязанность платить оброк, либо работать на барщине. Однако помещик имел полное право заменить по своему усмотрению крестьянские оброки отработкой на барщине. Рабочий день начинался с восходом солнца и заканчивался с его закатом. Физические наказания применялись сплошь и рядом. Крестьяне Карельского перешейка пытались сопротивляться крепостническим порядкам, взывая к судопроизводству, что часто приводило к противоположным результатам. Из этой борьбы помещик всегда выходил победителем. Помимо прочего в обязанность крестьян входило содержание в своих домах русских солдат в качестве постояльцев. Хотя официально крестьяне были освобождены от кормления этих постояльцев, тем не менее, им приходилось делать это довольно часто. Правда, через 20 лет в тех областях Финляндии, которые отошли к России после 1743 года, были построены казармы, и русские войска переместились туда.

После 1727—1728 годов была создана новая оброчная книга, одним из последствий составления которой было возвращение в казну некоторой части имений, розданных с 1710 года частным владельцам; более точно были определены повинности в зависимости от доходности господских имений и крестьянских угодий. Существовали срочные, временные и пожизненные донации. Срочные и временные дарения по истечении срока возвращались государству (казне). Дарения наследственные и предоставленные «навечно» являли собой большую сложность, ибо российское и финское законодательство во многом не совпадали.

После 1765 года донационные земли стали квалифицироваться как фрельсы (т.е. вечные, наследственные земли). Так, императрица Елизавета Петровна (1709—1762 гг.) подарила Михаилу Воронцову приходы в Куркийоки, Яккима и Париккала «в вечное и наследственное владение».

Некоторые новые землевладельцы начали строить свои усадьбы в тех местах, где уже с XVII века (а иногда и ранее) существовали крестьянские хозяйства. Крестьяне не имели права самовольно покидать земли донационных владений. Этот запрет был закреплен юридически указом Екатерины II в 1785 году. Фогты (управляющие имениями) постепенно приобрели здесь те же права и полномочия, которыми они и ленсманы (представители полицейской и податной властей в сельских местностях и пригородах) обладали на казенных землях. Долгое время должности фогтов и ленсманов занимали шведы, но с начала 1770-х годов эти должности стали замещаться русскими или прибалтийскими приказчиками и управителями.

Если русские крестьяне были крепостными людьми, то финские (и карельские)

крестьяне по закону оставались свободными гражданами. Фактически же и те, и другие оказывались под полной, безраздельной властью русских помещиков. Период крепостничества на Карельском перешейке начался с первой четверти XVIII века и продолжился до декабря 1811 года, когда Выборгская губерния по указу Александра I была воссоединена с Финляндией в составе России. Александр I дал торжественное обещание хранить в нерушимости собственные законы Финляндии.

К 1825 году большая часть донационных земель принадлежала русской знати: Апраксиным, Долгоруким, Трубецким, Воронцовым, Чернышёвым, Голицыным, Шуваловым, Салтыковым и другим фамилиям.

Еще в 1812 году тогдашний выборгский губернатор Карл Шернваль высказал идею о выкупе донационных земель у русских владельцев, чтобы потом финские крестьяне смогли постепенно выкупить их уже у финского государства. На то время среди русских помещиков имелись желающие продать свои земли, к такому решению также склонялся и царь Александр I. Но у Финляндии не нашлось тогда на это достаточно денежных средств. В 1863 году финляндский сейм принял решение взять ссуду в миллион марок для выкупа донационных земель, хотя окончательно это решение вступило в силу лишь в 1867 году. Государство же предоставило возможность финским крестьянам выкупать эти земли в собственность в течение 39 лет. Средства, которые уплатило финляндское государство русским владельцам и их предшественникам, получившим в свое время эти земли даром, были весьма обременительны для экономики Финляндии. Эта цена, выплаченная крестьянами за принадлежавшую им прежде землю, привела к упадку сельского хозяйства на Карельском перешейке. Многие финские крестьяне уходили на заработки в Санкт-Петербург и часто обосновывались там на постоянное жительство. Однако после октябрьских событий 1917 года многие из них возвратились обратно в родные места.

Во многих местах и лесные угодья стали также недоступными для местных жителей, поскольку заготовку древесины и строительных материалов в них можно было проводить только с разрешения хозяина. Самовольная рубка приравнялась к воровству и сурово каралась. Огромные лесные массивы принадлежали Сестрорецкому Оружейному заводу, и охрану их осуществляли казачьи патрули. Одно из предписаний руководства завода даже запрещало любые самовольные переезды крестьян с территорий, подчиненных заводу, без особого на то разрешения. Таким образом, жители бывшей Шведской Карелии постепенно оказались практически на положении крепостных.

Указ 1811 года не устраивал управление Сестрорецкого Оружейного завода, лишившегося не только даровой рабочей силы, но и главных лесных угодий волости Кивенаппа — Линдуловских лесов. Это обстоятельство породило в умах российских хозяев идею отделения волости Кивенаппа от автономной Финляндии и присоединения ее к Санкт-Петербургской губернии. Против такой передачи немедленно выступили

все жители Кивеннапы, направив в столицу делегацию с прошением оставить волость в составе Финляндии. Но решения по этому вопросу принять все же не успели, потому что в 1825 году Александр I скончался.

Уже через год новый российский монарх Николай I издал манифест, по которому все донационные земли были объявлены собственностью русских господ. Коренные жители получили возможность в 10-летний срок заключить со своими хозяевами договора аренды, либо оставить эти земли навсегда. После такого решения вопрос об отделении Кивеннапы был снят.

Сестрорецк

Земли, на которых ныне располагается Сестрорецк, веками были русско-шведским приграничьем, а в период с 1619 года по начало XVIII века входили в состав шведской Карелии, являясь частью земель деревни Куоккала. Сведения, дошедшие до нас, говорят о том, что уже в XVII веке на Сестре-реке находилась гавань и торговое поселение (ярмарка), которое получило шведское название по названию реки - Сюстербэк, что в переводе и означает Сестра-река. По некоторым данным это поселение и лесоторговая биржа при нём было расположено не в устье реки Сестры, а выше по её течению. На шведских картах XVII века близ устья Сестры нет никаких населенных пунктов. Сестрорецк своим появлением и промышленным развитием обязан планам и замыслам Петра Великого. В сентябре 1714 года Петр I сам прибыл в устье Сестры и распорядился основать здесь свою летнюю резиденцию. Одновременно со строительством дворца и парка были начаты работы по сооружению Сестрорецкого Оружейного завода. На крутом повороте Сестры-реки была построена плотина, в результате чего образовалась обширная зона затопления, известная нам ныне под названием оз. Сестрорецкий Разлив. Позднее южный рукав дельты Сестры, по которому проходила в XIV — в начале XVIII веков русско-шведская граница по Ореховецкому и Тявзинскому договорам, был засыпан. Это южное русло находилось где-то между деревнями Тарховка и Горская. И хотя оно исчезло, тем не менее, по его линии сохранялась административная граница между Выборгской и Ингерманландской губерниями. Впоследствии по этому рубежу и была установлена граница автономного Великого княжества Финляндского Петербургской губернии, просуществовавшая там до 1864 года. Пограничный шлагбаум оставался еще на прежнем месте вплоть до конца XIX века. На картах 1870—1890 годов на этом месте показана таможня.

После Указа Александра I в 1811 году, когда Выборгская губерния была воссоединена с автономной Финляндией, Сестрорецкое рабочее поселение оказалась на финской территории, так как старая граница находилась южнее селения. Сестрорецкий завод лишился при этом некоторых своих прав. Пограничная проблема разрешилась достаточно мирно 15 февраля 1864 года, когда по повелению Александра II был произведен размен территориями между Финляндией и Россией. В результате 14 кв. км.

прибрежной полосы, территориально относящейся к землям финляндской деревни Куоккала, на которых была расположена Сестрорецкая слобода вместе с оружейным заводом, перешли к Санкт-Петербургской губернии, а область Печенга (Петсамо) в русской Лапландии была обещана Финляндии в качестве компенсации. Царское обещание было выполнено гораздо позднее, лишь в 1920 году, благодаря большевистскому правительству России. Тогда Финляндия получила выход к Северному Ледовитому океану вместе с обширными полярными тундрами и немногочисленным русским и лапландским населением. После Великой Отечественной войны Финляндия лишилась этих земель.

С 1864 года линия новой границы автономной Финляндии была установлена по так называемой Ржавой канаве. Канавы эта была прорыта гораздо раньше и служила для отвода паводковых вод из реки Сестры во избежание размыва заводской плотины. Так как вода из нее поступала крайне редко, то канава вскоре заболотилась, и вода в ней приняла характерный ржавый окрас. На южном берегу Ржавой канавы в конце 1930-х годов были построены мощные железобетонные ДОТы Карельского укрепрайона. Линия границы по Ржавой канаве сохранялась вплоть до 30 ноября 1939 года, позднее она оказалась в глубоком тылу наступающей Красной Армии. В годы Великой Отечественной войны Ржавая канава превратилась в линию фронта, о чем напоминают нам теперь установленные здесь в 1966 году два памятника. Монумент «Сестра» находится как раз в том месте, где проходила прежде граница Финляндии. Второй памятник — «Белый Остров» — указывает место расположение линии разграничения советских и финских войск в 1941—1944 годах.

Лахта

В ходе долгой и кровопролитной Северной войны (1700—1721 гг.) Россия вернула утраченное в начале XVII столетия побережье Финского залива. Лахта оказалась в зоне боевых действий в первые годы Северной войны. 7 июля 1703 года русский отряд под командованием Петра I отбил нападение шведов под предводительством генерала Крониорта на Сестре-реке.

После Полтавской битвы (1709 г.) и взятия Выборга (1710 г.) безопасность Петербурга была обеспечена. В 1712 году город на Неве официально стал столицей России, а Лахта, затерянная прежде среди лесов и болотных топей, вдруг оказалась в окрестностях стремительно растущего С.-Петербурга.

При появлении русских войск шведские помещики бежали, а все земли Ингерманландии перешли в собственность российской казны. Финны, пришедшие сюда во времена шведского владычества, не внушали Петру I особого доверия. После окончания военных действий в Приневье были предприняты меры для возвращения на отвоёванные земли русского населения. 3 и 6 июня 1712 года Петр I подписал указы об «отписании» Ингерманландии «под поселение крестьян и мастеровых людей» и о пра-

вилах раздачи земель в Ингерманландии.

Множество земель с деревнями и населявшими их крестьянами в окрестностях Петербурга были розданы в собственность ближайшим сподвижникам Петра I — А.Д.Меншикову, Ф.М.Апраксину, П.И.Ягужинскому и др. Лахта же долгое время оставалась во владении казны. Вся территория по северному побережью Невской губы от Лахты до Белоострова площадью в 24029 десятин 1518 кв. саженей, известная в середине XVIII века под названием мызы Белоостровской кирхи, именным указом Петра I в 1724 году была приписана к Дубковскому дворцу и Сестрорецкому Оружейному заводу.

Так лахтинские крестьяне были прикреплены к земле и стали отбывать многочисленные повинности в пользу государства, казны. Политика Петра I в отношении покоренного населения отличалась веротерпимостью, и финны могли свободно отправлять религиозные обряды по лютеранскому образцу. Более того, Петр пытался использовать лютеранских священников для решения сугубо мирских дел.

Все леса по северному побережью Невской губы, около 70 тыс. гектаров, были объявлены заповедными. В феврале 1720 года, подъезжая к Лахте, Петр I приказал «поставить караул и хранить как око весь лес в окружности до 200 верст. Сей лес нужен для строения и содержания впредь Сестрорецких заводов, на жжение угля и на прочие надобности к долговременному и непременно его действию». В изданном 24 февраля того же года указе предписывалось: «...По сию сторону Сестры-реки до мызы Лахты и от мызы Лахты вверх по речке Каменке до означенной столбовой дороге лесу стоячего сырого никакого никому и ни на какие потребы рубить не давать для строения на Сестре-реке оружейных и прочих железных дел мануфактуров...»

Часто бывая на северном берегу Финского залива, Петр I обратил внимание на раскиданные по побережью дубовые рощи и избрал их местом для своих загородных резиденций, которые стали именоваться Дубками. Не позднее 1719 года он заложил восточнее Лисьего Носа, на месте современных Полян, Старые или Средние Дубки, а между 1719 и 1725 годами были построены Дальние и Ближние Дубки. Дальние Дубки находились в районе Сестрорецка, и о них напоминает существующий парк «Дубки». Ближние (Первые или Новые) Дубки располагались примерно на середине пути по побережью между Лахтой и Лисьим Носом.

22 декабря 1766 года Екатерина II пожаловала мызу Лахту, состоявшую в то время в ведомстве Канцелярии от строений дворцов и садов, своему фавориту, генерал-фельдцейхмейстеру, графу Григорию Григорьевичу Орлову (1734—1783 гг.). Один из главных участников дворцового переворота 1762 году, возведшего на российский трон Екатерину II, он находился в зените славы и могущества, милости императрицы сыпались на него золотым дождем. В 1764 году ему были пожалованы земли в южных и юго-западных окрестностях Петербурга, приписанные к Ораниенбаумскому дворцу. Но через два года Екатерина II передумала и повелела вернуть подаренные Орлову

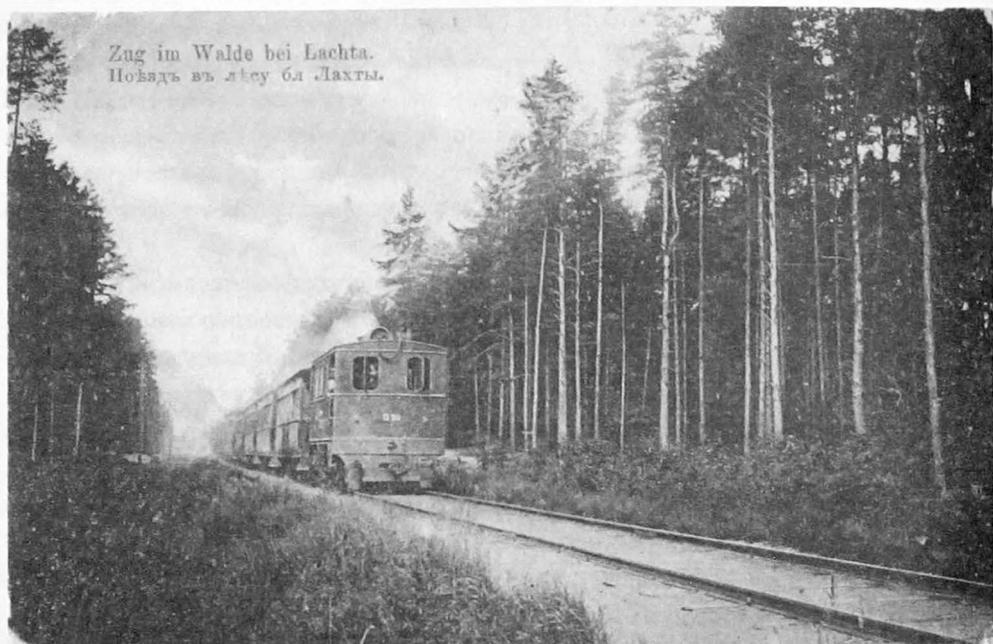
села и деревни, а взамен пожаловать ему в вечное и потомственное владение другие с тем же количеством крестьян из ведомства Главной дворцовой канцелярии. Но поскольку нужного количества крестьян там не набралось, то Орлову отдали «к ним в добавок из ведомства Канцелярии от строений дворцов и садов мызу Лахту, в коей и в ее деревнях с дворовыми людьми 208 душ, со всеми к сей мызе и деревням приписными землями, лесами, санными покосы и всякими угоды, и чем те крестьяне ныне действительно владеют».

Так было положено начало Лахтинскому частновладельческому имению, лахтинские крестьяне лично со всем их имуществом стали собственностью помещика графа Г.Г.Орлова. Положение казенных и частновладельческих крестьян в эпоху крепостного права существенно различалось. Теперь лахтинских крестьян помещик мог продать, заложить, подарить или проиграть в карты всех вместе или по отдельности. Со второй половины XVIII века и до 1917 года хозяева Лахтинского имения довольно часто менялись. Графу Г.Г.Орлову полученная «в добавок» и расположенная далеко от других его поместий мыза Лахта была ни к чему. Не позднее 1768 года во владение имением вступил граф Я.А.Брюс.

Граф Яков Александрович Брюс (1732—1791 гг.), внук первого коменданта Санкт-Петербургской крепости Романа Вилимовича Брюса, а по материнской линии приходящийся внучатым племянником генерал-фельдмаршалу князю В.В.Долгорукому, был одним из известных вельмож XVIII века. Он сделал блестящую военную карьеру. Начав службу рядовым лейб-гвардии Семеновского полка при Елизавете Петровне, он участвовал в Семилетней, Шведско-русской и первой Русско-турецкой войнах, отличился в многочисленных сражениях (при Гросс-Егерсдорфе, Цорндорфе, под Хотинном, при Ларге и Кагуле). В 1761 году он был уже генерал-майором. Благодаря особому расположению императрицы к его супруге Прасковье Александровне, родной сестре фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайского, в царствование Екатерины Великой граф Я. А. Брюс с головокружительной быстротой продвигался по службе. В 1770 году он уже генерал-адъютант, в 1773-м — генерал-аншеф, генерал-губернатор Петербурга и Москвы одновременно, кавалер высших российских орденов — Св. Анны, Св. Александра Невского, Св. Андрея Первозванного.

В 1788 году за Я. А. Брюсом числились мыза Лахта со службами деревянными на суходеле (высоком месте) и принадлежащие к ней деревни Лахта, Дубки, Лисий Нос и Конная также на суходеле, в тех деревнях крестьян мужского пола 238 душ. Помещик своей барской запашки не держал, но исправной уплаты оброка от крестьян требовал.

Кратчайший путь из Петербурга на Лахту, проходивший по берегу Финского залива, с весны и до осени был труднопроходим из-за болот и частых подъемов воды в заливе. Одновременно со строительством «вновь учрежденной Выборгской дороги» в 1788 году возвели «изрядный крепкий мост» через Лахтову губу, как тогда называ-

Приморская железная дорога. Поезд близ Лахты. Открытка конца XIX века

ли устье Лахтинского разлива (подробнее об этом в главе «Пути — дороги»). Тогда же появился и Лахтинский проспект, широкая и прямая улица, которая вела от моста к Лахтинской мызе, усадьбе графа Я. А. Брюса.

Я. А. Брюс умер в 1791 году, не оставив наследников мужского пола. Его единственная дочь Екатерина была замужем за графом Василием Валентиновичем Мусиным-Пушкиным, но и он умер в 1836 году, также не оставив после себя сыновей, и ветвь Мусиных-Пушкиных-Брюсов пресеклась. После Брюса лахтинской помещицей стала супруга полковника Василия Никитича Куломзина, Сара Яковлевна, урожденная графиня Стенбок (Штембок), а 1 мая 1813 года Лахта перешла во владение Яковлевых.

Новая хозяйка Лахтинского имения Капитолина Ивановна Яковлева, урожденная Логинова, была супругой статского советника Ивана Михайловича Яковлева, внука знаменитого уральского заводчика Саввы Яковлевича Яковлева. В 1840 году в Лахте насчитывалось 26 дворов.

Собственно помещицья усадьба Капитолины Ивановны — Лахтинская мыза — занимала 26 с небольшим десятин земли под строениями и рощей. Основные ее постройки располагались по северной стороне Лахтинского проспекта в районе домов, имеющих сейчас общий номер 85. Это был деревянный господский дом с многочисленными подсобными постройками, служебными флигелями, погребями, банями, амбарами, сараями, птичниками и т.п.

Таким образом, Лахтинские владения принадлежали заводу с 1724 по 1766 годы. Основной ценностью этого владения были обширные леса.

Чернореченские (Дыбунские) чугунно-плавильные заводы

До 1728 года Сестрорецкий Оружейный завод получал руду из разных мест: из Сибири, с Ладogi, Урала, Олонекких заводов. Чугун и сталь выплавлялись на самом заводе, в нескольких больших и малых доменных печах. В 1728 году болотную железную руду начали добывать в окрестностях завода. Болотную и озерную руду выкапывали в местах залегания, затем плавил в небольших «домницах», плавильных печах. Получали полуфабрикат — «крицу». Из крицы получали железо. Однако найденные залежи руды были мелкими и разбросаны по разным местам, что усложняло доставку руды на завод. Кроме того, они быстро иссякли. Поиски близлежащих месторождений продолжались. Лучшим из всех найденных оказалось месторождение на Дыбун-болоте, недалеко от Черной речки, у истоков Черной речки в Меднозаводском разливе.

Первое упоминание о деревне Дыбунь в исторических справках датируется 1728 годом. И связано оно с Чернореченскими и Дыбунскими чугунно-плавильными заводами, построенными в 1735 году. Существует две версии происхождения названия деревни (поселка) Дыбуны. По первой версии поселок Дыбуны получил название от высокого холма «Типун», находящегося возле Глухого озера в 6 километрах от современного поселка. Слово «Типун» — финское, но в русском языке оно имеет другое значение, и скорей всего по аналогии и созвучию, русские называли деревню (поселение) «Дыбун». По другой версии на холме была «Дыба», где наказывали провинившихся крестьян и солдат. Существовали две деревни Дыбун: одна принадлежала Стародеревенской мызе, другая — Осинорошинской), вероятно, от множественного числа и пошло название «Дыбуны». В начале XVIII века все эти земли Петр I подарил за заслуги перед отечеством генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину.

В Дыбунах были построены две «домницы», которые снабжали железом Сестрорецкий Оружейный завод. Одна из печей была постоянно в работе, вторая стояла в запасе. В близлежащих лесах было организовано выжигание угля для домниц. Сестрорецкому Оружейному заводу было выделено казной 70 тыс. гектаров леса. Одновременно к нему было приписано 1800 крепостных крестьян для выжигания древесного угля и снабжения им завода.

Следы этого выжигания можно обнаружить в лесу в виде угольных куч в районе танкодрома (Каменки) и у ручья Серебряный. Печи по тем временам были очень продуктивны — ежегодно они давали свыше 30 тыс. пудов чугуна высокого качества. Работали на домнице финны, свезенные с окрестных деревень, а также насильно «посаженные» беглые крестьяне, пленные солдаты и перебежчики. Но сестрорецкое ру-

жье все равно стоило дороже тульского на 1 руб. 25 коп.

В 1735 году для удешевления Сестрорецкого оружия к заводу присоединили четыре церковных прихода (четыре кирхи: Виролак, Секиерви, Лальвери и Кирвусь) в Выборгском уезде, всего 162 двора. Крестьяне должны были рубить дрова, жечь уголь, добывать и обжигать руду для Дыбуновского чугуноплавильного завода, а также доставлять произведенные материалы на Сестрорецкий завод. За эти работы летом платили пешему 5 копеек, конному — 10, зимой соответственно 4 и 6 копеек в сутки.

Во второй половине XVIII века Сестрорецкий Оружейный завод стал выполнять только случайные заказы. Переливал медные пушки в мелкие монеты, изготавливал холодное оружие, занимался ремонтом старого оружия, производством предметов домашнего обихода. С небольшой нагрузкой работали в это время и Чернореченские заводы. А потом пошла смена владельцев.

В 1766 году Екатерина II, не задумываясь о судьбе завода, жалуется мызу Лахту князю Орлову. Завод лишился большей части своего основного богатства — лесов, так необходимого топливного и строительного материала. В 1767 году завод лишился и большей части приписных крестьян. Их осталось всего 200 человек. Завод продолжал разоряться. В 1779 году Указом от 25 января «О дарении Осинорощинской мызы»

*Поселок Графская. Шлюзы Черной речки.
Открытие конца XIX века*

Екатерина II подарила Чернореченские заводы вместе с Осиновой Рощей и всеми близлежащими лесами графу Потемкину с той целью, чтобы заводы прекратили свою работу. После этого завод вынужден был покупать сталь вдали от Сестрорецка. После смерти Потемкина в 1791 году заводы перешли в казну в качестве его долга государству. Позднее они перешли в аренду английскому купцу Шарпу, который занимался «плющением железа», то есть прокатом стали.

В 1797 году Павел I отдает земли генерал-майорше Монахтиной, и с этого момента заводы прекратили свое существование. Позже мыза Осиновая Роща принадлежала князю П. В. Лопухину, министру юстиции.

Земли по правому берегу Черной Речки вместе с деревенькой Дыбун в 1807 году Александр I подарил тайному советнику

Ивану Григорьевичу Долинскому. В 1833 году граф В. В. Левашов получил от царствующего в то время Николая I в подарок Осинорошинскую мызу, и с той поры до 1902 года ею владела фамилия Левашовых. После отмены крепостного права в 1861 году мыза перестала давать доход. С развитием промышленности многие крестьяне уходили на заработки в город. В 1902 году часть земель из имения «Осиновая роща» была передана в казну, а земли, где находятся сейчас поселки Песочный и Дибуны, перешли в пожизненное владение О. Д. Левашовой. На этих землях был образован дачный поселок, который стал называться Графская (ныне Песочный).

Кююрёля — Красное село — Красносельское

В числе тех, кому были пожалованы земли в этом крае, был первый комендант Выборга, полковник Григорий Петрович Чернышёв.

В 1723 году волость Кивенаппа была подарена коменданту Выборга Матвеем Неелову, который, впрочем, умер год спустя. Кивенаппа перешла в собственность государства. В 1741 году волость вновь была дарована гофмейстеру Дмитрию Шепелеву, который возвел свою усадьбу в деревне Линтула. От Шепелева Кивенаппа перешла графу Шувалову, затем графу Чернышеву и, наконец, графу Салтыкову. Наследники Салтыкова в 1820 году продали волость Артиллерийскому управлению.

В Выборгском уезде пожалованные земли распределились между наследниками графа Чернышева. Позже возникли большие деревни — Райвола (совр. Рошино), Кююрёля (Красное Село), Парккила (Паркино), Кангаспелто (Новая деревня) с русским населением.

Уже после заключения мира между Россией и Швецией, в 1723 году (по другим данным уже в 1710 году), граф Григорий Петрович Чернышев получил угодья на вновь приобретенных Россией территориях. Из своего Череповецкого имения он переселил сюда, на Карельский перешеек (40 км от Выборга), 20 семей на место будущего Красного Села, пять семей в Новую деревню, четыре в Паркино. Их исторические названия до заселения русскими соответственно — Кууrola, Kangaspelto, Parkkilla. Некоторое время вся территория именовалась как «Чернышево угодье». Позже к трем русским деревням прибавилась еще одна — Развоз (финское название — Sudenoja), в которой обосновались предположительно пять семей новопоселенцев-костромичей.

Место для новопоселенцев было выбрано очень удачно, на тракте Петербург—Выборг, на неплохих для данной территории земельных угодьях, среди живописных лесов, на берегу большого озера, изобилующего рыбой, в месте сезонного птичьего пролета.

В 1742 году Г. П. Чернышёву был пожалован титул графа. В 1745-м он завещал свое громадное имение старшему сыну, графу Петру Григорьевичу Чернышёву, впоследствии действительному статскому советнику, дипломату и сенатору, отцу будущей

княгини Н. П. Голицыной.

В 1773 году во владение имением вступила вдова графа П. Г. Чернышёва — Екатерина Андреевна (в девичестве Ушакова) и ее дети. По завещанию матери Муольское имение отошло в 1780 году княгине Наталье Петровне Голицыной, урожденной графине Чернышёвой (1741—1837 гг.) — внучке основателя рода графа Г. П. Чернышёва, статс-даме императорского двора, фрейлине при «пяти императорах». Она послужила А. С. Пушкину прототипом графини в повести «Пиковая дама». В 1766 году Наталья Петровна вышла замуж за князя Владимира Борисовича Голицына, впоследствии бригадира, человека богатого, красивого, но простоватого. Благодаря своему твердому, деятельному характеру Наталья Петровна быстро привела в порядок имения, принадлежавшие мужу, и сделала их доходными. Дети ее, Борис, Дмитрий, Екатерина и Софья, получили прекрасное воспитание и образование и стали незаурядными личностями своего времени. В своей семье и в обществе кн. Н. П. Голицына пользовалась непререкаемым авторитетом и властью.

Таким образом, с 1780 года земли в Муольской волости стали «голицынскими». Затем имением некоторое время владел старший сын Н. П. Голицыной князь Борис Владимирович Голицын, на личности которого стоит остановиться. Родился в 1769 году, образование получил в Страсбургском университете и Парижской военной школе. В парижский период жизни очень увлекся литературой, которой посвящал все свое свободное время, печатался в лучших французских журналах того времени. Поначалу военная карьера его складывалась удачно, он довольно быстро достиг чина генерал-лейтенанта, был награжден высокими орденами, но затем был вынужден покинуть военную службу по состоянию здоровья и по домашним обстоятельствам. Борис Владимирович поселился в Москве, а в 1803 году получил в наследство имение Вяземы. В 1812-м он вновь оказался в армии, принимал участие в Бородинском сражении, в котором получил легкое ранение. После выздоровления вернулся в действующую армию. В 1813 году в Вильно во время вахт-парада князь Б. В. Голицын простудился и вскоре умер.

28 сентября 1801 году князь Б. В. Голицын продал имение действительному статскому советнику Богаевскому, который, в свою очередь, перепродал его Артиллерийскому департаменту, а этот, последний, приписал его к Сестрорецкому Оружейному заводу. Несмотря на то, что почти все Муольское имение оказалось в конце концов в руках Сестрорецкого Оружейного завода, некоторая его часть и в 1817, и в 1868 годах еще оставалась во владении князей Голицыных. Так, по Ведомости Муольского Кирхшпиля (прихода) вотчины Ее Сиятельства действительной Статс-дамы и кавалера княгини Натальи Петровны Голицыной в 1817 году числилось мужчин и женщин — всего 56 человек. У княгини Н. П. Голицыной оставались еще мызы Пялиля (Pallila) и Пуннусниемеи (Punnusniemi) и, видимо, еще и земли в этом приходе. Документ на бланке «Хозяйственного отделения Сестрорецкого Оружейного завода» 1868 года

говорит о том, что на станцию Памполово направляется коллежский секретарь Лукин для размежевания земель имения князя Голицына в Муольском приходе, с одной стороны, и земель Сестрорецкого Оружейного завода в Кивеннабском и Муольском приходах, с другой стороны.

В XIX веке Красным Селом владеют Финская казна, князь Э. Ухтомский, и только в 1888 году эти земли окончательно покупает финская земельная управа, у которой жители Красного Села получали землю в полное наследственное владение. Через два столетия это село представляло собой достаточно крупное и экономически развитое поселение — число русских жителей составляло почти две тысячи человек (финнов в селе — 54 человека). В нем было несколько сотен домов, школа, множество лавок (общественная, Ушановых, Галкина, Тюрина, Кузнецова, Корелиных), мельницы, лесопильни, мукомольни, чайная и многое другое. Над селом возвышался великолепный храм во имя Сретения. Проходящая через село дорога, естественно, в каждую эпоху определяла облик села — сначала была почтовая станция, постоялый двор, затем, к 1930 годам, в селе появились гараж, бензоколонка, аптека. Здесь гармонично сочетались новые веяния и старый уклад жизни, который менялся естественно, спокойно и не насильственно.

История села отмечена печатью спокойствия внутренней жизни, во всяком случае, до конца XIX века. Однако село в разные времена было предметом споров вплоть до «высочайших», начавшихся с момента перехода Выборгской губернии к Великому княжеству Финляндскому (1811 г.). Парадокс ситуации заключался в том, что земли «экономически» подчинялись Сестрорецкому заводу, правовому субъекту России, но территориально относились к Выборгской губернии, где, естественно, распространялась финская, во многом специфическая законодательная и судебная власть. Предлагались «проекты» съехать крестьянам Красного Села «...до середины поста 1828 года на другую территорию...» (имеется в виду — в Россию). К счастью тяжбы остались на бумаге и были неведомы крестьянам. Кроме того, финское и русское законодательство защищало русских крестьян от всяких потрясений — с начала XVIII века переселенцев из России здесь нельзя было продавать, как граждане Финляндии они достаточно свободно обзавелись собственной землей (1888 г.), их не коснулась рекрутчина, а затем и срочная служба (была только резервная). Никаких конфликтов с финским окружением, с финскими властями вообще до 1899 года не было.

К сожалению, сначала выход из состава России, а затем и советско-финляндская война 1939—1940 годов привели к постепенному исчезновению русского островка в Финляндии. В 1899 году красносельцы не подписали в общем справедливый «адрес-протест» финнов по поводу манифестов Государя, ущемляющих права финского языка. Но это нельзя назвать верноподданническим актом, просто русским крестьянам, говорившим по-русски, было бы странно поддерживать петицию в защиту другого языка. Красносельцы заслужили этим высочайшее благодарствие, но уже через тридцать лет полнос-

тью самостоятельная Финляндия ответит сначала сокращением, а затем фактическим прекращением преподавания русского языка в красносельской школе.

Революционное время тоже не обошло красноселов. После краткого коммунистического правления в Финляндии в селе были расстреляны десятки сочувствующих, учитель и даже священник З. Земляничын, по одной версии за то, что, исполняя свой долг, отпевал «красных».

Спокойная жизнь 1920—1930 годов, когда русская деревенская колония представляла собой чисто анклавное поселение, закончилась 1939 году с началом Зимней войны. Деревня была сожжена отступающими финнами и наступающими советскими войсками. Красноселы расселились по всей Финляндии, потеряли компактность проживания, вынуждены были изменить уклад жизни; начался процесс быстрой ассимиляции, которого не наблюдалось вообще ни в XVIII—XIX веках, ни в XX веке, когда Финляндия стала независимой страной. Сейчас только красноселы старше 60 лет могут разговаривать на русском языке, а их дети, как правило, не считают себя русскими.

Перед нами поистине уникальный случай: на протяжении двух столетий русские православные деревни жили своей жизнью в достаточно плотном финском окружении (хотя контакты с Россией и русскими, разумеется, были).

После отмены крепостного права в 1861 году принудительное переселение русских в Финляндию ушло в прошлое. Развитие капитализма и обеднение дворянского сословия привело к дальнейшему дроблению русских владений на Карельском перешейке. Начался новый этап освоения финских земель, теперь уже стимулированный появлением железной дороги. Вдоль новой Финляндской магистрали появились многочисленные дачные поселения — Куоккала, Келломяки, Териоки, Мустамяки, Леовилла.

Райвола-Роцино

В начале XIX века командир Сестрорецкого Оружейного завода Иван Ланкри провел существенную модернизацию производства. В 1812 году у частных лиц было куплено для завода несколько имений, находящихся вблизи Сестрорецка. Самое большое из них — Линдуловское (ныне поселок Огоньки), в котором имелся Райволовский чугунолитейный и железоделательный завод.

В 1778 году в Райвола проживало 72 человека. В 1800 году граф Петр Салтыков получил привилегию на строительство здесь железоделательного завода на берегу реки Линтулан-йоки на границе волостей Уусикиркко и Кивеннапа в 7-ми верстах от берега Финского залива. Его годовой продукт, добытый из озерной и болотной руды, а также из старого железного лома, достигал 30 тыс. пудов. Углежогов и рудовозов, работавших на заготовке сырья для завода, было почти триста человек. На заводе также работала еще пара сотен крепостных.

В 1802 году графиня Дарья Петровна Салтыкова привезла из своего имения Воскресенска Орловской губернии 150 человек крепостных. Как уже было сказано выше, в 1811 году Выборгская губерния воссоединяется с Великим княжеством Финляндским, и в связи с этим безраздельному господству крепостнических порядков на Карельском перешейке приходит конец. Проблема привлечения финских крестьян к принудительному труду еще более обостряется. В связи с этим возрастает и поток русских переселенцев в приграничные районы Великого княжества.

Немного позднее русская колония в Райвола составила 726 человек. Ее расширение связано с деятельностью в деревне чугунолитейного завода, для работы которого использовались вновь прибывшие крепостные крестьяне из России.

В 1802 году И. П. Салтыков предложил императору купить Линдуловское имение в казну. Переговоры о его покупке велись с 1807 по 1820 годы. В фонде «Общая канцелярия министра финансов» Центрального Государственного исторического архива Санкт-Петербурга содержатся описания имения. Площадь его на 1807 год составляла более 70 000 десятин (около 80 000 гектаров) земли, из них более 50 000 были заняты лесом, 7000 — пашней, 6000 — лугами и сенокосом, около 7000 занимали озера, реки, холмы, дороги и богатые рудами болота. Населяли имение 2284 финских крестьян мужского пола (на 1807 год), живших в расположенных на территории имения 42 деревнях, 16 дворовых крепостных в усадьбах, и 289 душ мужского пола крепостных крестьян были заняты на Райволокском заводе.

В имении были две усадьбы (мызы Линдула и Соболя), «надлежащим образом отстроенные», две лесопильные мельницы; винокуренный и водочный заводы, на которых выкуривалось до 15 000 ведер вина в год; мукомольная мельница; чугуноплавильный и железоделательный со вспомогательными заведениями завод, при нем церковь, плотина, две корчмы, «мастеровые» и «служительские» избы и 45 сельских изб с пристройками для «переведенцев» из России. В имении велось помещичье хозяйство; продажа зерновых, «огородных фруктов», зелени, овощей и рыбы приносила немалый доход Салтыковым. Одной малины продавали по 980 «кулей» в год. Финские крестьяне платили оброк и отрабатывали барщину. Имение было оценено в 1,5 млн. руб. Один только Райволовский завод в 1807 году принес 60 000 рублей чистого дохода.

Дополнительные сведения о заводе содержатся в его годовой ведомости на 1810 год, отложившейся в Главном правлении мануфактур. На заводе выплавлялись чугун, железо и медь, изготавливались металлические изделия, «в гвоздильной заводскими мальчиками выковано разных сортов гвоздей 227 050 штук». Заводское население составляли в 1810 году 278 крестьян, из них 60 стариков и «малолеток», неспособных к работам. При заводе «состоял» фельдшер, оказывавший рабочим бесплатную медицинскую помощь.

В 1811 году Выборгская губерния была включена в состав Великого княжества

Финляндского и всем ее жителям, независимо от места происхождения, были предоставлены равные права, но на положении русского населения Райволы это не отразилось.

Когда в 1820 году завод перешел в собственность Артиллерийского ведомства и был продан Сестрорецкому заводу вместе с Линдуловским имением, его работники (из уроженцев России) были зачислены в разряд «поселенцев — мастеровых и оружейников», обязанных работать на заводе. Администрация Оружейного завода пригласила для работы на Райволовском заводе рабочих Олонецких рудников и литейных мастерских, которые, наряду с прежним рабочим людом завода, вышедшим из крепостных, образовали колонию оружейников и мастеровых. Связи между Сестрорецким Оружейным заводом и Райволовским железоделательным заводом прервались в 1843 году, когда оба предприятия получили собственное самостоятельное руководство.

В 1860 году Артиллерийский департамент сдал Райволовский завод в аренду. Завод пытались расширить в 1865 и в 1866 годах и особенно в 1870-м. Количество рабочих в доменном, пудлинговом и прокатном производстве к 1872 году возросло до 368 человек. Валовое производство было столь велико, что превзошло все железоделательные заводы Финляндии. Для рабочих этот период был золотым временем. Завод и работавшие на нем крепостные являлись собственностью российского государства, однако находились на территории автономной Финляндии. В дальнейшем это породило множество проблем и противоречий, которые чуть было не привели к отделению от Финляндии волостей Кивеннапа и Уусикиркко с последующей передачей их в состав Санкт-Петербургской губернии. К счастью, для коренного населения этого не случилось.

После отмены крепостного права русские рабочие получили в собственность 220 земельных участков, где смогли построить свои жилища. Эти участки находились в низине, на берегу реки Райволан-йоки, ввиду чего эта часть деревни стала называться Нижняя или Русская Райвола, в то время как старая деревня с карело-финским населением располагалась выше, на холмах, и называлось соответственно Верхняя или Финская Райвола.

Но затем наступил период заката. Конъюнктуры рынка изменились в худшую сторону. Среди держателей акций возникли разногласия. В апреле 1872 года завод прекратил свою деятельность, что означало безработицу для рабочих, число которых на тот момент перевалило на вторую тысячу.

В 1864 году в связи с распространением «Положения 19 февраля 1861 г.» на заводских крестьян русские жители Райволы были исключены из военного ведомства и освобождены от обязательных работ, им были выданы безвозмездно паспорта. Сестрорецкий Оружейный завод был выделен в Петербургскую губернию, и русские жители Райволы приписаны к Сестрорецку с правом проживать в Финляндии.

Согласно «Положению об устройстве быта оружейников и мастеровых Сестрорецкого и Райволовского заводов» 1867 года из них было образовано Сестрорецкое сельское общество с выборным старостой во главе (в 1889 году из него было выделено отдельное Райволовское сельское общество). Райволовские сельские обыватели по крестьянским делам находились в ведении Петербургских крестьянских учреждений, а «в отношении полиции и суда» были подведомственны финляндским властям. «Дома, построенные ими на казенной земле собственными средствами или на пособие от казны, с усадебной землей и огородами, с правом пользования водопоем и выгоном остаются нынешним хозяевам безвозмездно в собственность», — записано в «Положении». Обеспечения их полевыми наделами «Положение» не предусматривало, поскольку свободных, приспособленных для ведения сельского хозяйства земель в Кивинебской волости не было.

Всем получавшим пенсии и пособия от казны они были сохранены, все проработавшие 20 лет на заводе с 18-летнего возраста были освобождены от личных и казенных податей и повинностей пожизненно, все остальные — на шесть лет; сиротам и детям без отцов были сохранены пособия «на пропитание»: в сумме на один пуд ржи детям до семи лет и на два пуда — детям от 7 до 16 лет ежемесячно по местным справочным ценам.

После отклонения предложения российского правительства финляндским властям о выкупе в казну Райволовского завода и казенного имения они в 1874 году были проданы князю Э. Ухтомскому, который почти сразу же перепродал их французскому акционерному обществу. Новые хозяева завод закрыли, а земли перепродали жителям Финляндии. Русские жители Райволы остались без средств к существованию и были вынуждены искать работу в других местах, а часть из них занялась кустарным промыслом. В «Справке по вопросу об юридическом положении села Райволы», составленной в Комитете Министров и отложившейся в одном из архивных фондов Министерства внутренних дел, сообщается, что в 1885 году жители Райволы просили «причислить» их к финляндским гражданам, но в 1888 году, когда Выборгский губернатор прибыл в Райволу «для опроса», на сходе отказались от финляндского подданства.

В документах фондов Министерства государственных имуществ содержатся сведения о казенной Линдуловской роще, первые лиственницы в которой были посажены по приказу Петра Великого уже после его смерти, в 1738 году. В описании ее на 1890 год, сделанном по результатам осмотра главным лесничим Финляндии Нуммелином в связи с продажей финляндской казне, отмечено, что Линдуловская роща являет собой «исторический памятник заботливости правительства о разведении в том крае лиственницы». Райвола описана в этом документе так: «Большое торговое село с лесопильным заводом, несколькими лавками, аптекой и по смежности с которыми на берегу озера построено до 60 дач».

О положении русских жителей Райволы в начале XX века свидетельствуют хра-

нящиеся в фонде документы: «Статс-секретариат Великого княжества Финляндского» их прошения генерал-губернатору Финляндии от 6 июня 1901 года и «всеподданнейшее», то есть на имя императора, от 7 ноября того же года. Под каждым более 120 подписей (Фирсовы, Данилушкины, Колядины, Мурыгины, Цукановы и другие фамилии).

В прошениях они изложили свое видение исторического прошлого Райвола: село было «образовано», по их мнению, в 1743 г. крепостными крестьянами Салтыковых из Орловской губернии. «Сколько было завезено... устных преданий до наших дней не дошло, а письменных у нас не сохранилось... крестьяне русские, прожив многие годы, свыклись с местными условиями быта, успели обзавестись своим, хотя и скудным, хозяйством и не могли уже покинуть села... а вместо работ на заводе стали искать себе новые промыслы, скитаясь по разным углам нашей кормилицы матушки России и возвращаясь в свои семьи только на побывку».

Суть их требований сводилась к следующему: освободить от местных налогов, исключить из подведомственности финляндским властям в делах общественного устройства и передать в ведение учреждений по крестьянским делам в Санкт-Петербурге; устроить на казенный счет больницу или дать фельдшера для оказания бесплатной медицинской помощи; освободить от платежа таможенных пошлин местных кустарей при вывозе их продукции во внутренние губернии России»¹.

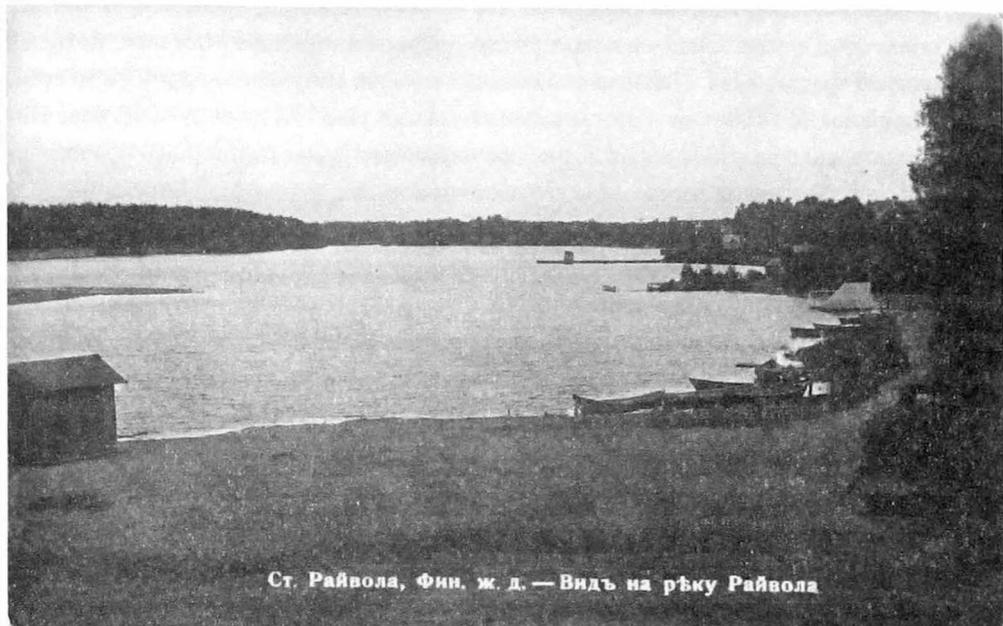
В Райвола в 1888 году жило 1215 человек. Мужское население ездило на заработки в Кронштадт, Петербург, на Сестрорецкий Оружейный завод и работало на Райволовской мельнице. Другая часть работала на дому, изготавливая кофейные мельницы, молотки, клещи и замки. Женская половина шила чулки, перчатки и головные платки, которые затем отвозили на продажу в Петербург. Оставшиеся безработные люмпенизировались или занялись контрабандой. В Райвола участились случаи беспорядков и хулиганства, часто возникавшие на межнациональной почве.

Положение несколько улучшилось с появлением в Райвола в конце XIX века новой промышленной зоны, основанной русским предпринимателем Ильей Галкиным. Потомок крепостных крестьян, привезенных на Карельский перешеек еще в XVIII веке, уроженец Красного Села Выборгской губернии, он сумел накопить капитал, на который построил электростанцию, лесопилку и мельницу. К мельнице подвели позднее двухкилометровую железнодорожную ветку. В 1898 — 1899 годах поселок Райвола был электрифицирован.

Также в Райвола была основана фабрика по производству футляров и упаковки. Ее управляющим был Филипп Зорин, но впоследствии фабрика перешла в руки купца Виктора Рямэ.

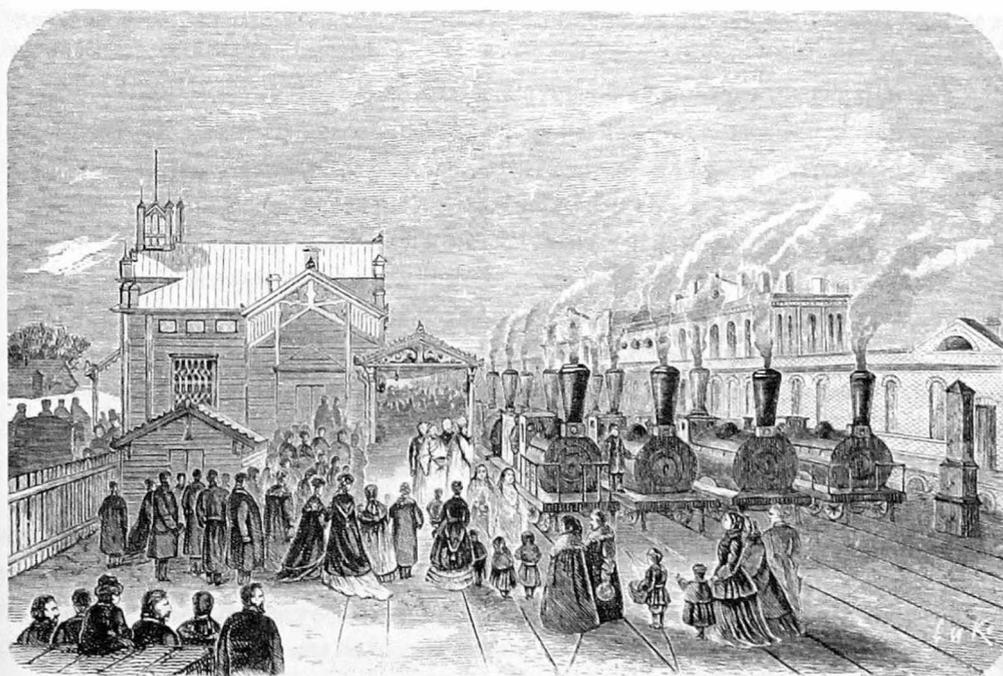
В 1870 году в Райвола была построена железнодорожная станция. Тогда в Рай-

¹ Цит. по Сеселкина Л. М. «Обзор документов по истории Райвола в фондах Российского государственного исторического архива. //Райвола – Рошино. История и люди.// Материалы научной конференции. СПб., 22 сентября 1999 г.

Ст. Райвола, Фин. ж. д. — Видъ на рѣку Райвола

Поселок Райвола. Вид на реку Райволан-йоки. Открытка конца XIX века

Открытие Петербурго-Выборгской железной дороги 1 февраля 1870 г.

вола прибывало два поезда из Выборга и два — из Петербурга, время в пути составляло около двух часов. Около вокзала быстро вырос станционный поселок, который стал третьей частью села. Райвола становится столь же популярным дачным местом, как и Териюки. В 1908 году в поселке насчитывалось уже 574 дачи русских владельцев. Это повлекло за собой образование православного прихода. Первый православный храм погиб во время пожара. На его место привезли церковь из Линтула, которая со временем тоже обветшала. Последнюю деревянную церковь построили в Райвола в 1881 году и освятили в честь Святителя Николая. Церковь и небольшое православное кладбище исчезли после двух последних войн.

Нельзя сказать, что отношения между финским и русским населением были безоблачными. Хотя местное финское население экономически выиграло от такого соседства, поскольку работа в сфере услуг приносила неизмеримо более крупные доходы, чем земледелие или рыболовство, тем не менее, традиционные русские привычки входили в противоречие с образом жизни коренного населения. Прежде всего, наибольшее опасение вызывала торговля алкоголем. В Финляндии действовал «сухой» закон, и склонность к алкоголю не поощрялась. Злоупотребление спиртными напитками нередко приводило к уличным потасовкам, в которые вовлекались и местные жители. На защите правопорядка стояли как финские, так и русские полицейские. Однако в период волнений 1905—1907 годах их сил было явно недостаточно, и тогда повсеместно в Финляндии стали возникать отряды национальной самозащиты, впоследствии получившие название «шюцкор».

По материалам учрежденной в 1911 году «Особой междудементальной комиссии для выработки проекта присоединения трех приходов (Кивеннабского, Ново-Киркского и Териокского) Выборгской губернии в состав Санкт-Петербургской губернии» село Райвола, «дачное место», расположенное по обоим берегам речки Райволки, состояло из двух частей: Русская Райвола и Финская Райвола. Русские жители находились в ведении земского начальника 2-го участка Петербургского уезда и платили налоги: волостные, сельские и земельный. Население на 1902 году составляло около 2000 человек: 169 граждан Финляндии, 800 русских женщин и 900 русских мужчин, из них «работников» - 300 (в возрасте от 18 до 55 лет). Русских домохозяйств — 215. В селе были две православные церкви, одна финская кирха, две русские и одна финская начальные школы (народные училища); электрическая и телефонная станции, заводы: два лесопильных (И. А. Галкина и Р. В. Пеца), торфяной, смолотопенный и колбасный (Круглова); два приюта (Петербургского Литейно-Таврического кружка и Общества Синего креста); «санатория» для «слабогрудых» нижних чинов Гвардейского общества под покровительством великого князя Михаила Александровича.

18 января 1911 году Министерством народного просвещения в рамках статистического обследования начальных училищ Российской империи была проведена одно-

дневная перепись. В фонде «Департамента народных училищ» хранятся анкеты двух Райволовских русских школ. Первая — одноклассная с четырехлетним сроком обучения, совместная (для мальчиков и девочек), была основана в 1880 году. Она размещалась в построенном тогда же доме. В здании были две классные комнаты с раздевалкой и две комнаты с кухней для проживания учителей. При школе был участок земли в четверть десятины, на нем располагались: сарай, баня, место для игр на «вольном воздухе» и сад. В школе обучались 80 детей (43 мальчика и 37 девочек). Обучение было бесплатным для местных жителей, 11 «приезжих» платили по 3 рубля в год.

Вторая школа — двухклассная с шестилетним сроком обучения, совместная, была основана в 1907 году. Она располагалась в специально построенном для училища собственном деревянном с железной крышей здании с четырьмя классными комнатами, двумя рекреационными залами, учительской, раздевалкой, комнатой для прислуги и одной квартирой для учителей. При школе, на принадлежавшем ей участке земли в 1 десятину, размещались баня, погреб, сарай, площадка для игр и огород. В школе бесплатно обучалось 97 детей (55 мальчиков и 42 девочки). За год выбыли 23 ученика по причине «бедности и легкомысленного отношения родителей». Пропуски занятий учащимися были вызваны болезнями, недостатком одежды и обуви и помощью семье. В анкете отмечено два смертных случая за 1909—1910 учебный год: умерла одна девочка из-за «болезни глаз» и учитель по причине «горловой чахотки». В школе кроме обязательных предметов преподавали рукоделие и черчение и на пожертвованные попечителем обеих школ М. И. Хрущевым 1000 рублей готовились открыть ремесленный класс.

Школы находились в ведении Министерства народного просвещения. Российская казна отпускала средства только на оплату учителей; на страховку, ремонт, мебель, освещение и отопление, сторожа, книги и наглядные пособия средства поступали от сельского общества, от попечителей, частных лиц и Гельсингфорского «Совещательного комитета по делам русских учебных заведений в Финляндии».

Дачный период также коснулся Райволы. Созданное Вайнштейном в 1914 году акционерное общество «Райвола» для строительства дач и продажи дачных участков, которые продавались по цене от 40 копеек до 2 рублей за квадратную сажень, просуществовало недолго. Оно было приобретено в 1917 году Московским лесопромышленным обществом.

Кульминацией русской дачной жизни в Финляндии было лето 1914 года. Но в августе этого года началась мировая война, и все дачи на побережье Финского залива вмиг опустели. В 1918 году началась рабочая революция и в Финляндии, только что получившей независимость. Оставшиеся на Карельском перешейке немногочисленные русские вскоре оказались на положении эмигрантов. Их жизнь постепенно превратилась в борьбу за существование, из которой немногие вышли победителями. Некоторые закончили свой жизненный путь в домах престарелых на нищенском содержании.

Иные, быстро сориентировавшись в новой обстановке, стали основывать мелкие предприятия.

Перед советско-финляндской войной в 1939 году в Райвола находилось 365 личных имений (как русских, так и финских) и несколько пустующих русских дач. К началу боевых действий все гражданское население Райвола уже находилось в эвакуации. Из четырех семей, оставшихся в поселке и сдавшихся позднее в плен, после войны в Финляндию вернулся только один человек. Война окончательно отрезала возможности возвращения к родным очагам. Потомки русских, живших на Карельском перешейке, составляют ныне часть русской диаспоры в Финляндии.

Ныне в Рошино частично сохранилась плотина электростанции. Линдуловская роща, превращенная в заповедник, переживает сложное время. Посадки XVIII века находятся на грани вымирания, а более поздних не так уж много. Дачное строительство в конце XIX века открыло новую страницу в истории этих земель.

**ЗАВОДСКАЯ
ПЛОТИНА
И ОЗЕРО
РАЗЛИВ**

Реконструкции заводской плотины в XIX веке

Озеро Сестрорецкий разлив — дошедший до нашего времени памятник технической и инженерной мысли XVIII века, действующее и поныне грандиозное гидротехническое сооружение с плотинами, дамбами, запрудами и каналами. Это еще и одно из старейших искусственных водохранилищ в мире.

В 1803 году, весной, то есть в паводок, озерная вода разрушила угол запруды (сейчас это пересечение улиц Воскова и Мосина, недалеко от клуба завода) и ринулась в пересохшее русло реки Гагарки, устремившись в Финский залив. Завод остановили до поздней осени, пока заделывали прорыв.

Весной 1804 года восстановленную запруду снова размыло. Прорыв заделали, но опять ненадолго. К этому моменту выяснилось, что деревянная заводская плотина пришла в ветхость. Воспользовавшись отсутствием воды в озере, инженер Деволан построил новую плотину, которая прослужила до 1832 года.

В 1832 году воды Разлива вновь прорвали грунтовую засыпку и вновь ушли в Финский залив. В 1833 году все население Сестрорецка было мобилизовано на строительство новой запруды — с использованием деревянных свай, обшитых досками, между которыми засыпали камни, кирпич, песок и грунт. Заодно отремонтировали подгнившую и подмытую плотину Деволана.

К этому моменту стало ясно, что воды в озере скапливаются уже так много, что одна заводская плотина не может больше сдерживать натиск озерных вод. В том же 1833 году инженер Дестрем построил еще одну плотину для спуска излишков воды из озера. От нее прокопали канал длиной почти полкилометра до старого русла реки Гагарки. Плотина Дестрема служила для перелива через ее гребень излишков воды. Улица, проходящая рядом с этим местом, с тех пор называется Перепадской набережной.

Плотина эта простояла недолго и опять была снесена внешними водами. На ее месте соорудили насыпную дамбу.

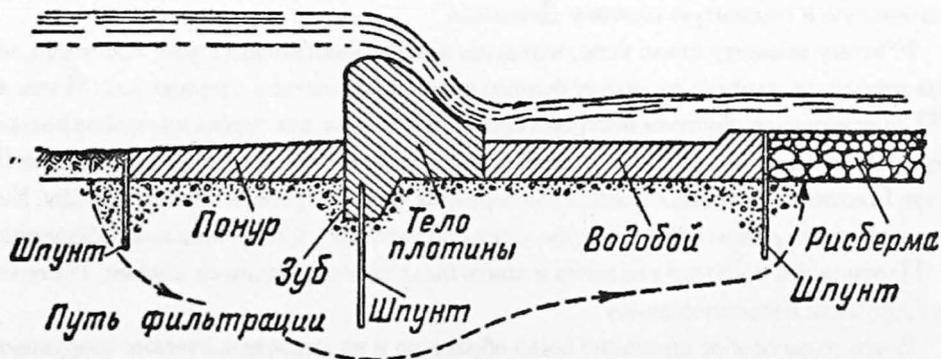
В эти годы особое внимание было обращено и на гидротехнические сооружения завода. Плотина, построенная Деволаном, к 1830 году пришла в негодность. Деревянный флотбет сгнил, а сама плотина из-за серьезных конструктивных недостатков оказалась на грани разрушения, тем более при пропуске весенних вод из озера в море.

Поэтому решили построить специальный водоспуск на реке Сестре до ее впадения в озеро Разлив, то есть вне территории завода.

Тогда стало очевидно, что необходимо другое решение. В 1839 году построили еще две плотины. Одну из них — на специально прорытом отводящем канале от реки Сестры в Финский залив. Этот канал позднее назовут Граничным ручьем, поскольку по нему проходила граница с автономным Великим княжеством Финляндским. Сегодня этот канал называется Ржавой канавой. Вторая плотина была построена на самой реке Сестре, чуть ниже канала. Таким образом, появилась возможность, открывая щиты той или иной плотины, направлять излишки воды в реке Сестре либо в озеро, либо в Финский залив. Но и эта сложная система опять просуществовала недолго. Плотина на реке Сестре была снесена внешними водами. На ее месте соорудили глухую перемычку, и воды реки Сестры напрямиком направились в Финский залив. Озеро же в течение нескольких десятилетий питалось только водами реки Черной.

Однако эти плотины просуществовали очень недолго — в том же году весенний паводок снес обе плотины. Тогда ниже плотины сделали глухую перемычку, в 1841 году временный деревянный водоспуск, через который должна была выпускаться излишняя вода реки Черной. Воды же реки Сестры с этого времени (до постройки в 1862 году ныне существующего весеннего водоспуска) направлялись в море через отводящее русло и не использовались заводом 30 лет. Строительством водоспуска руководил заведующий гидротехническими сооружениями завода инженер К. Гаусман.

Позднее, во второй половине XIX века, эту перемычку разобрали и на ее месте построили мост, через который прошла дорога на Белоостров. Этот мост затем станет пограничным мостом с Финляндией. В 1841 году на том месте, где недавно была плотина Дестрема, построили новый водосброс переливного типа для слива излишков озерной воды.

Флютбет — искусственное подводное основание плотин и других гидротехнических сооружений. В случае водоподъемной плотины на водонепроницаемом основании флютбет состоит из трех частей, составляющих вместе одно целое: понура, водобоя и рисбермы

В 1863 году на месте этого деревянного водосброса инженер Р. Гаусман построил новую плотину с девятью подъемно-опускными щитами, которая существует до сих пор.

Во второй половине XIX века надобность в плотине Беера отпала: технический прогресс потребовал заменить переливные колеса водяными турбинами, более мощными преобразователями водной энергии. Канал, на котором была плотина Беера, засыпали. Сейчас на этом месте стоит памятник, изображающий стилизованный форт с пушками.

Новый канал для питания турбин прорыли чуть восточнее. Со стороны озера его перегородила двухщитовая плотина — Заводская. Новый водоток был выложен булыжником, его ширина составила 5 метров. Несколько позднее водяные турбины были заменены электрическими.

От заводской плотины до места, где была плотина Беера, насыпали дамбу, затем укрепили запруду на реке Гагарке. По гребням дамбы, запруды и плотины проложили дорогу. Сейчас это улица Воскова (бывшее Дубковское шоссе) и улица Мосина (бывшая Крестовская улица).

Весной 1999 года произошла авария — прорвало трубу водопровода, которая была проложена как раз в основании запруды, перегородившей река Гагарку. Прибыла ремонтная бригада, трубу раскопали и начали откачивать воду из образовавшейся ямы. Однако откачка воды затянулась, вода не уходила. Дело в том, что труба была проложена в низине, отгороженной запрудой, перекрывшей реку. По другую сторону от запруды расположено озеро, воды которого оказывают сильное гидравлическое давление на запруду. Когда воду из ямы, наконец, откачали с помощью двух больших насосов, на склоне ямы, со стороны запруды, обнаружили сильные фильтрационные потоки воды. Итак, запруда одряхла, и просачивающаяся из озера вода может создать опасность для находящихся рядом жилых многоэтажных домов. Поэтому было принято решение спустить воду из озера примерно на метр.

Обнажилось основание дамбы, проложенной во времена Гаусмана, от заводской плотины до того места, где ранее была плотина Беера. Обнажились остатки сгнивших деревянных свай, которыми была обрамлена набережная, оборудованная вдоль дамбы и рядом с Заводской плотинной. По горизонтали вода отступила на 10—15 метров. До какого уровня спускать воду? Срочные топографические работы показали, что абсолютная высота водного зеркала составила 7,8 метров. До начала выпуска воды она составляла 8,6 метров. По достижении уровня 7,8 метров выпуск воды из озера прекратили. Оказалось, что в течение нескольких десятилетий нормальный подпорный уровень озера Сестрорецкий Разлив (то есть тот уровень, при котором обеспечивается безаварийная работа гидротехнических сооружений) был искусственно завышен почти на метр. Отсюда и аварийное состояние Заводской плотины, и просачивание озерной воды через тело запруды, и обрушение берегов по всему периметру озера.

Согласно данным геологических исследований, средняя скорость накопления донных отложений в озере Разлив с момента создания плотины, то есть за 270 лет, составляет 1,6 см в год. Средняя величина подъема уровня озерной воды составляет примерно 1,2 см в год. Путем несложного подсчета можно определить, что абсолютный уровень озера к 1803 году поднялся на 90 см и составил 6,1 метра. Потому запруды и прорвало, что рассчитанный уровень заполнения озера был превышен почти на метр.

Вот уровни озера Разлив, зафиксированные в XIX веке и показывающие динамику его подъема.

- 1832 год — новый прорыв запруды. Уровень — 6,45 метра;
- 1863 год — строительство плотины Гаусмана. Уровень 6,83 метра;
- 1873 год — установка турбин на заводе. Уровень — 6,95 метра;
- 1900 год — Уровень — 7,28 метра.

Весьма обстоятельно работы на плотинах Сестрорецка описаны в статье Гаусмана «Исторический очерк гидротехнических сооружений Сестрорецкого Оружейного завода. (1721 — 1840)», опубликованной в «Инженерном журнале» в 1861(№ 2). Ниже мы публикуем эту статью с некоторыми сокращениями.

«Машины Сестрорецкого Оружейного завода (бывшие Сестрорецкие заводы, устроенные ещё при Петре Великом) приводятся в движение водою, посредством наливных вододействующих колёс. Вода притекает к колёсам по особо устроенным деревянным водопроводным руслам из заводского водохранилища, называемого местными обывателями, по обширности его разливом. Водоохранилище это первоначально образовалось от запруды реки Сестры, в которую на 2,5 версты выше впадала р. Чёрная. Остановленная в течении своёю вода от двух рек, Сестры и Чёрной, по мере накопления выступала из берегов, разлилась и затопила прилегающую низменную местность (до 12-ти квадратных верст), окаймлённую песчаными возвышенностями и горами, которыми она с западной стороны отделяется в виде узкого перешейка (до 2-х верст) от Финского залива. По образованию такого искусственного разлива покрылось водою самое устье реки Чёрной. Поэтому на последующих планах местности уже не обозначается соединение двух рек, но р. Сестра впадает в северную часть, а р. Чёрная — в восточную часть водохранилища, и вода, следуя натуральному склону местности, разлилась к югу на 4 версты от прежнего места соединения рек, так что разлив принял вид продолговатый от севера к югу, где наибольшее протяжение составляет 7 вёрст, а от востока к западу около 3,5 вёрст.

Скопленная вода пускалась, по мере надобности, через особо устроенное в берегах разлива отверстие (рис. 1, поз. 2), приспособленное к закрыванию и открыванию его, по так называемым водопроводным верхним руслам (по ларям, скрыням) к вододействующим колёсам, которые она приводит в движение, а летом, выливаясь из колёс, она по подземному каналу, так называемому нижнему руслу, впадала в прежнее натуральное, ниже запруды, русло р. Сестры и продолжала течение своё в Финский

залив. Избыток вод заводского разлива, обыкновенно весьма значительный после дождей и от весеннего вскрытия рек Сестры и Чёрной, выпускался из разлива помимо колёс по прежнему руслу р. Сестры через нарочно устроенный в самой запруде заводской водоспуск (бейшлот). Посредством петровской запруды, вследствие значительного возвышения местности над Финским заливом, горизонт воды в образовавшемся водохранилище поднят был около 28 фут. выше обыкновенного уровня Финского залива.

(...)

Нет сомнения, что к этому периоду времени должно отнести и устройство каменной заводской плотины с флютбетом, из-за которой выпускали весеннюю воду из разлива в 1807 году. Всеподданнейшее донесение командира Сестрорецкого Оружейного завода генерал-майора Дибича в мае 1807 года свидетельствует о случившемся прорыве берега водохранилища.

«Всемиловейший Государь! Вашему Императорскому Величеству должен я донести, что, к сожалению, нынешняя столь чрезвычайно много вреда причинившая великая вода таким и в моё начальство вверенной Сестрорецкой Оружейный завод совершенным истреблением угрожала, но я был столь счастлив стремлению сего страшного неприятеля, остановить который истреблением разных выше завода находившихся плотин ежечасно новые силы получал, и опасности паче в двух местах увеличивал, когда упорства мои в тех местах противоборствовать уже ослабевали я только через одну счастливую операцию на левом крыле и в тыле его, мог туда обратить, где он опустошительное своё действие без причинения ощутительного вреда произвести мог и тем завод совершенно спас. Простите, Ваше Величество, что я сие донесение писал в военных выражениях, часто потому, что я к оному же более 50 лет привычен, честь же Вашему Императорскому Величеству доказать, что я столько же восхищён, могли сие угрожающее несчастье отворотить, сколько бы я был опечален ежели б впоследствии. Когда я уже все средства к защищению тщетно старался употребить, оставался только единой способ к спасению, я велел берег разлива к дубкам прорыть, и доставить чрез то сильному стремлению воды сток в море; я старался дать ей течение по пустым местам, 2 дни осталась она в назначенном ей течении, а на третий, как будто бы для мщения мне взяла она своё течение к моему саду, промыло оный с домиком в нём находившемся. Сие есть единое, что действительным ущербом почесть можно, для меня же оно весьма мало поелику время не позволяло мне пользоваться оным. Напротив того, все машины и строения суть совершенно спасены, хотя я 10 до 14 дней, в рассуждение совершенного спуска воды машинами действовать не могло, однако оне суть все в целости, и я занимаюсь уже сей новый сток, — в способнейшем месте паки запрудить, дабы в течение двух недель завод и с машинами привести в полное действие, потом же принять также меры, чтобы впредь последовать не могла революция сего рода, каковая уже много крат случалась, и ещё в 1758 году весь завод снесло и более трёх лет

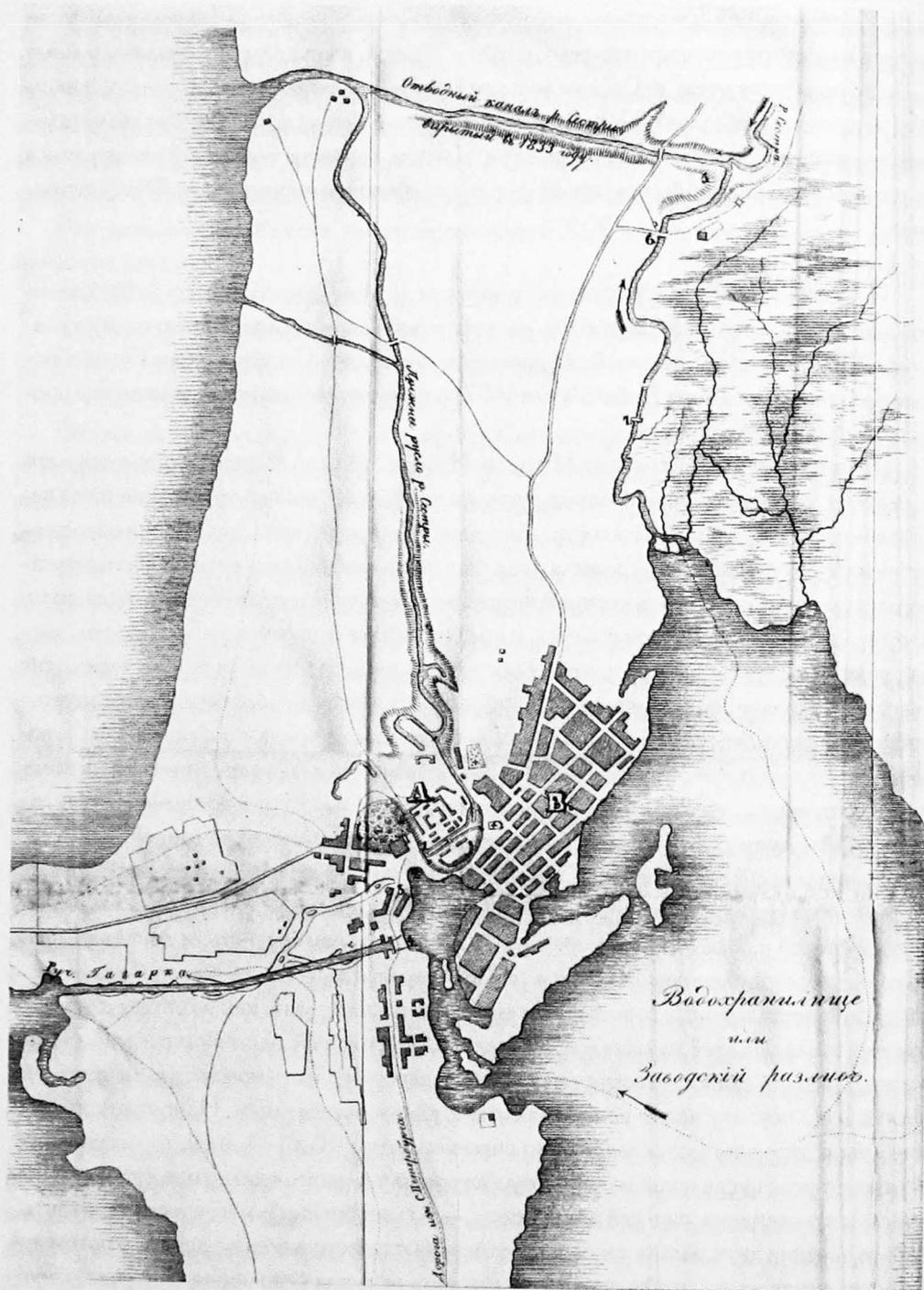

Рис. 1. План местности Сестрорецкого Оружейного завода. 1861 г.

Объяснение:

1. Глиняная заводская с фельдшанской плотина.
2. По замыслу плотины устроенная набережная.
3. Место прорыва 1807 года, идя киль балки в том же году устроенная.
4. Место осеннего водоо перепада и устроенной в 1833 году балкой, позади которой устроится новая каменная слесарская плотина с водоотводным каналом.
5. Начало водоотводного канала р. Сестры и прорыв балки в 1839 году водоотпуска.
6. Временной деревянный водоотпуск, устроенный в 1841 году.
1. Место железной перемычки для удержания воды р. Черной в 1859 году.

А. Завод.

В. Заводское селение.

Объяснения к плану на рис. 1

Вашего Императорского Величества рекомендовать, так как оную заслуживать и достойным делаться есть и пребудет ревностное старание.

Вашего Императорского Величества Всеподданнейшего
Подписал: генерал-майор фон Дибич

Донесение это во многих отношениях весьма любопытно и поучительно. Из него видно:

1) что и до 1807 года случилась, как выражается автор, «революция сего рода» в 1758 году;

2) что при сестрорецкой песчаной местности нельзя дать исток воде по неукрепленному искусственным образом прорезу;

3) что вследствие песчаного же свойства грунта нельзя предоставить воде проложить себе самой путь к морю, ибо уже на 3-й день струя приняла совершенно другое направление, изрыла всю местность¹, и, наконец, обойдя командирский сад и сам завод, соединилась опять со старым руслом р. Сестры.

Независимо от этого донесения, из собранных на месте сведений относительно упомянутого прорыва, известно, что выпуском весенней воды в 1807 году запоздали. Генерал Дибич имел в виду задержать по возможности большую массу воды для безостановочного действия завода в летние месяцы, а постольку открыл щиты каменной

¹ Образовавшиеся тогда рытвины видны ещё до сих пор.

действовать не мог.

Что сие без издержек учинить невозможно благоволите, Ваше Императорское Величество, сами усмотреть, но я ручаюсь, ежели сие поправление под моим начальством и по моему показанию учинено будет, то оно двух процентов составлять не будет с того, во чтоб истреблением завода и плотины бы встала, не считая кроме издержек и урона несколько лет, кои б для выстройки и поправления нужны бы были, меня одно помышление ныне восхищает, напрягав все мои силы к выполнению моей должности, но я тако ж обязан ревностное споможение многих офицеров и деятельность мастеровых не умолчать, кои таком к сему поспешествовали, и хотя мы вообще наградою себе поставляем, выполнив наш долг сию пользу произвели. Но с моей стороны остаётся особенная обязанность их к милост-

заводской плотины с флютбетом только тогда, когда горизонт разлива поднят был приблизительно до 60 дюймов или 29 фут².

Вода изрыла всю местность и направилась к ручью Гагарке, причём унесла в море целые песчаные горы. Подмывая в особенности правый берег, она на 3-й день прорвалась через песчаную возвышенность в ложбину, окружающую командирский сад, которая вероятно была прежним, давнишним руслом р. Сестры, и, проложив себе дорогу к настоящему руслу ея, соединилась вновь со струёю, выходящую из спусковой плотины, т.е. обратилась в противоположную сторону от начала прорыва.

Нет сомнения, что прорыв плотины произошёл случайно, неумышленно; но что причиною тому было незнание ни местности, ни свойств воды — это ясно. Подтверждением тому служит опыт последующих лет, который доказал, что существовавшая в то время заводская плотина, т.е. водоспуск, имел ширину отверстия достаточную для ежегодного пропуска весенних вод при более благоразумном управлении водою. Во что обошёлся казне этот неожиданный прорыв, из дел завода не видно, но из слов очевидцев известно, что генерал Дибич более 2-х лет устраивал запруды и, наконец, на 3-й год она устроена была с участием генерала Деволана, которым выстроена была каменная заводская плотина с флютбетом. Запруда эта примечательна в том отношении, что она возведена из мелкого местного песка без употребления шпунтовых свай, т.е. тело её составляет одна только песчаная насыпь. Длина её 80 саженей, ширина по верху 15 саженей и высота 2,5 саженей; откосы передний и задний имеют в основании 1,5 высоты. Фильтрация здесь постоянно существует, но она не представляет ни малейшей опасности. Изредка обнаруживаются на поверхности насыпи небольшие ямы от осадки, которые по временам, т.е. при общем ремонте, вновь заполняются тем же местным песком, так что в течение последних 20-ти лет на ремонт этой дамбы положительно никаких расходов не требовалось.

После окончательного устройства упомянутой запруды Сестрорецкий завод до 1833 года не подвергался никаким случайностям со стороны водохранилища, и водою его управляли исключительно посредством заводской плотины с флютбетом. Размеры ея были следующие: стояние воды над порогом 7 до 8 фут.; полная ширина отверстия 30,6 фут. Она разделена была средним быком на два пролёта, а каждый пролёт двумя щитовыми стойками на 3 щитовых отверстия. Щиты по высоте состояли из двух отдельных частей, из коих вышина нижних щитов равнялась 5 фут.

Разница между горизонтами воды перед плотиною и за флютбетом простиралась

²Шестидесятидюймовый горизонт водохранилища соответствует почти 29 футам возвышения уровня водохранилища над Финским заливом. С давнего времени на Сестрорецком Оружейном заводе принято считать стояние воды относительно порога русла или дна при начале его. Мера весьма основательная: этим всегда верно и точно определяется именно тот слой воды, который может быть употреблён в работу или для действия колёс; вся же вода ниже этого порога в работу употреблена быть не может.

Но как в то время уже нельзя было управиться с водою, которая при этом горизонте начала переливаться через естественные берега водохранилища, то, по личному приказанию командира завода, прорыт был небольшой ровик шириною в 1 сажень (рис. 1, поз. 3). Спустя два часа после окончания рва ударили в набат, и люди, только что ушедшие с работы, к крайнему своему удивлению, увидели на месте ими же прокопанной канавки — реку шириною в 40 саженей.

до 15—20 фут.; так что вода через спусковую плотину низвергалась свободно с увеличивающейся скоростью, слоем в толщину 7 фут. при конце флютбета. От порога спусковой плотины до конца флютбета было 79 саженой расстояния; вертикальное же падение (считая от порога) в 4-х уступах — 6,75 фут. и в покатости полов 6,25 фут. всего высота падения 13 фут.

По сторонам водоспуска приходили деревянные водопроводные русла, по которым вода течёт к вододействующим колёсам, а потому кроме двух выпускных пролётов были ещё два отверстия, которые отделялись от самого водоспуска двумя каменными устоями. Затем для соединения сооружения с берегами выведены были два береговые устои. Все устои сделаны были из хорошего обожжённого кирпича, исключительно железняка, а облицовка в углах и выступах — частью из цокольной плиты и правильно тёсаных гранитных камней. Средний бык сложен был исключительно из больших гранитных правильно тёсаных камней. Толщина устоев была 14 фут., длина их 70 фут., высота 15 фут., а средний бык имел толщину 4 фут. Для большей устойчивости сливного пола и воспрепятствованию его понятию, флютбет по длине продолжен был до второго уступа (по старым чертежам до конца флютбета). Береговая отделка флютбета, начиная от устоев, до конца его (в 1840 году) была деревянная.

Полы: понурый (впереди порога) и сливной или флютбет (позади порога) настланы по деревянному ростверку на круглых сваях в два ряда досок с плотною прифужковкою и конопаткою их. При уступах на флютбете употреблены были гранитные правильно тёсанные камни, связанные между собою особенными железными связями. Пустоты под ростверком и поля его заполнены были правильно кирпичною бутовой кладкой на весьма хорошей гидравлической извести. Перед понурным полом и под порогом, который был деревянный, — могу сказать положительно, — проведены были правильная шпунтовая линия свай. Надобно полагать, что такие же линии проведены при концах устоев и под первым уступом, а может быть и при остальных трёх малых уступах.

Этот каменный водоспуск с флютбетом до 1833 года обеспечил действие завода. Ежегодная весенняя и после дождей излишняя вода выпускалась через заводскую плотину безостановочно, не причиняя ни сооружению, ни местности особого вреда. После 20-летнего существования водоспуска деревянные полы флютбета и другие его части начали повреждаться; к тому же начали усиливаться отдельные на флютбетах ключи, и по вскрытии части пола для исправления, фильтрация снизу до того усилилась, что совершенно препятствовала производству работ. Чтобы удержать на месте кирпичную бутовую кладку под полом, тотчас должны были закрыть снятую половую настилку и прижать его приподнявшиеся кирпичи так, что с некоторою боязнью начали смотреть на старое сооружение, тем более что в случае прорыва в этом месте предвиделось совершенное разрушение заводских строений. К такому неблагоприятному состоянию водоспуска присоединилось ещё то важное неудобство, весьма часто встре-

чаемое и на других заводах, что при усиленных весенних выпусках вод, даже и после большого дождя, выпущенная через щиты плотины вода не успевала уходить по старому руслу р. Сестры. Она застаивалась и накапливалась при конце флютбета; а как к тому же месту, по расположению заводских строений, притекала вода из колёс, то последняя задерживалась и в свою очередь подпирала их, и выступала даже к самым заводским строениям. Наконец предстояла неизбежная общая переделка, представлявшая немаловажные опасения.

Всё это, кажется, было главными причинами, вследствие которых предложено и исполнено было устройство, в стороне от заводских строений, каменного перепада с водосливом (рис. 1, поз. 4), который окончен был к весне 1833 года, и в ту же весну подмыто и окончательно разрушено было вновь выведенное сооружение. Вода, открыв себе выход из водохранилища, хлынула к этому прорыву, образовала промоину, шириною до 100 саженей, подмыла и унесла несколько близ стоявших строений, затопила и изрыла всю низменную местность ниже перепада и ушла в Финский залив, причём увлекла быстротою струи деревянный мост, соединявший берега разлива. Не имея в руках и не выдав проекта разрушенного в 1833 году сооружения, не могу передать его размеры, но из рассказов очевидцев можно вывести заключение, что водослив имел размеры не соответственные для пропуска массы весенней воды, и не обращено было должного внимания на соединение самого сооружения с песчаными берегами. К этим недостаткам проекта, как я имел случай убедиться ныне при устройстве нового водоспуска на том же месте, должно присоединить и то важное обстоятельство, что, судя по некоторым отрытым шпунтовым и круглым сваям, длиною около 2-х аршин, самое выполнение проекта, как кажется, было не вполне правильно, т.к. углубились сваями до твёрдого песчано-иловатого пласта земли, лежащего на 5-футовой глубине от поверхности.

(...)

Не имея возможности входить в дальнейший разбор причин происшедшего прорыва, скажем только, что завод после этого остался без воды, и действие его прекратилось до окончательного выведения в том же 1833 году и на том же месте глухой запруды или земляной дамбы.

Дамба эта ограждена двумя параллельными дощатыми шпунтовыми линиями, правильно вбитыми между рамами; ... Длина каждой линии 100 саженей; расстояние между ними 2 сажени. Дощатые сваи..... нижними концами доходили до твёрдого песчано-иловатого пласта, лежащего на глубине до 24 фут. от 48-дюймового горизонта водохранилища, или на глубине от 5—8 фут. от поверхности оврага. Ящик между шпунтовыми линиями наполнен местным, сыпучим песком. Откосы вначале имели в основании 1,5 высоты и укреплены дёрном, но последний выгорел, а как передний откос от волн постоянно обмывался, то впоследствии основание его было увеличено от 5 до 7 высот, и тогда только волнение перестало размывать откос. Задний откос более

15 лет оставался без укрепления, но впоследствии выслан был булыжным камнем.... Так как был снесён мост, поверхность дамбы приспособили к проезду.... В этом виде постройка существовала до настоящего времени, а теперь она, кроме того, заменяет перемычку, при возводимой вновь под защитою её каменной спусковой плотины. Фильтрация, в виде тончайших струй в песке постоянно здесь существует, в особенности же в левом берегу; но никогда она не может сделаться опасною, тем более, что по возведении каменной спусковой плотины средняя часть дамбы прорежется, а береговые части соединятся с новой насыпью, так что с 1862 года эта местность изменит свой вид и характер.

(...)

При таких крайних обстоятельствах по необходимости исполнили некоторые мелочные исправления и починки в заводской плотине с флютбетом, но на капитальное исправление этого сооружения не решились; да и действительно опасно было приступать к этому.

Несмотря на ветхое состояние этого водоспуска, выпуск весенних и обыкновенных после дождей вод до 1839 года производился успешно. К весне же 1839 года окончена была новая каменная спусковая плотина в нарочно вырытом отводном канале р. Сестры (рис. 1, поз. 5).

(...)

Действительно, при первом весеннем выпуске воды в 1839 году, оба водоспуска были окончательно разрушены и опрокинуты, а вследствие этой новой неудачи завод вторично подвергся бы остаться без воды, если бы энергическими мерами инженера Штральмана, прибывшего в Санкт-Петербург с Шостенского порохового завода, не возведена была временная перемычка (рис. 1, поз. 7) в нижней части р. Сестры. Эту перемычкою задержана была в водохранилище вода реки Черной, и действие завода даже не прекратилось.

Вникая же более подробно в сущность дела, убеждаемся, что не вода была причиною неуспеха гидротехнических построек, а составители проектов, не изучавшие местность. К крайнему сожалению, подобные ошибки встречаем часто, поэтому у нас нет доверия к воде и к гидротехническим постройкам. Обыкновенно только со страхом и без всяких положительных данных, ручающихся за успех, решаются применять воду как двигатель машин, в особенности, когда применяют поток (ручьи, реки), на котором ещё не существует плотин,... принимаются за дело почти наугад, соображаясь только со способом и системою устройства существующих и ими же удачно исполненных построек, иногда выведенных при совершенно других местных условиях и других свойствах реки.

Предварительное исследование местности, определение количества воды и определение главных размеров плотины, и вообще неперемнное изменение свойств вновь запруживаемой речки — редко и даже почти никогда не принимаются в соображение.

Неизбежное следствие такого опущения — частые неудачи, прорывы, недостаток в виде при многих мельницах и фабриках. Если бы обращено было необходимое внимание на эти предметы при устройстве запруд вообще, то можно было бы сказать утвердительно, что многие заводы и фабрики, а в том числе и казённые, воспользовались бы водою местных речек, не прибегая к парам или живым двигателям, приобретение и содержание которых обыкновенно обходится дорого.

Считаем не излишним прибавить, что при неблагоприятных местных обстоятельствах первоначальные издержки, потребные для применения воды как двигателя, иногда могут быть больше издержек потребных на применение силы пара или силы живого двигателя. Но с другой стороны, приняв в соображение, что для добывания пара, для содержания живого двигателя неизбежен больший или меньший ежедневный расход, между тем, как при правильно устроенном водяном действии в этом нет надобности и годовой ремонт ограничен — становится ясным, что преимущество надо отдать воде, а потому пользоваться ею везде, где есть возможность.

Второй причиной неуспеха исполненных в 30-х гг. гидротехнических построек на Сестрорецком Оружейном заводе, как мы сказали, был слабый надзор при исполнении проектов. По весьма не долговому существованию этих построек, нам не случилось их видеть ни в означенном виде, ни во время самого производства работ, а потому выраженное нами мнение мы могли составить себе только по открытым, в весьма небольшом числе, крупным и шпунтовым сваям при ныне производящихся работах на месте прорыва перепада.

Кроме того, в 1842 году нам случилось видеть часть старых материалов от разрушенных в 1839 году смежных плотин. Оставшиеся сваи как от перепада, так и от водоспусков, были малой длины, — длиннее 1,5 саж. нам не случилось их видеть. В насадках, снятых со шпунтовых линий, не видны были вынутые четверти для прибавки к ним половых досок. Все гнёзда в насадках и шины на круглых сваях были прямые, как при обыкновенных ростверках негидротехнических построек. В некоторых половых досках оказались вынутыми четверти. Хотя при этих огрехах сооружение могло существовать, но это свидетельствует, что работы велись без строгого надзора опытного гидротехника из-за отдалённости места строительства от заводского селения и трудности сообщения.

Наконец последнюю причину неуспеха работ мы назвали дурное управление водой, т.е. недостаточный надзор за оконченными сооружениями и за поднятием и понижением горизонта запруженной воды, с помощью открывания и закрывания щитов в водоспусках.

До 1838 года на заводах и вообще на вододействующих технических заведениях военного ведомства открыванием щитов распорядились местные начальники, которые, при всей опытности, смотрели на этот предмет не их специальности, как на занятие второстепенное, нередко с тем убеждением, что не в их руках предупредить излишнюю при-

быль или недостаток воды для фабрик, что, по их мнению, исключительно обуславливается дождями и засухой. В некоторых случаях недостаток в воде, происшедший единственно от несвоевременного излишнего её выпуска через плотину, служил им оправданием перед высшим начальством при невыполнении годового наряда изделий. Немаловажные и, по их мнению, незначительные повреждения в берегах и сооружениях не обращали на себя внимание. Подобного рода починки откладывались нередко до более удобного времени, а между тем разрушительным действием воды ежедневно распространялось повреждение или подмой сооружения и кончалось его разрушением.

Одна из важнейших обязанностей гидротехника — своевременными мерами предупреждать повреждения вверенных ему сооружений — не существовала при управлении водою местным начальством, а мы того мнения, что лучшие и во всех частях правильно возведённые гидротехнические постройки, в особенности плотины и водоспуски, могут быть повреждены, подмыты и прорваны при неумении обращаться с ними и пользоваться ими вовремя.

Ко всем этим недостаткам окончательно присоединим, что сооружения эти преимущественно возводились временно командированными от ведомства Путей сообщения офицерами, которые по прибытии на место, не будучи знакомы ни с обстоятельствами дела, ни с местными условиями, получали в руководство не специалистом составленный, но утверждённый проект, смету и контракт, а нередко даже и заготовленные материалы. Не успев осмотреться, они должны были приступать к работам, чтобы к предстоящим осенним и весенним водам обеспечить заведение водою, или предохранить его от дальнейших повреждений. Исполнив поручение, такой офицер возвращался к месту служения, а оконченная постройка поступала в распоряжение местного начальства, которое, в свою очередь, на случай повреждения могло отозваться, что постройка возведена была техником, и таким образом отклоняло от себя ответственность.

Что при таких во всех отношениях неблагоприятных условиях для гидротехнических сооружений, последние не могли улучшаться, но более и более приходили в упадок — не подлежит сомнению.

Это обстоятельство, как должно полагать, было главною причиною, что в 1838 году Высочайше повелено было: все состоящие в военном ведомстве гидротехнические работы передать в распоряжение бывшего Департамента Военных Поселений, которым в то же время было сделано назначение инженерных офицеров к гидротехническим работам. Хотя в полном собрании законов ясно определено назначение инженерных офицеров к разным существующим заведениям военного ведомства как для временно-го производства, так и для постоянного наблюдения за гидротехническими сооружениями, но подробной инструкции и определения обязанностей заведующего такими сооружениями не было составлено, да и по настоящее время такой инструкции ещё не имеется. Вследствие этого не тотчас, собственно говоря, управление водою предоставлено было в распоряжение состоящих при тех вооружениях офицеров, и до настоящего

времени вопрос этот ещё не окончательно решён. Сколько нам известно, на каждом заводе Артиллерийского ведомства имеются свои собственные правила и порядки, которые с течением времени укоренились, и ими-то офицер, заведующий гидротехническими сооружениями, безотчётно руководствуется, чрез что нередко возникают недомыслия, и сооружения приходят в упадок.

Что же касается до Сестрорецкого Оружейного завода, то в промежуток времени с 1840 по 1843 г. полное управление, как водою так и сооружениями, не без противодействий местного начальства, поступило в ведение прибывшего на этот завод инженера полковника Штральмана. С того времени по настоящий 1861 год завод постоянно был обеспечен как от прорывов, так и в отношении самого управления двигателем всего завода, и в течение последних 20 лет не возникало ни жалоб, ни претензий на неправильное управление водою.»

Здесь мы закончим цитирование первой части очерков К. Гаусмана.

Летом 1859 года под защитой дамбы М. Дестрема он начал сооружение «удостоенного Высочайшего утверждения» водоспуска, а 4 июля 1862 года прорезал ее, когда «в первый раз был произведен выпуск воды...».

Черода событий завершилась летом 1863 года — была сомкнута перемычка запруды в Отводном канале, и воды реки Сестры, после перерыва почти в четверть века, вновь устремились в Сестрорецкий Резервуар. Гаусман отмечал, что выпуски воды через нее осенью 1862 года и весной 1863-го «были вполне успешны». Плотина К. Гаусмана работала без ремонта до 1980-х годов.

Послесловие редколлегии

Во время работы над вторым томом «Истории Сестрорецка и его окрестностей» авторы обнаружили большое количество документов связанных с именами Ф. Деволана, М. Дестрема, Штральмана, К. Гаусмана и посвященных гидротехническим сооружениям завода. Часть документов содержит факты, которые противоречат друг другу и требуют внимательного анализа. Поэтому тема сестрорецких гидротехнических сооружений будет закончена в третьем томе.

**ЖИЗНЬ
СЕСТРОРЕЦКА
В XIX ВЕКЕ**

Сестрорецк во время Крымской войны

Как известно Крымская война 1853–1856 годов проходила не только в Крыму. В западной историографии эта война называется Восточной. Боевые действия велись на Кавказе, на Дальнем Востоке и на Балтике.

14 июня 1854 года соединенный англо-французский флот под командованием адмирала Чарльза Немира появился в виду Кронштадта. Многие в Петербурге и Кронштадте ожидали, что неприятель непременно будет атаковать русские укрепления. Крепость Кронштадт перевели на осадное положение. Северный фарватер между Кронштадтом и Сестрорецком решили заградить боном — бревенчатым плотом с камнями, опущенным на дно¹. Однако были и такие, кто относился к неприятельскому флоту как к интересному зрелищу. Неприятельская эскадра к этому времени уже совершила нападения на Экенес и Гангэ, захватила крепость Бомарзунд. Но грозный вид кронштадтских фортов заставил Ч. Немира отказаться от нападения.

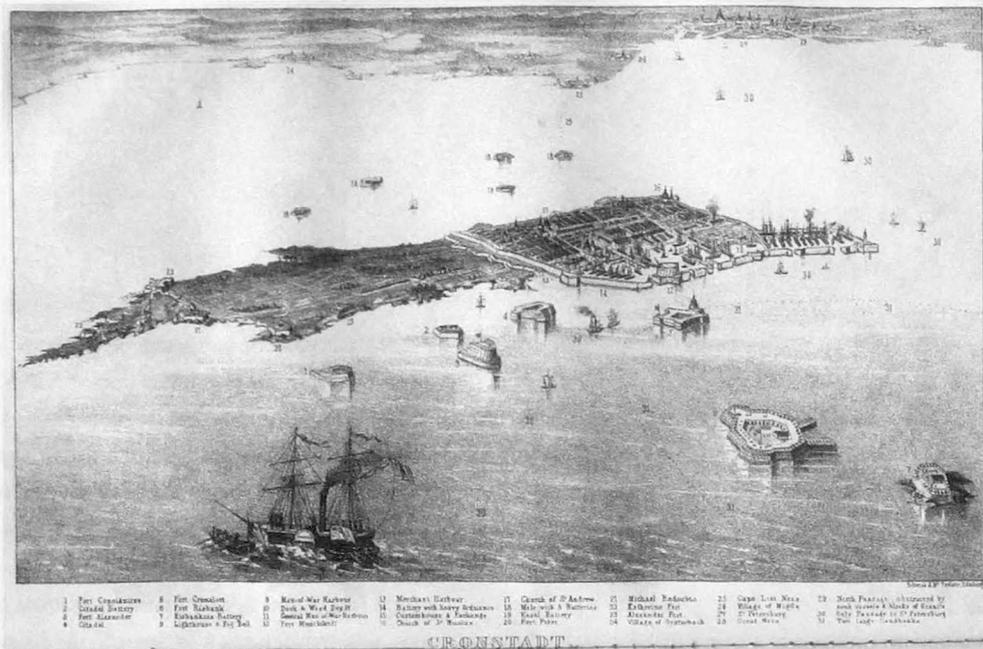
Союзный флот вскоре покинул воды Финского залива, но весной следующего года Англия вновь отправила в Балтийское море эскадру. На этот раз под командованием контр-адмирала Ричарда Дундаса. К ней присоединился французский флот адмирала Пенно. В конце мая соединенная эскадра вновь расположилась на Красногорском рейде.

При первых известиях о появлении англо-французского флота в Финском заливе к Сестрорецку стали стягиваться войска для препятствования возможной высадке десанта. 7 апреля прибыл сводный резервный полк под командованием полковника Черепова, 8 апреля — 1-й уланский и 3-й гусарский резервные эскадроны, 1 июня — одна дружина Петербургского ополчения.

В конце мая 1855 года командир завода генерал-майор А. Г. Игнатьев доложил инспектору оружейных заводов генерал-лейтенанту князю С. С. Голицыну о достаточном количестве войск для обороны завода и защиты населения.

Кроме того, по инициативе командира завода в начале июня был сформирован и вооружен отряд из оружейников, полковых учеников и отдельных чинов инвалидной №8 роты в количестве 300 человек, который помимо успешной работы по изготовлению и ремонту стрелкового оружия, усердно практиковался в стрельбе.

¹ М. Бородин. Война на Финском побережье. 1854–1855 гг. СПб. 1904. С. 44.

Кронштадт с высоты птичьего полета. 1855 г.

Учитывая реальную опасность высадки неприятельского десанта на сестрорецком берегу, начальник завода издал приказ, согласно которому «оружейники завода, а равно все служащие (в том числе и механик) были обязаны при каждой тревоге быть в готовности к отражению неприятеля и вооружаться всем налично состоящим оружием»². В сущности, все рабочие завода составляли вместе с войсками один боевой гарнизон, который подчинялся начальнику завода. Кроме того, часть мастеровых, в том числе и Райволовского завода, была выделена для охраны казенных лесов.

За военным флотом противника постоянно велись наблюдения. Из докладов наблюдателей было известно, что неприятельские корабли ежедневно проводят учебные занятия по стрельбе в цель.

Для возведения укреплений общего ретраншемента, необходимых для расположения небольших батарей полевой артиллерии, в Сестрорецк 3 июня прибыла одна рота лейб-гвардии резервного сапёрного полубатальона. Но установить орудия к 14 июня не удалось. А именно в этот день, не решаясь атаковать Кронштадт, неприятель обстрелял Сестрорецк, не встретив этому никакого противодействия.

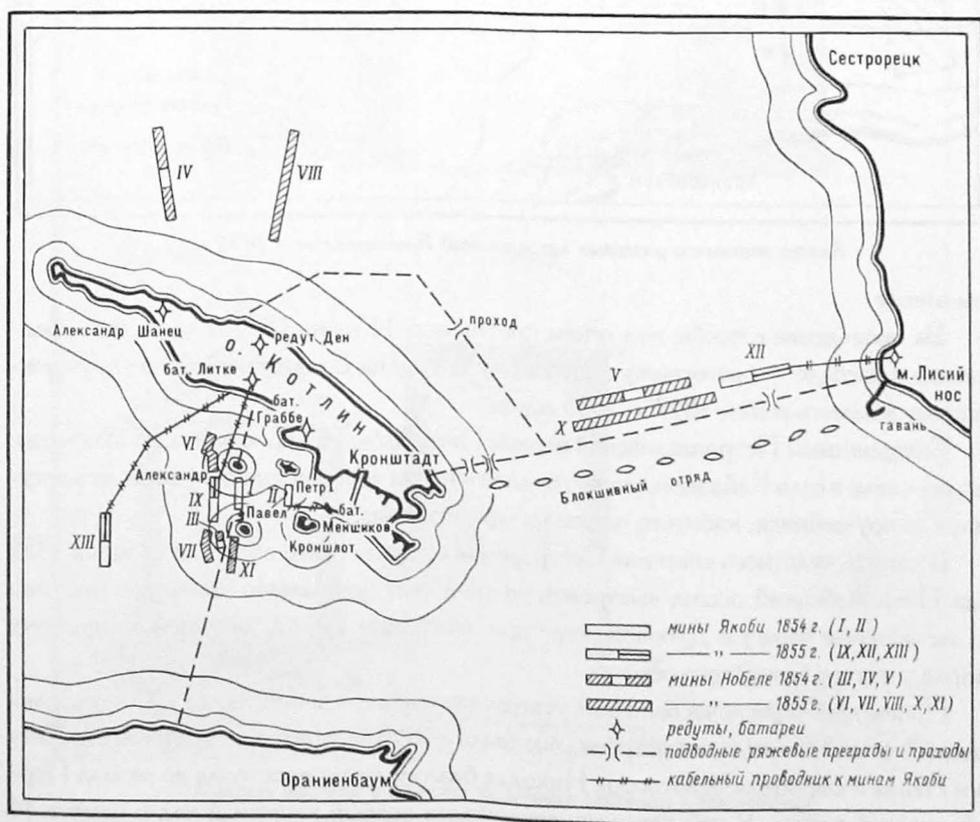
Как докладывал командир Сестрорецкого завода инспектору оружейных заводов, 14 июня около 3 часов пополудни один пароходно-фрегат и две канонерские лодки, отделившись от соединенной эскадры, подошли к берегу на расстояние пушечного выстрела.

² Архив ВИМАИВ и ВС Фонд 3, Опись 56, Дело 969, Л.141об.

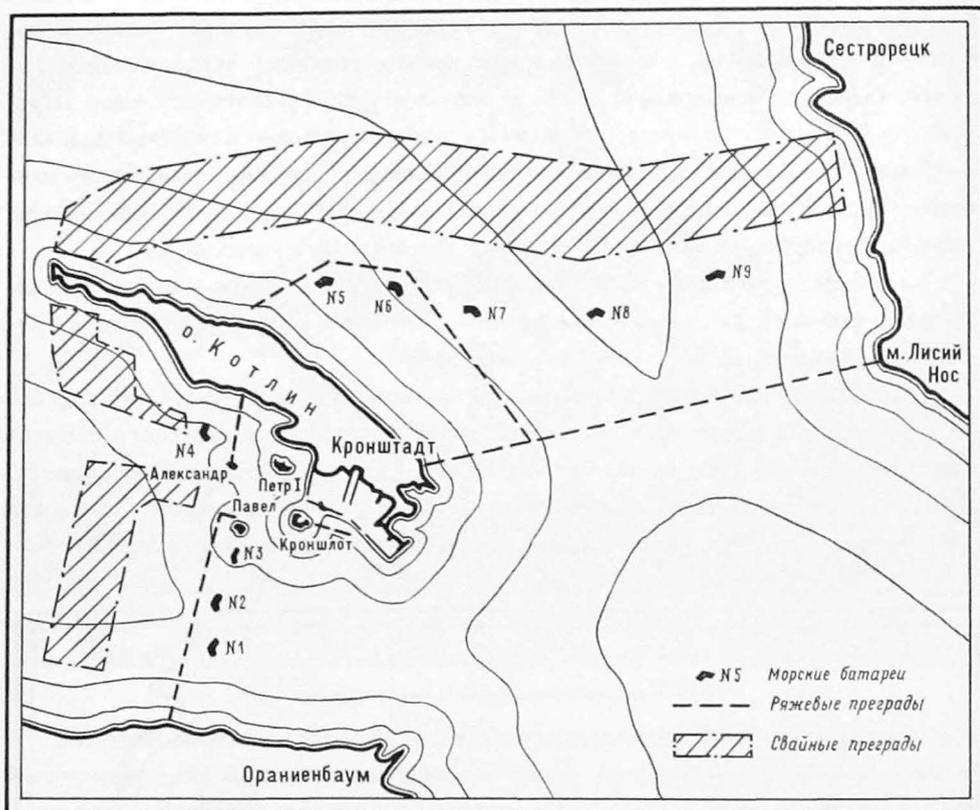
Открыв огонь из всех орудий, неприятель обстреливал весь берег ядрами и гранатами в течение часа. В результате обстрела осколком гранаты был ранен подпрапорщик Гренадерского Фридриха Вильгельмского 3-го резервного полка Федор Шустер. Часть прихожан в это время находилась в заводских церквях и страстно молилась о заступничестве высших сил. Каково же было всеобщее удивление, когда после сильнейшего обстрела заводские строения не пострадали и все жители остались живы. Лишь несколько вековых дубов из заповедной рощи получили повреждения.

Священник Петропавловской церкви Петр Лабецкий увидел в этом событии заступничество святых апостолов Петра и Павла и святителя чудотворца Николая и решил, что это свидетельство должно быть незабвенно.

Петр Михайлович Лабецкий окончил курс наук в Петербургской Александровской семинарии в 1854 году. Женившись на воспитаннице Царскосельского училища девице Светловой, он был определен 13 февраля 1855 года священником в церковь св. апостолов Петра и Павла в Сестрорецк. Кроме основной деятельности, ему было предписано преподавать Закон Божий в школе кантонистов при Сестрорецком Оружей-

Карта минных и ряжевых заграждений Кронштадта в 1853—1855 годах

Карта минных и ряжевых заграждений Кронштадта в 1856 году

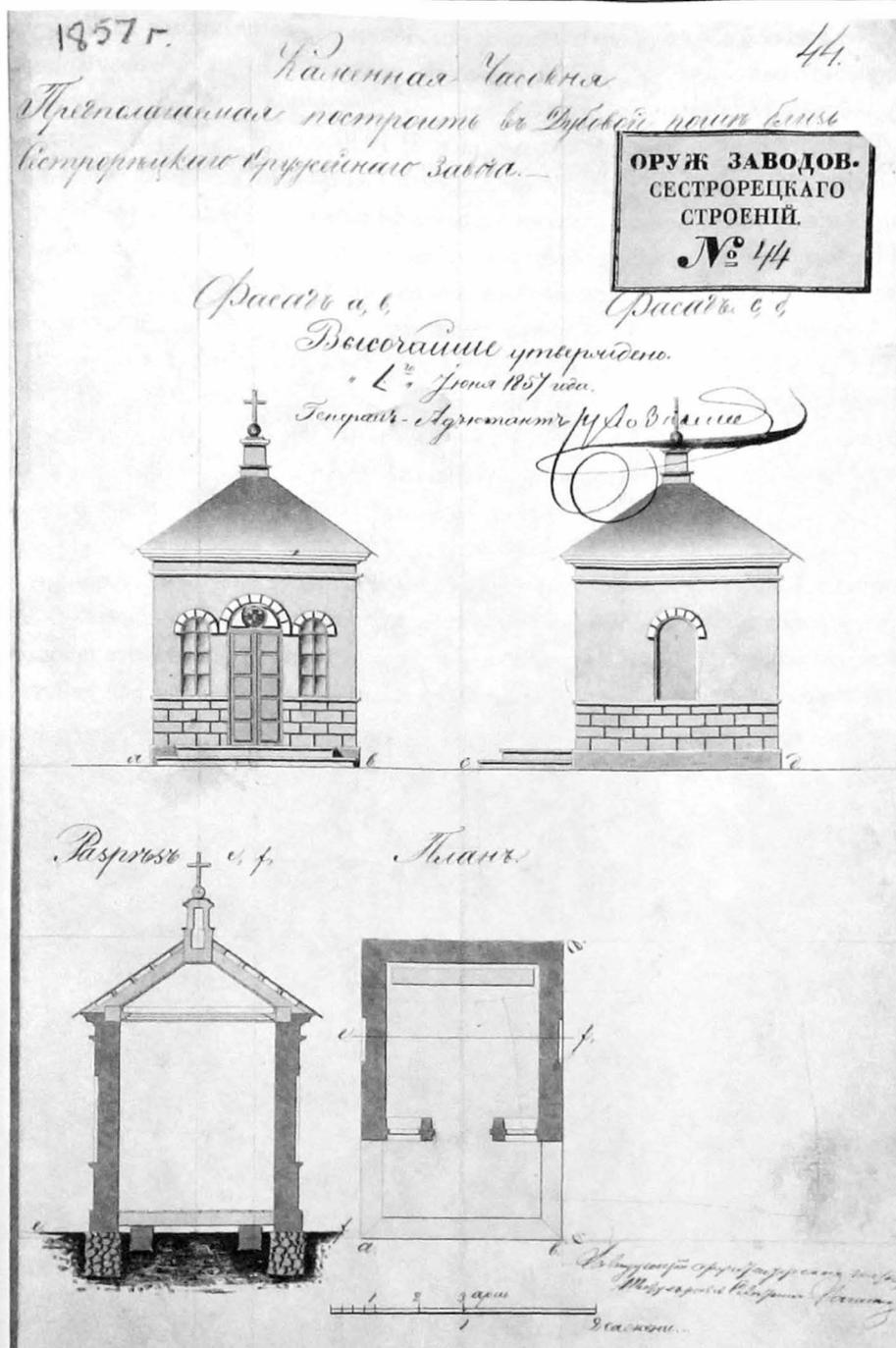
ном заводе.

За проведение службы под огнём противника 14 июня 1855 года он был представлен к награде — бронзовому наперстному кресту на Владимирской ленте, учрежденному в память войны 1853 — 1855 годов.

Священником Петропавловской церкви Петр Лабацкий прослужил до 1863 года. Его перевели в село Кайданово, место бедное и почти «бесприходное», за то, что вступился за оружейника, избитого одним из офицеров завода.

В память чудесного спасения Сестрорецка от вражеского обстрела 14 июня 1855 года Петр Лабцкий решил выстроить за свой счет небольшую каменную часовню «...на морском берегу в Дубовой роще при окончании дороги, ведущей по прямому направлению от заводского селения».

Проектный чертеж часовни был утвержден военным министром Н. О Сухомлиновым 7 июня 1857 года, а выстроена она была в 1858-м. Часовня св. апостолов Петра и Павла и святителя чудотворца Николая благополучно простояла до начала Первой мировой войны. В ней ежегодно совершался особый крестный ход в память 14 июня 1855 года. Стояла часовня в центре дубовой рощи на пригорке. В путеводителе

Проект часовни в память чудесного спасения Сестрорецка от вражеского обстрела 14 июня 1855 года.

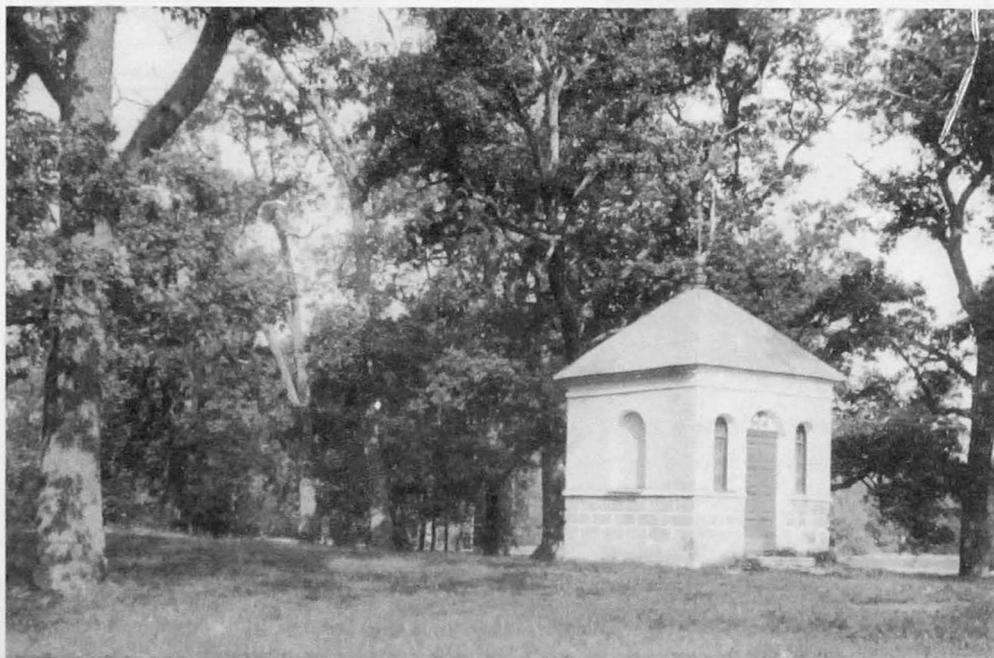
Из фондов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

В. Н. Некрасовой по северным окрестностям Ленинграда, изданном в 1927 году, есть упоминание о белой полуразрушенной часовне, построенной в память бомбардировки Сестрорецка в 1855 году

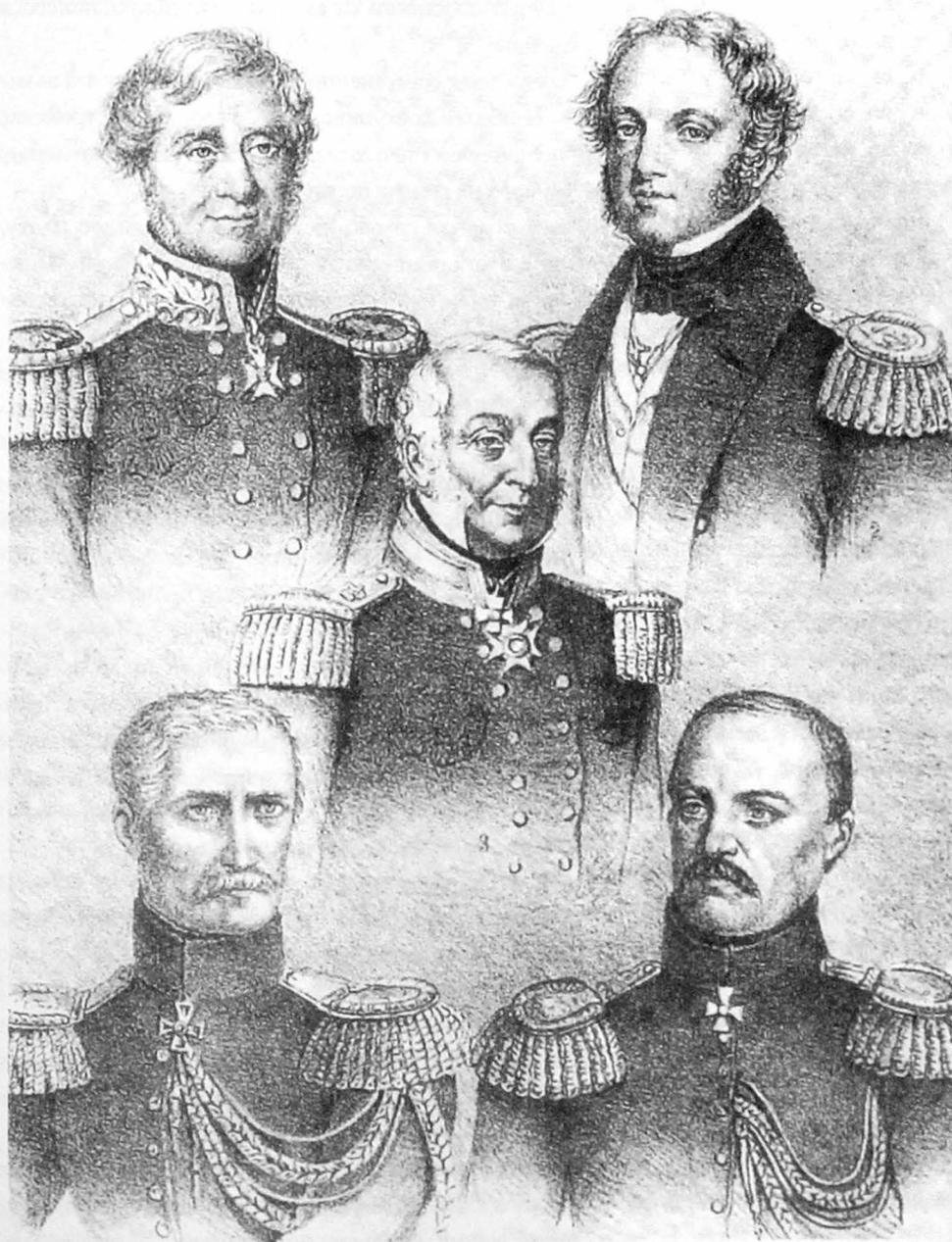
До наших дней часовня не сохранилась. В 1930-е годы она была окончательно разрушена. Возможно, возрождая традиции, в Сестрорецких дубках когда-нибудь появится новая белокаменная часовня в память 14 июня 1855 года.

После окончания войны ружейникам и мастерам Сестрорецкого Оружейного завода было выдано 1270 бронзовых медалей на Андреевской ленте.

Правление Сестрорецкого завода ходатайствовало о награждении еще одного жителя Сестрорецка. 12 октября 1856 года оно отправило Инспектору оружейных заводов следующее письмо: «В течение минувшей войны англо-французский флот, расположенный вблизи Сестрорецкого Оружейного завода, угрожал непрерывно нападениями и преследовал в виду берегов частное имущество, перевозившееся на судах и лодках. Проживающий на заводской земле годовой подрядчик для перевозки тяжестей крестьянин Гаврила Матвеев усердием и расторопностью своей оказывал постоянно заводу значительные услуги, содействовавшие во многом к успешному производству работ и принятию мер к предупреждению покушений неприятеля. Таким образом, он успевал, пользуясь туманом и ночным временем, перевозить преимущественно водою разные металлы и материалы, какие были потребны для действия и

Часовня в Дубках в память чудесного спасения Сестрорецка от вражеского обстрела 14 июня 1855 года. Фото конца XIX века

Военачальники Восточной, или Крымской войны 1853-1856 годов: лорд Раглан, адмиралы Дандас и Нэпир, а также — князья А.С.Меншиков и М.Д.Горчаков.

Генерал-губернатор Меншиков в феврале 1853 г. получил задание отвезти в Константинополь султану российский ультиматум, что послужило позже формальным поводом для начала войны. Он был главнокомандующим российских войск, но в 1855 г. ушел в отставку со всех своих постов

содержания завода, подвергая себя лично опасности от неприятеля, покушавшегося иногда захватить перевозимые им грузы.

Кроме того, по роду промысла своего, зная совершенно местности Финского залива, он способствовал к открытию всех наиболее доступных фарватеров при устройстве береговых батарей и, наконец, по распоряжению Начальника принял на себя охранение телеграфов³, устроенных до окончательного их снятия по миновании войны.

По оказании таких услуг Матвеев получал самую низкую перевозочную плату, какая полагалась по мирному времени и в то время, когда цены за перевозку в Финляндии доходили до огромных размеров. «Так что Матвеев не иначе мог удовлетворять требование завода как с пожертвованием своей собственности».

Начальник завода просит Инспектора Оружейных заводов генерал-лейтенанта и кавалера князя Голицына 3-го наградить Матвеева бронзовой медалью в память минувшей войны⁴.

Однако решение вышестоящих начальников было отрицательным. Генерал-фельдцейхмейстер 31 марта 1857 года объяснил, что «Матвеев не может быть удостоен к пожалованию установленною в память войны 1853—1856 годов медалью на Аннинской ленте, потому что Высочайше утвержденными 26 августа 1856 г. правилами о раздаче сей медали МВД предоставлено рассматривать заслуги одних только лиц купеческого звания. К тому же на основании Указа правительствующего сената 9.11.56. крестьянам выдаются светлые бронзовые медали на Андреевской ленте в том лишь случае, если они ранены во время боевых действий, награждены за храбрость знаком отличия военного ордена на георгиевской ленте или же имеют медаль за защиту Севастополя»⁵.

³ Имеются в виду станции оптического телеграфа. На Дубковском мысе она имела №78, в устье реки Сестры - №77.

⁴ Архив ВИМАИВ и ВС Фонд 3, Опись 56, Дело 969, л.17.

⁵ Там же, л. 59

Без храма и погоста нет жилого места

Когда в Дальних Дубках для Петра I начали строить резиденцию, недалеко был устроен «лагерь работных людей». В этом лагере построили часовню — первый храм на месте современного Сестрорецка. Там же было и первое кладбище, где хоронили работных людей.

Во время строительства плотины и оружейных заводов на реке Сестре встал вопрос о постройке храма на новом месте. Летом 1722 года Синод рассмотрел дело «О постройке деревянной церкви при Сестрорецких железных заводах по рисунку генерал-майора Генина»¹.

В том же 1722 году были устроены торги на вольный подряд для этого строительства. «1722 года, июля в 20-й день, при Сестре-реке, новостроящихся фабрик в канцелярии у комиссара Антона Бекмана Кармедона, Олонецкого уезду Шуйского погосту Гаврила Тупицын договорился подрядом построить своими наемными плотниками... при Сестре-реке, на показанном месте... церковь деревянную брущатую... против показанного рисунка»².

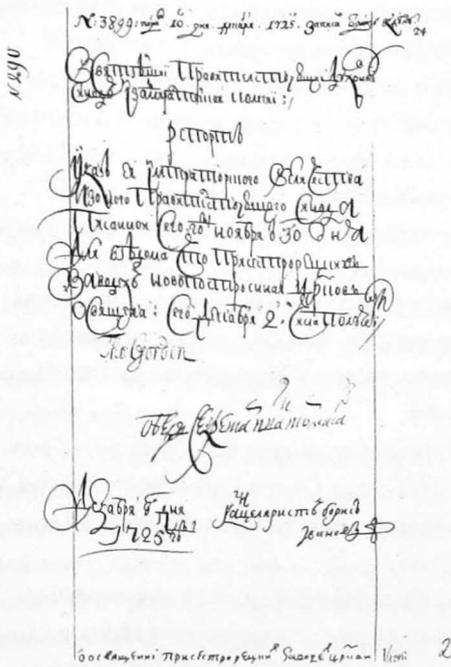
За 357 рублей подрядчик должен был закончить постройку церкви к середине декабря того же года. Но, как всегда, на государственных заказах то бревен нет, то денег. Только 20 июля 1724 года полковник Вырубов смог доложить об окончании строительства церкви. Еще год ушел на переписку с Петербургом. Дело в том, что Синод хотел дать церкви имя святых великомучеников Константина и Елены, но статс-секретарь Макаров передал повеление императрицы Екатерины I освятить церковь в честь святых апостолов Петра и Павла. Освятили церковь 2 декабря 1725 года, о чем и доносил Синоду начальник завода.

Церковь была казенной, заводской. Притч получал жалование и прокорм от завода. Первым священником в Сестрорецке стал «поп Мефодий Стефанов» (так в документе. — *Авт.*), который перешел сюда «ради прокорма» из Пантелеймоновской церкви при Партикулярной верфи в Санкт-Петербурге.

4 января 1730 года церковь сгорела, и на ее месте построили новую церковь, тоже деревянную.

¹ РГИА Ф. 796, ю Оп. 3, Д. 803. Л.

² Гамченко С. С. Памятные записки к 200-летию Сестрорецкого Оружейного завода. П., 1924.

**Репорт об освящении церкви
Петра и Павла. 1725 г.**

дро-Невского монастыря консисторию.

Оружейная палата ко мне представляет, что состоящая при Сестрорецких заводах деревянная церковь святых апостолов Петра и Павла пришла в ветхость. Так, что не толико служб не можно, но и входить вельми опасно; того ради требую дабы благоволено о разобраннии упомянутой церкви дать позволение и престол поставить в удобное место в сохранение, а лес употреблен быть вместо дров на топление тамошней другой церкви печение просфор.

Граф Г. Орлов
Июля 23 дня 1765 года. Спбурѣ»⁴.

Как написано в книге «Сестрорецк», изданной в Санкт-Петербурге в 1843 году, «в то же время сделаны были из чугуна и меди первые церковные часы на Петропавловской колокольне весом в $55 \frac{1}{2}$ пудов (888 кг. — Авт.), которые были в действии более 20 лет, но во время сильной бури ветхое здание колокольни обрушилось, и механизм был совершенно испорчен. Так как на возобновление и постановку их требовалась большая сумма, то вместо их сделаны были тут же на заводе другие в 19 пудов

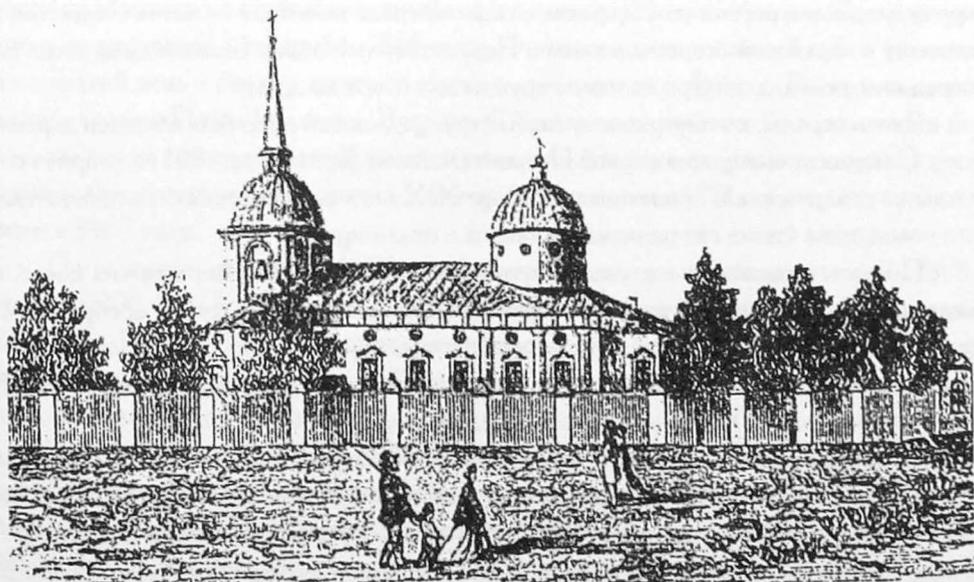
³ ЦГИА Ф. 19, Оп. 1, Д. 3328.

⁴ Там же, Д. 6089.

(144 кг. — *Авт.*); но и те за смертью мастера, делавшего их, от долговременного и непрерывного действия в 1795 году пришли в ветхость и проданы были с аукциона»⁵.

По-видимому, повеление графа Г. Орлова выполнено не было, и церковь простояла до 1780 года. К тому времени было получено разрешение — разобрать на кирпич полуразрушенный петровский дворец в Дубках. Из петровского кирпича, наверное, с добавкой нового, построили в 1782 году новую каменную церковь. Судя по гравюру того времени, можно представить, какой она была красивой. Это было первое не заводское каменное строение в селении Сестрорецк!

Но жизни ей было отведено не так уж и много. Во время пожара 1868 года церковь опять сгорела. Петровские кирпичи превратились в труху. К этому времени завод перешел в коммерческое управление и церковь передали в епархиальное подчинение. Новую церковь построили по заказу Синода. «Нынешняя церковь во имя Петра и Павла, каменная, заложена 29 июня 1871 года и освящена 26 июня 1874 года митрополитом Исидором. Постройка церкви по плану, Высочайше утвержденному 6 мая 1870 года, производилась под наблюдением епархиального архитектора Карпова, подрядчиком Козловым. На постройку были употреблены: 20 000 руб. пожертвованных императором Александром II, 30 000 отпущенных из Синода в кредит, 7000 кошелевой суммы, 377 руб. 49 коп., собранных по соборной книжке, и 550 руб.

Первая Сестрорецкая церковь

⁵ Сестрорецк. Памятник искусств. СПб., 1843. С. 12.

процентов с упомянутых 20 тысяч, пожертвованных Монархом»⁶. Автором проекта Сестрорецкой церкви был Григорий Иванович Карпов (1824—1900 гг.). В 1848 году он окончил строительное училище и с 1861 года состоял епархиальным архитектором.

Новая церковь производила хорошее впечатление. «Длина церкви 17 саж. (35,7 м), ширина, в средней части, $9\frac{1}{2}$ саж. (19,95 м), в алтаре — $4\frac{1}{2}$ саж. (9,45 м); в основании колокольни 6 саж. (12,6 м); диаметр купола 3 саж. 2 арш. 12 вершков (8,2 м); высота в средней части 6 саж. 12 вершков (13,3 м); до крыши купола 10 саж. 1 аршин 8 вершков, с крестом — 18 саж. 12 вершков (32 м). Внутри здание поддерживается 4 каменными колоннами; между двумя колоннами устроены деревянные хоры. Пол в церкви плитный, в алтаре и на амвоне — деревянный; своды стрельчатые. Стены, своды и колонны оштукатурены; внутренность расписана греческою живописью; в куполе 4 евангелиста. Окон больших 36, средних 8, малых 4, дверей двойных 7, одиноких 9, печей унтермарковских⁷ железных 7, камин один. Колокольня в три яруса, с деревянным шпилем; на нем вызолоченный крест, утверждённый в медном золоченном шаре; кресты колокольни и купола поддерживаются цепями. Из 8 колоколов самый большой — 356 пудов 30 фунтов (5707 кг. — *Авт.*). Этот колокол был отлит в Санкт-Петербурге в 1855 году. По справке, составленной в 1920 году настоятелем церкви протоиереем Сергеем Дремяцким, в церкви было семь колоколов. Судьба восьмого колокола — неизвестна.

«Церковный двор был огражден железной оградой на каменном фундаменте с тремя входными воротами. Напротив алтаря в ограде каменная колонна с крестом, в колонну с наружной стороны вставлен Нерукотворный образ Спасителя за стеклом, перед ним лампада, внутри колонны кружка для сбора на храм»⁸.

Вдоль ограды, по внутреннему периметру, церковный двор был обсажен деревьями. С момента освящения первой Петропавловской церкви и до 1801 года притч состоял из священника и причетника. В конце XIX века притч состоял: из настоятеля, его помощника (тоже священника), диакона и псаломщика.

После всех пожаров в церкви сохранилась икона святого Николая «на доске, в деревянном позлащенном киоте; по краям серебряный оклад, с тремя серебropозлащенными венчиками и «подвесом». По надписи на образе видно, что он при освящении завода и Дубковского дворца, был поднесен Петру I «в благословение из Троицкого собора, что на Петроградской стороне, епископом Феофаном»⁹.

Библиотека церкви сгорела во время пожара 1868 года, но удалось спасти в числе других ценностей евангелие в «поллиста», созданное в Москве в 1749 году, в окладе из малинового бархата, с серебряной доской и позолоченными иконами и дар мастеров-

⁶ Историко-статистическое описание Санкт-Петербургской епархии. СПб. 1885. Вып. 8

⁷ Особая железная печь с каналами для подачи теплого воздуха в помещение.

⁸ Историко-статистическое описание Санкт-Петербургской епархии. СПб. 1885. Вып. 8

⁹ Там же.

Церковный дом. Фото 1960 г.

вых завода в 1843 году «евангелие в поллиста, в серебропозлащенном окладе и с финифтяными иконами (серебра в нем 10 фунтов 36 золотников)», вес оклада составлял 4 кг 243,6 г.

От Петропавловской церкви совершались обычный по уставу крестный ход на воду (на Иордань) и особый крестный ход в память отражения обстрела Сестрорецка англо-французской эскадрой в 1856 году. Он совершался в ближайший к 14 июня воскресный день и после литургии направлялся к часовне в Дубках. Там служили молебен в память Петра Великого. В конце XIX века крестный ход стал заходить в завод, где также служили особый молебен у часовни. Рядом с церковью находился церковный дом, в котором жил притч. Дом этот был построен в 1871 году на месте сгоревшего в 1868 году.

По исповедным книгам 1883 года в приходе числятся: духовных лиц 9 (15)¹⁰, военных 296 (232), статских 12 (11), оружейников и прочих 1366 (1484), крестьян 120 (147). В 1885 году настоятель Петропавловской церкви вынужден был отметить, что религиозность прихожан начинает падать: «Многие не соблюдают постов и праздников, не исполняют долга исповеди и причастия»¹¹.

Заводское начальство и полиция требовали от священников представления списков нарушителей церковных догм. Работать на заводе по 10–12 часов в жаре и копоти и соблюдать посты при достаточно скудной пище — ноги протянешь. Оружейники нашли выход — «нарушители» платили священнику рубль, и он их покрывал.

В 1893 году при церкви открыли церковно-приходскую школу, в которой кроме

¹⁰ Перед скобками число мужчин, в скобках — женщин.

¹¹ Историко-статистическое описание Санкт-Петербургской епархии. Спб. 1885. Вып. 8.

✦
 Божие милостию
 Николай, Епископ Сестрорецкий

Милой дочери
 Миш
 къ молитвенноу помяти и
 благословенію.

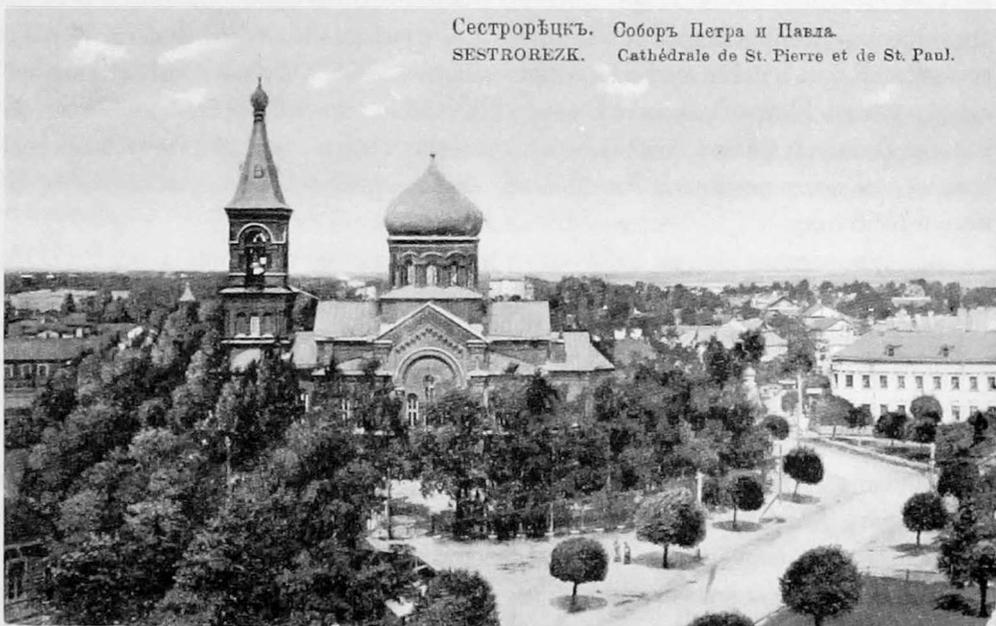
Семь Братская в Сибиріи
 12 марта 1924 года.

✦

К

Священник Николай Клементьев. 1927 г.

Сестрорецкъ. Соборъ Петра и Павла.
 SESTROREZK. Cathédrale de St. Pierre et de St. Paul.

Церковь Петра и Павла в конце XIX века. Открытка конца XIX века

закона Божия учили письму, чтению и арифметике. Школа была 2-классной, и заведовал ей священник. В наше время в этом здании находится Сестрорецкая детская музыкальная школа.

В 1902 году в ограде, слева от центрального входа в церковный двор, похоронили генерал-майора Сергея Ивановича Мосина — начальника Сестрорецкого Оружейного завода, скончавшегося 26 января (ст. ст.) 1902 года после крупозного воспаления легких. Это захоронение было единственным в ограде Петропавловской церкви. В сестрорецком обиходе эту церковь называют собором за красоту и величину; но она не была собором. В 1924—1925 годах в ней имел кафедру Николай Клементьев (1873—1937 гг.), единственный викарный епископ Сестрорецкий. В 2000 году он был канонизирован и является святым покровителем Сестрорецка.

Как только начали сооружать плотину на Сестре и строить заводы, возник лагерь «рабочих людей» на новом месте. Работы были тяжелые: валка леса, вязка фашин, сплав их по реке к месту строительства. На стройке работали солдаты кронштадских полков и принудительно собранные чухонцы. Только солдат было на работах более 500 человек — постоянных. В лазарете находилось от 20 до 52 человек. Появляются первые умершие. Место для их захоронения выбирали вдали от жилья. Поначалу их отпевали в церкви Петра и Павла, но у нее было другое назначение. Тогда решили построить еще одну церковь. Для этого местное начальство пыталось использовать бревна «старого казенного сарая, привезенного с олонецкой верфи». В сентябре 1733 года поступает распоряжение: «На тех на Сестрорецких заводах велено построить и другую церковь во имя Святого Николая Чудотворца»¹².

Прошел год. 21 дня октября 1734 года священник Иоанн Феокистов донёс в духовное правление Синода: «По указу Ея Императорского Величества и благославлением святейшего правительствующего Синода при церкви святых первоверховных апостолов Петра и Павла, что при Сестрорецких заводах, построена церковь деревянная теплая во имя Святого Николая Чудотворца»¹³.

Она всегда была сельской приходской и кладбищенской. Наверно, не очень прочно ее построили. В 1749 году в Синод поступает «доношение» священника Григория Григорьева: «Теплая церковь во имя Святого Николая Чудотворца вельми обветшала: пол, стены, потолок, также кровля. Стала быть холодна, а нынче осенью и весною течет»¹⁴.

В мае 1750 года заводское начальство получает распоряжение «о построении на сестрорецких заводах вместо обветшавшей теплой церкви новой теплой церкви из казенных материалов и о написании нового иконостаса. При этом велено: «сколько казенного леса и прочих припасов на то потребуется» — записать по настоящей цене.

¹² ЦГИА Ф. 19, Оп. 1, Д.3328.

¹³ Там же, Д. 1316.

¹⁴ Там же, Ф.78, Оп. 1, Д.226.

Екатерина II раздарила большую часть заводских земель с лесом своим приближенным, и завод стал получать древесный уголь с приписных деревень Выборгской губернии. Места, на которых жгли уголь («Угольная»), освободились, и их постепенно занимают участки оружейников. По берегу водохранилища вдоль дороги на Лахту появились новые улицы. Никольская церковь с кладбищем оказались зажаты жилой застройкой. Заводское начальство приняло решение перенести кладбище и церковь на новое место, на окраину селения к берегу реки Сестры.

Произошло это в 1830 году. С годами часть «старого кладбища» затапливалась при подъеме уровня воды в водохранилище, а другая его часть застраивалась Старо-Никольской и Бассейной улицами. Сейчас это место занимает сквер перед новым зданием ПТУ.

Во время пожара 1868 года «новая» Никольская церковь сгорела дотла. Если в Петропавловской церкви успели спасти часть утвари и икон, то от жары даже колокола Никольской церкви оплавившись. (Следует отметить, что во время этого пожара в селении выгорело около 600 дворов). Временно церковные службы идут в бараке, построенном на месте Петропавловской церкви. С разрешения митрополита в качестве алтаря используют каменную часовню. Пока шла разработка проекта Петропавловской церкви, его утверждение и само строительство, сестрорецкие оружейники собрали средства и «хозяйственным способом» построили новую Никольскую церковь на прежнем фундаменте по старому образцу. Ее освятили 28 июня 1871 года.

«На церкви одна глава с железным крестом; над папертью — колокольня. Длина церкви 12 саж. (25,2 м); ширина — 4 саж. (8,4 м); высота 10 саж. (21 м). Дверей створчатых две, одинокая — одна, окон — 13, печей — 3. Стены снаружи обшиты досками и окрашены, внутри обиты картоном и оклеены обоями. Иконостас деревянный, окрашенный масляной краской, с позолоченными украшениями. Колоколов 5, самый большой в 70 пудов весу (1120 кг.)»¹⁵.

Из справки, составленной в 1920 году протоиереем Сергием Дремяцким, известно, что два колокола: большой — 70 пудов и маленький — 8 пудов были отлиты на Сестрорецком Оружейном заводе в 1846 году. По-видимому, до пожара они находились на колокольне Петропавловской церкви. Изображений Никольской церкви не сохранилось. На любительском фото виден только верх колокольни.

Никольская церковь действовала еще в 1940 году, но во время Великой Отечественной войны, как и многие деревянные дома Сестрорецка, погибла.

В 1874 году Сестрорецкий земский доктор С. А. Броун писал: «Сестрорецкое кладбище, расположенное чуть-что не в центре селения. Оно занимает пространство почти в две десятины. Кладбище существует на этом месте лет 50»¹⁶.

Еще в 1873 году начинаются первые переговоры между Земством и Военным

¹⁵ Там же, ЦГИА Ф.78, Оп. 1, Д. 226

¹⁶ Очерк Сестрорецкий волости. Известия РГО. Т. XI

*Часовня в память пребывания Александра II на Сестрорецком Оружейном заводе.
Конец XIX века. Открытка конца XIX века*

Ермоловская церковь. Открытка конца XIX века

министерством о выделении нового участка казенной земли под православное кладбище. В 1881 году выделяют для него место в полутора верстах от селения, в стороне от Выборгской дороги, а «новое — старое» упраздняют. И опять часть кладбища с годами оказывается под жилыми постройками. Небольшая его часть была включена в ограду церкви. Об этом кладбище напоминают шесть деревьев, растущих «кучкой» во дворе домов №7, 9, 11 по набережной реки Сестры. И опять с годами современное сестрорецкое кладбище разрослось, вышло к самой дороге и оказалось совсем рядом с новыми жилыми домами.

В память о бомбардировке Сестрорецка 14 июля 1855 года англо-французской эскадрой, настоятель церкви Петра и Павла Петр Михайлович Лабедский выступил инициатором постройки часовни в Дубках. В 1857 году разрешение было получено, а в 1859-м часовню построили на том месте, где осколком разорвавшийся вражеской гранаты был ранен юнкер сестрорецкой дружины. Именно к этой часовне и совершался «петровский» крестный ход.

Когда в 1881 году, в память пребывания Александра II на Сестрорецком Оружейном заводе, в глубине главной аллеи построили каменную часовню, крестный ход от Петропавловской церкви заходил в завод и у часовни служили Молебен в память основателя завода Петра I. В начале XX века на заводе началось большое строительство. Двухэтажный корпус (цех №8) перекрыл подходы к часовне и тогда её решили разобрать и вынести на берег Разлива, перед зданием заводууправления. Началась первая мировая война, и работы не успели закончить. В 1920-х годах в её «коробке» некоторое время работал бумажный магазин, а позже её разобрали.

После того, как началось строительство Сестрорецкого курорта и продолжения Приморской железной дороги «до Курорта и далее до границы с княжеством Финляндским», правительство (Министерство государственных имуществ и земледелия) объявило торги на участки под дачное строительство. На казённых землях в окрестностях Сестрорецка создаются три дачных местности: Канонерская, Заречная, Тарховская. Кроме этих участков у самой границы, за Ржавой канавой, в устье Сестры (на стороне Великого Финляндского княжества) появляются настоящие дачные городки. Господа дачники не горят желанием посещать храмы, где большинством прихожан были «нижние чины». Заречные и финские дачники при поддержке П. А. Авенариуса в 1902 году организовали комитет по строительству церкви в Заречной местности. Причём сразу же было решено передать её благотворительному обществу распространения христианства в духе православия, которое возглавлял известный теолог-философ протоиерей Философ Орнатский.

Опасаясь потерять паству, против этого проекта выступил настоятель церкви Петра и Павла Василий Розанов. Мотивируя свои возражения отдаленностью будущей церкви от основного храма и нехваткой священнослужителей, ему удалось внести раскол в ряды дачников. «Новая компания» получила разрешение построить церковь во имя

Окр. Сестрорецкого Курорта. Дюжская церковь.

Дюжская церковь. Конец XIX века. Открытка конца XIX века

Преображения господня на пустом дачном участке №78 на углу улиц Авенариусовской (ныне Горького) и Оранжевой. План участка у церкви был составлен в 1903 году землемером Шадриним. Автор проекта — академик архитектуры Петр Иванович Шестов (1847—1914 гг.), один из канонерских дачевладельцев (участок №27-а). От новой церкви до станции Курорт и до платформы Ермоловская было рукой подать — по 250 сажень (525 метров). Построили церковь за несколько месяцев и освятили в конце лета 1904 года. Она была деревянной, пятиглавой с небольшой колокольней. В Ермоловской церкви был красивый иконостас, который запечатлен на почтовой открытке. После 1917 года дачевладельцы разбежались, и церковь была закрыта. После 1945 года на её месте было пепелище, на котором не росли даже сосенки.

Комитет по строительству церкви на заречных участках возглавила супруга П. А. Авенариуса — Мария Яковлевна. После нескольких перемен мест под храм было принято решение строить церковь во имя Христа Спасителя у станции Дюны, на берегу Ржавой канавы. По проекту гражданского инженера-архитектора А. И. Зазерского (1878—1942 гг.) и под его надзором церковь заложили 20 июня и освятили 30 ноября 1904 года. Вот как о ней писали в журнале «Русский паломник»: «Храм построен во имя Христа Спасителя. Он пока ещё не совсем оборудован, и стены его с внешней так и с внутренней стороны остаются голыми, небольшими и не оштукатуренными. Вместимость церкви небольшая: человек на сто молящихся. Иконостас её одноэтажный, небольшой, но ценной художественной работы. На стенах храма, да и на куполе его, пока нет никаких церковных украшений, и все стены его остаются голыми, без икон.

Причта своего церковь также не имеет. Священнодействие церковное здесь совершает священник Санкт-Петербургской духовной семинарии. Он приезжает сюда только по воскресеньям и двенадесатым праздникам. Наблюдение за церковью поручено пограничной страже, пост которой (и таможенный дом её) находится от храма всего лишь в 50 саженьях. Церковь видна с запада издалека и как бы плавает в голубых небесах». Дюнская церковь самая незаметная, «интимная» церковь сестрорецкой округи. Вдали от любопытных глаз, здесь исповедовались в любовных грехах, крестили внебрачных детей. Это о ней 1907 году писал Александр Блок.

*Стояла тишина. И у платформы
Готовый поезд разводил пары.
И русская таможенная стража
Лениво отдыхала на песчаном
Обрыве, где кончалось полотно.
Там открывалась новая страна,
И русский бесприютный храм глядел
В чужую незнакомую страну.*

В 1908 году М.Я.Авенариус хлопочет о разрешении в случае смерти её и её мужа быть погребенными в ограде церкви, построенной при их активном участии. 15 декабря того же года губернский инженер Ольховский даёт ответ: «Строительное отделение Санкт-Петербургского губернского правления имеет часть уведомить, что к устройству господином Авенариусом его семейного склепа в церкви во имя Христа Спасителя в Дюнах со стороны губернского начальства в техническом отношении препятствия не имеется».

Предчувствие не обмануло Марию Яковлевну. 1 декабря следующего 1909 года, её муж Петр Александрович Авенариус в возрасте 66 лет скончался от сердечного приступа. 4 декабря его прах был доставлен специальным поездом на станцию Дюны и он нашел упокоение в ограде построенной им церкви. На беломраморном надгробии были выбиты слова: «Создателю сего храма, преобразователю глухой местности в Сестрорецкий курорт. П. А. Авенариусу» Дальнейшая судьба Дюнской церкви неизвестна. После отделения Финляндии она оказалась буквально у самой границы. Возможно, она погибла в 1919 году, когда финны вели массированные обстрелы нашего приграничья. Печальна и судьба захоронения П.А. Авенариуса. Крест исчез, а мраморный монолит с эпитафией был расколот.

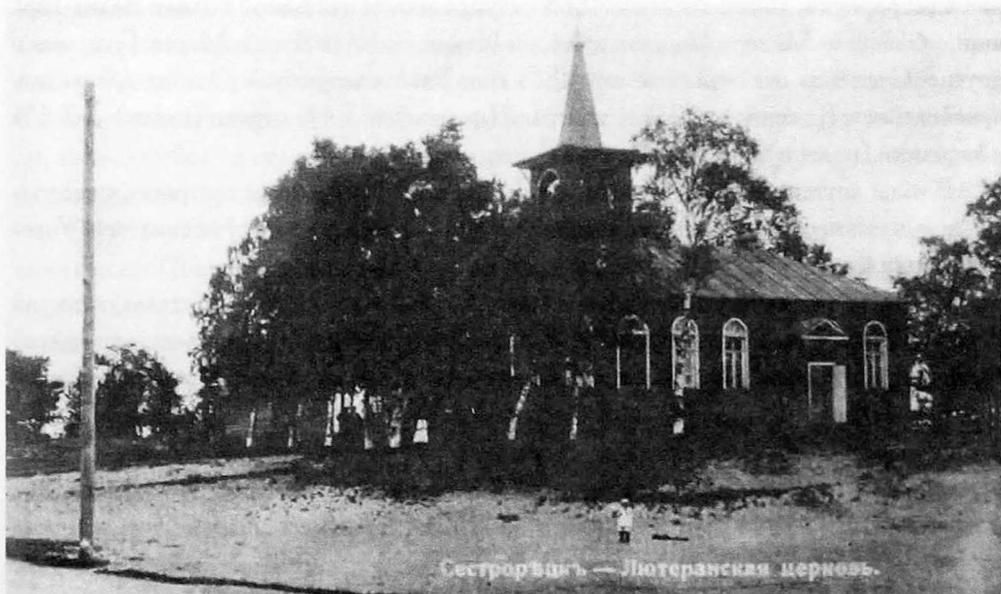
Его осколки последние время хранились в школьном сарае. Сейчас на тех местах частный дачный поселок, а на месте церкви построена дача.

Тарховские дачевладельцы тоже хлопотали о строительстве церкви. Первоначально планировали построить часовню. 30 сентября 1903 года строительное отделение Санкт-Петербургского Губернского правления утвердило её проект, но денег было собрано значительно больше, чем требовалось, и тогда решили строить церковь. Её проект был утвержден 22 июля 1906 года. Правда, к этому времени церковь уже была построена.

19 июля того же года благочинный протоиерей Николай Травинский освятил церковь во имя великомученика и целителя Пантелеймона. Пантелеймоновская церковь (так называли её сестроречане) была приписана к церкви Петра и Павла, службы в ней велись только в летнее время и по двенадцатым праздникам. До настоящего времени она сохранилась, правда, в изрядно перестроенном виде, и в ней ведутся церковные службы.

Лагерь рабочих людей, созданный для сооружения плотины и строительства заводов на реке Сестре, с самого начала оказался неоднородным по национальностям и вероисповеданию работников. Вместе с солдатами кронштадтских полков на строительстве работают чухонцы (местные финны) под солдатской охраной. Затем, с пуском заводов в действие, появляются иностранные мастера и специалисты из Европы. Мастерские-оружейники, собранные из разных мест, составляли полный букет народов и религий. Ведь Петр I, когда было нужно, действовал решительно и переводил на новые земли и монахов, и жителей западных земель, присоединенных к России.

К середине XVII века в селении появляются мелкие торговцы, а в конце века начинают поступать жители финских деревень Выборгской губернии, переданных Екатериной II Сестрорецкому Оружейному заводу. В 1841 году «на возвышенном местоположении при конце селения построена деревянная кирка, сельской архитектуры. Иконостас её составляет один только образ — распятие Христа-Спасителя»¹⁷. Земская перепись, проведенная в 1882 году, определяет в Сестрорецке число финнов —

Лютеранская церковь. Конец XIX века. Открытка конца XIX века

¹⁷ Сестрорецк. Памятник искусств. СПб., 1843.

приписных 46 мужчин, 69 женщин; пришлых 207 мужчин и 167 женщин. В кирхе службу вел пастор, приезжавший из села Александровского. Вскоре рядом появилось лютеранское кладбище.

Сведения о ремонтах и перестройках кирхи обнаружить не удалось. Она действовала до конца 1920-х годов. Когда из приграничья было выселено финноязычное население и некому стало служить в кирхе, ее закрыли. Кладбище было заброшено. Во время Великой Отечественной войны здание было разрушено (или разобрано на дрова). После войны на этом месте устроили овощехранилище, а после переноса его на Бочагу разбили небольшой сквер с беседкой на холме. Когда прокладывали Приморское шоссе, часть холма срыли, а песок использовали для отсыпки дороги. Позднее на этом месте построили наш «Муравейник».

Многие годы в некоторых семьях коренных сестроречан бытовало предание, что их семьи являются потомками еврейских мальчиков, привезенных на реку Сестру еще при Петре I и принудительно крещенных в православие. Точно известно, что при Николае I в солдаты рекрутировали еврейских парней и многие из них служили на заводе оружейниками. К середине века в селении их оказалось достаточно много.

По окончании срока службы им разрешалось селиться вне черты оседлости. Большинство из них создавали семьи и оставались в селении Сестрорецкого завода. Поэтому в 1855 году на заводе были заведены еврейские метрические книги для регистрации их рождения, бракосочетания и смерти. В «Списке сдворочных владений селения Сестрорецк», составленном в 1868 году, значатся: отставной солдат Зелих Гиршин, обыватели Михель Михлин и Абрам Ивкин, жена рядового Марья Гутерман и другие. Сведения местной переписи 1885 года дают следующий расклад населения: православные (русские) — 93%, лютеране (финны) — 3,4%, иудеи (евреи) — 2,6% и католики (поляки) — 1,0%.

В годы «оттепели» при Александре II для религиозных нужд сестрорецких евреев «всемилостивейше» был выделен участок земли для строительства синагоги. Участок находился на берегу Бочаги, на задах Крестовского переулка.

По указу от 24 августа 1889 года её закрыли, но через 5 лет Правительствующий Сенат постановил: «Разрешить сестрорецкому еврейскому обществу совершать общественное богослужение в синагоге, устроенной на его средства с согласия надлежащей власти»¹⁸.

17 января 1895 года состоялось собрание, на котором старостой общины был избран Семен Гиршев Лафер. Сестрорецкая синагога действовала до начала 1920-х годов, когда, несмотря на просьбы двадцатки, она была закрыта. Здание передали под жилье.

Еще в первой половине XIX века было выделено место для еврейского кладбища — вдали от селения и в стороне от дороги на Лахту. На планах Сестрорецка начала

¹⁸ ЦГИА Ф961, Оп.3, д. 161

Сестрорецк. Синагога.
SESTROREZK. Synagogue.

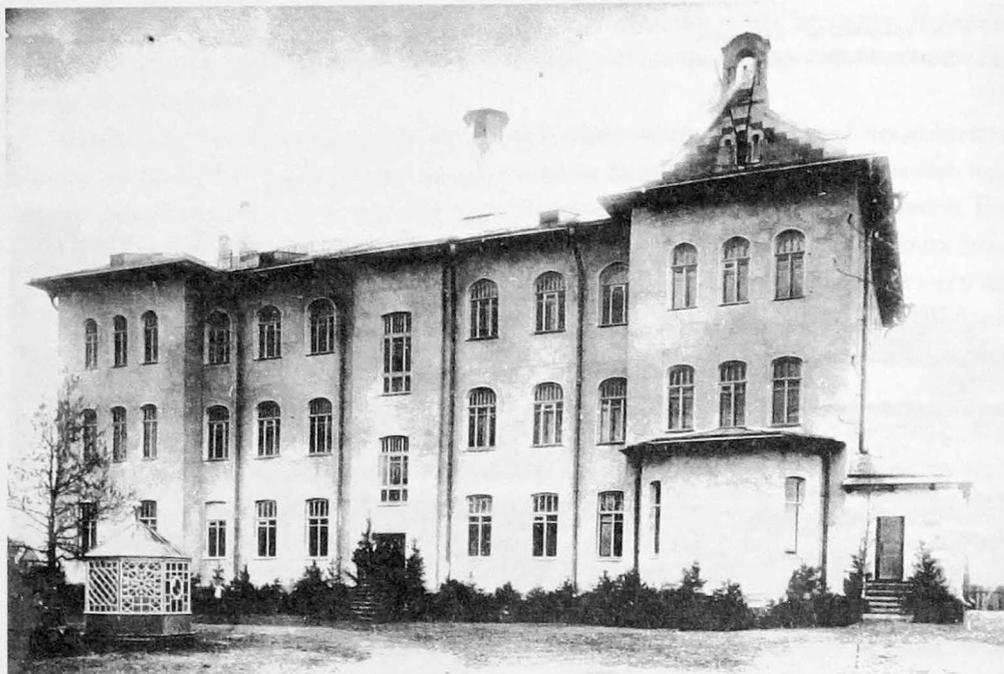
Синагога. Конец XIX века. Открытка конца XIX века

XX века о старом кладбище напоминает Еврейский переулочок в Разливе (современная Разливная наб.). Но как в случае с православными кладбищами, к нему «подбиралась» жилая застройка. В 1880-х годах начинается интенсивное освоение «Новострений». Военный Совет 5 августа 1887 года «положил: отвести безвозмездно обществу Сестрорецких обывателей для нового еврейского кладбища полдесятины казенной земли, находящейся за селением Сестрорецкого Оружейного завода и примыкающей к православному кладбищу»¹⁹.

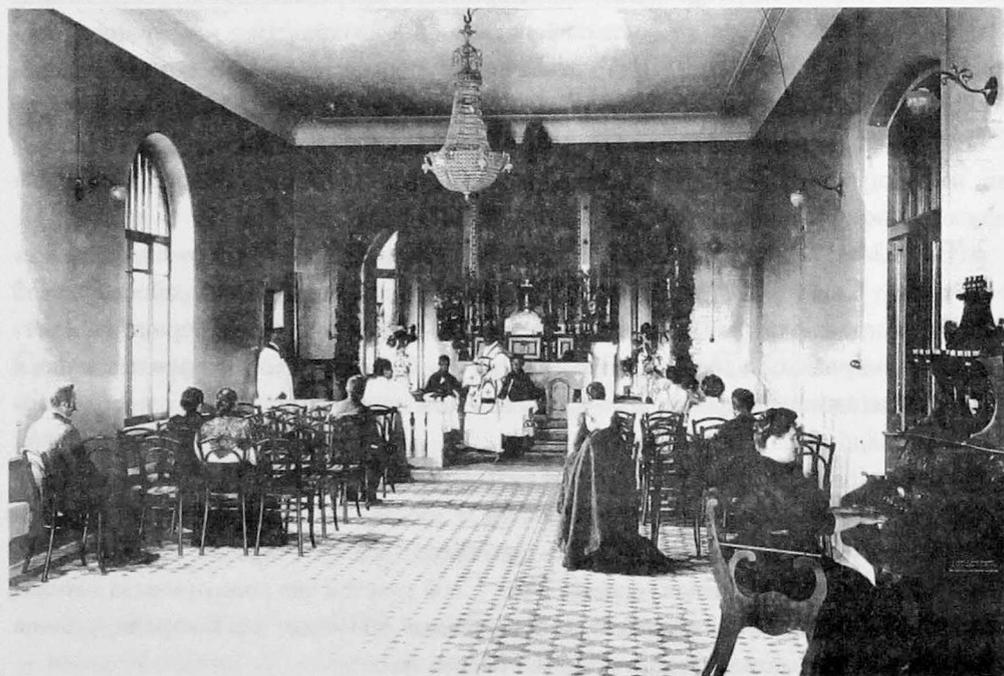
В 1943–1944 годах в низине, закрытой от фашистских артобстрелов, захоронили солдат Советской Армии, погибших при обороне Сестрорецка в районе Ржавой канавы. Когда в 1960-е годы стали приводить в порядок воинские захоронения и устраивать мемориалы, то решили, что соседство с действующим кладбищем неэтично, и еврейское кладбище закрыли, а захоронения стали производить на Сестрорецком городском кладбище.

Католиков в Сестрорецке было совсем немного, но когда в начале XX века казенные заводские земли перешли в ведение Министерства государственных имуществ и земледелия, участки на «Песках» стали продавать в аренду с торгов. Довольно большой участок приобрела некая госпожа Реш. Свой участок она пожертвовала католической миссионерской организации, действовавшей в России, для постройки здания Международного католического приюта «Марианум».

¹⁹ Там же, Ф.262, Оп. 3, Д. 162

Фасад сестрорецкого костела

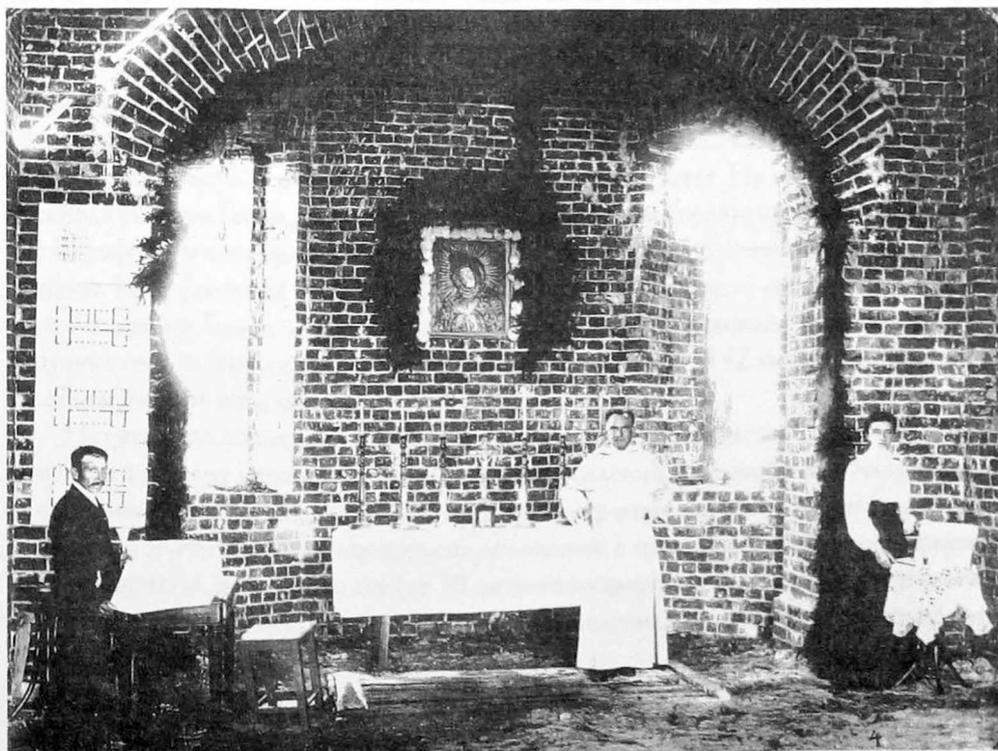
Служба в сестрорецком костеле. Конец XIX века

В 1906 году проект был утвержден и сразу же приступили к строительству. Стройка финансировалась католической церковью, а сестрорецкие католики для сбора пожертвований даже выпустили почтовую открытку с изображением приюта и подписью архитектора, автора проекта. Им был Арсений Семенович Пронин (1869 г. — после 1929 г.), окончивший Академию художеств в 1895 году.

Первые службы в костеле пастор Махачек начал в еще неотделанном полуподвале. Позднее, после завершения отделочных работ, в нем размещались: костел, приют и католическая школа. Правда, по прямому назначению костел использовали недолго. С началом Первой мировой войны священников-католиков интернировали. Ведь они были подданными Австро-венгерского императора и представителями противника. Школа и богадельня, лишенные финансовой поддержки, пришли в упадок и были закрыты.

В 1918—1922 годах часть здания занимала одна из сестрорецких школ, а в 1923 году наш сестрорецкий доктор Сергей Юльевич Малевский-Малевич убедил Сестрорецкий совдеп передать здание Горздраву для устройства в нем Сестрорецкой городской больницы.

Из всех культовых сооружений Сестрорецка этому зданию повезло больше всего.

Пастор Махачек

Во-первых, оно сохранилось без серьезных внешних изменений и в архивах имеются строительные чертежи и достаточно большое количество фотографических изображений интерьеров.

Здание хорошо известно и знакомо всем сестроречанам. В обиходе его называют: костел, больница, «родилка». Сегодня в нем размещаются Пенсионный фонд, магазин «Евростиль», аптека, женская консультация.

Послесловие

Хотя книга посвящена истории Сестрорецка XIX века, автор умышленно начал рассказ с Петровского времени, так как в первом томе «Истории Сестрорецка и его окрестностей» о храмах упоминается в приложении из книги В.Д.Яковлева довольно коротко и, кроме того, все культовые сооружения, кроме Пантелеймоновской церкви, прекратили свое существование в первой четверти XX века и оставлять для следующей книги «кусочки истории» автор посчитал нецелесообразным.

Аз, Буки, Веди

Неизвестно, были ли среди мастеровых, собранных на реку Сестру для делания оружия, грамотные, но история донесла до нас тот факт, что Петр I своим указом повелел организовать при Сестрорецких заводах адмиралтейскую школу. Таких школ должно было быть в России 13 (Воронежская верфь, Астрахань, Петербург, Кронштадт, Архангельск, Ревель, Тамбов, Казань, ... и Сестрорецкий завод). Уже в 1724 году в штате Сестрорецких Оружейных заводов была соответствующая должность — «для обучения российской грамоте детей мастеровых из церковников учитель»¹. Оплата ему была положена 10 руб. 80 коп. деньгами да 3 пуда муки на год. 47 мальчиков определили на учебу. Причем, учеба эта приравнивалась к труду, и каждый ученик получал по 40 копеек медью в месяц да три пуда муки в год. Учеба продолжалась 6 лет. Затем их отдавали на завод «отцам, дядьям или сродственникам» для обучения специальности. По окончании срока «ученики» сдавали экзамен и «нерадивых и неумелых» отправляли в стрелковые полки оружейными мастерами. Лучших оставляли при заводе и зачисляли в штат. Но в 1735 году на завод вернулся Виллим Генин, ставший первым коммерческим управителем, и школу закрыли. Генину не нужны были лишние расходы. Восстановил обучение детей мастеровых поручик Беэр (поручик Беэр, позднее майор и генерал-майор — сын плотинного мастера Бенедикта Беэра — строителя первой сестрорецкой плотины, известен тем, что составил первое описание завода за 1720—1752 годы). В 1742 году он принял завод на коммерческих началах.

Петровская система обучения действовала на Сестрорецком заводе до начала XIX века. Когда страну «покрыли сетью» военных поселений, в Сестрорецке была открыта школа кантонистов, где больше учили муштре, чем грамоте. Кантонистские школы были закрыты в 1856 году. К этому времени положение с грамотностью было совершенно удручающим. «Старше этих лет (от 30-летнего возраста) — совершенно неграмотны, что объясняется бывшею во время казенного управления заводом кантонистскою школою»².

Как, где и чему учили мальчиков в Сестрорецке, неизвестно, но, наверное, все-таки

¹ Оружейный сборник, 1900, №2

² Известия Императорского географического общества. Т. XI. 1876.

учили. Ведь в том же 1856 году начальнику завода генералу Игнатьеву после хлопот удалось открыть в Сестрорецке школу для девочек. Самое интересное, что сестрорецкие оружейники своим «Приговором Общества Оружейников Сестрорецкого завода относительно содействию в устройстве детского приюта»» 22 марта 1856 года согласились содержать «оную школу» с согласия оружейников из их капитала. На содержание школы-приюта решили выделить 8314 руб. 20 коп. серебром из тех денег, которые правительство задолжало обществу за шесть предыдущих лет. Дополнительно оружейники постановили отчислять по одному проценту с заработанного рубля, начиная с будущего 1857 года. Приговор подписали выборные от всех мастерских-цехов в количестве 136 человек, а их подписи заверили старосты: Кузьма Ноговицын, Гаврило Петров, Василий Артемьев, Семен Фирфаров, Александр Кочергин, Иван Гаврилов, Петр Абрамов и Михайла Соломонов. За месяц был разработан «Проект Положения о школе для детей женского пола на Сестрорецком оружейном заводе» и уже 24 апреля 1856 года Инспектор оружейных заводов утвердил его³. Положением было определено: (приводим только выдержки)

«§ 1. Школа учреждается для детей женского пола оружейников, писарей и унтер-офицеров, при заводе служащих, дабы дать им необходимое для них образование и сделать полезными обществу.

§ 2. Дети принимаются не моложе 10 лет и остаются в школе до 16 лет. При выпуске из школы воспитанницы получают свидетельства о своем поведении и приобретенных знаниях.

§ 3. В школу принимаются преимущественно сироты и дети бедных родителей, но дети должны быть телосложения здорового и не одержимы хроническими болезнями. Если же в числе принятых детей окажутся впоследствии больные или отличающиеся тупоумием, то таковые тотчас исключаются из школы, а вакансии замещаются другими, здоровыми и способными.

§ 4. Школа учреждается первоначально на 30 воспитанниц, с тем, что со временем число их может быть увеличено, коль скоро представятся к тому способы.

§ 5. На стене первой с прихода комнаты должен висеть именной список детей, школу посещающих.

§ 6. Дети посещают школу ежедневно, за исключением табельных и праздничных дней, летом с 8 часов утра до 8 часов вечера, а когда дни начнут убавляться, то они остаются в школе до захождения солнца. По субботам дозволяется отпускать детей в 4 часа после обеда для хождения в баню.

§ 7. Дети обучаются Закону Божию, чтению, письму, четырем правилам арифметики, пению, рукоделию как-то: вязанию, шитью простого мужского и женского белья (а первоначально должны всю себя обшить), вышиванию, тканию артиллерийского полустаamenta и приучаются к хозяйственным работам, т.е. к варке кушанья, к печению хлеба, деланию кваса и к стирке белья.

³ ЦГИА СПб Ф129, Оп. 1, Д.43

§ 8. По прибытии в школу дети умываются, чешутся и надевают платья из шведской холстины, а пелерины, рукава и передники из белого холста.

§ 9. В первом часу получают в школе обед из двух горячих блюд, супа или щей с говядиной и каши с маслом, а в постные дни щи или суп со сметками.

§ 11. Школа помещается в особом, на счет общественного капитала приобретенном строении, которое должно включать в себя прихожую, зал для рукодельных занятий, классную, столовую, гардеробную, где переодеваются и, наконец, две небольшие комнаты для жительства смотрительницы и ее помощницы. Кроме того, должна быть кухня с русской печью, прачечная, хлев для двух коров, помещения для дворника. (Здание для этого было приобретено у капитана Гаусмана за 2150 руб. — *Авт.*).

§ 13. В комнате следует удерживать в зимнее время температуру от 13 до 15 градусов по Реомюру (16,5 — 19 °С), для чего в классной, столовой и рабочей комнатах имеется по термометру.

§ 15. Больные воспитанницы на существующем основании пользуются врачебными пособиями в своих домах.

§ 18. Учреждаемая на Сестрорецком заводе школа находится под покровительством Инспектора Оружейных заводов...

§ 20. Для надзора за внутренним порядком в школе и обучением детей назначается смотрительница с помощницей.

§ 28. В смотрительницы избирается особа зрелого возраста и благолепная, преимущественно из получивших образование в каком-либо заведении. От нее не требуется никаких особых сведений, кроме чтения, письма, четырех правил арифметики, умения считать на счетах и знания обыкновенных женских рукоделий.

§ 29. На смотрительницу возлагается:

а) внутреннее управление школою,

б) надзор за порядком и чистотой,

в) обучение детей первоначальному чтению, письму, рукоделиям и хозяйственным работам,

ж) надзор за пищею и столом детей, и чтобы в зимнее время приходили в теплой одежде.

§ 32. Промочившим ноги переменяется обувь, для чего должны быть готовые чулки и ботинки. Собственное платье детей кладется в особо определенное для того место. Уходя из школы, дети надевают свое платье и просушенную обувь, а принадлежащее заведению укладывается в шкафы.

§ 33. Дитя, замеченное в постоянной неопрятности, наказывается тем, что на него надевают черный передник.

§ 36. Предметы занятий распределяются по усмотрению начальства.

§ 38. В половине первого часа дети садятся за столы после предварительной мо-

литвы, за обедом прислуживают дежурные девицы, приготовляются и убирают стол после обеда.

§ 41. Огород при школе обрабатывается детьми, для того чтобы готовить землю, делать гряды, сажать овощи и ухаживать за ними.

§ 42. Для приучения воспитанниц уходу за коровами, приготовлению творога и масла, иметь при школе двух коров...

§ 44. Ежедневно, с прихода в школу, назначаются двое из воспитанниц дежурными, и остаются в сей обязанности до другого утра.

§ 54. Провиант с пропорциею круп, по мере действительной надобности, отпускается из заводского провиантного магазина».

Для школы был утвержден штат сотрудников в составе: смотрительница (200 руб. в год, ее помощница 100 руб. в год), кухарка и прачка (по 30 руб. в год), писарь (18 руб. в год), сторож или дворник (12 руб. в год).

Учители Закона Божьего, чтения, письма и пения получают по 30 коп. серебром за каждый час занятий.

На оборудование здания школы, приобретение необходимого имущества и одежды для девочек выделено — 4000 рублей, а годовое содержание девичьей школы — 1759 руб. 20 коп.

Приказом инспектора оружейных заводов Новому учрежденному заведению присвоено название «Михайловское заведение для образования дочерей Сестрорецкого оружейного сословия».

Открытие школы произошло 31 июля 1856 года. В школу были приняты 31 девочка, но уже через месяц их стало 34, а позднее приняли еще одну воспитанницу.

Приводим полный список «кандидаток для поступления в Михайловское заведение»:

1. Александра, 13 лет — дочь умершего секретаря Карпова.
2. Александра, 13 лет — воспитанница умершего писаря Черемина (сирота)
3. Ольга, 13 лет — дочь умершего оружейника Василия Трифонова (сирота).
4. Татьяна, 13 лет - дочь умершего оружейника Василия Кузнецова.
5. Александра, 13 лет - дочь умершего писаря Григорья Леушина (сирота).
6. Татьяна, 13 лет - дочь умершего оружейника Иона Зверева.
7. Анна, 12 лет - дочь умершего оружейника Осипа Ряпусова.
8. Настасья, 12 лет - дочь умершего старосты Степана Фирфарова.
9. Татьяна, 11 лет - дочь умершего писаря Григорья Леушина.
10. Анна, 11 лет - дочь умершего оружейника Николая Кесарева.
11. Аграфена, 11 лет - дочь оружейника Ивана Пономарева.
12. Варвара, 10 лет - дочь умершего оружейника Федора Липатова (сирота).
13. Анна, 10 лет - дочь умершего оружейника Петра Кокина.

14. Наталья, 10 лет - дочь умершего оружейника Андрея Прокофьева.
15. Мария, 10 лет - дочь умершего старосты Прохора Мартынова.
16. Ксения, 10 лет - дочь умершего оружейника Осипа Букина.
17. Ксения, 10 лет - дочь умершего поселянина Трофима Бобкова.
18. Ольга, 10 лет - дочь оружейника Алексия Антонова.
19. Екатерина, 10 лет — дочь малоспособного Григорья Антипова.
20. Марфа, 9 лет - дочь умершего оружейника Михайлы Романова.
21. Елена, 9 лет - дочь умершего писаря Александра Верхмана.
22. Параскева, 9 лет - дочь умершего оружейника Дмитрия Кожевникова.
23. Александра, 9 лет - дочь умершего сторожа Алексея Савинова.
24. Матрена, 9 лет - дочь умершего оружейника Николая Кесарева.
25. Акулина, 9 лет - дочь умершего оружейника Федора Иванова.
26. Аграфена, 9 лет - дочь умершего браковщика Степана Кошелева.
27. Анна, 9 лет - дочь умершего оружейника Еремея Вигулова.
28. Мария, 9 лет - дочь умершего старосты Степана Фирфарова.
29. Агафья, 9 лет - дочь оружейника Ивана Миронова.
30. Анна, 9 лет - дочь умершего оружейника Федора Коченова.
31. Марья, 8 лет - дочь умершего браковщика Герасима Никитина.
32. Авдотья, 9 лет - дочь умершего оружейника Василия Кузьмина.
33. Елена, 11 лет — дочь высланного оружейника Семена Шляхтского.
34. Елисавета, 12 лет — дочь кровельщика Алексея Иванова.
35. Елена — по крестному отцу Яковлева.

Смотрительницей была утверждена вдова отставного капитана Кошанского, Надежда Антоновна, а ее помощницей, вдова столоначальника завода Кириллова, Екатерина Ивановна.

За месяц на питание воспитанниц было взято из лавки купца Андрея Короткова:

Говядины — 2 пуда 9 фунтов.

Пшеница — 1 пуд 12 фунтов.

Круп разных — 1 пуд 15 фунтов.

Масла русского — 21 $\frac{1}{2}$ фунта.

И других продуктов на 25 руб. 50 $\frac{1}{2}$ копеек.

В это же время на заводе действует оружейная, ремесленная школа и даже имеет свое помещение.

Во время Крымской войны Предписанием инспектора оружейных заводов от 8 августа 1855 года предлагается «освободить помещение оружейной школы для размещения госпиталя для нижних чинов Енисейского полка»⁴, прибывших для защиты побережья.

⁴ЦГИА Ф. 224, Оп. 1, Д. 409.

Все школы прекратили свою деятельность в Сестрорецке после отмены крепостного права («увольнение от обязательных к заводу отношений») в 1867 году. Завод перешел на коммерческое управление и новому владельцу (как и В.Генину в свое время) было не с руки тратить деньги на не связанное с производством оружия дело. Обучение грамоте детей сестрорецких сельских обывателей (такой статус получили бывшее крепостные оружейники) принимает на себя земство.

«До 1867 г. школа принадлежала Сестрорецкому Оружейному заводу. С 1867 по 15 июля 1868 г. школа содержалась на средства Сестрорецкого общества, помещалась при Волостном Правлении и имела учителем сына унтер-офицера Ефима Гавриловича Глущенко. После пожара, бывшего в 1868 г., до 1870 г. школы в Сестрорецке не было. В 1870 г. Сестрорецкое общество, с разрешения Санкт-Петербургского Училищного Совета, при помощи Санкт-Петербургского земства, открыло школу в помещении при Волостном Правлении, пригласив попечительницей Ея превосходительство Сарру Иосифовну Лиленфельд, а учительницей дочь кандидата Марию Авдеевну Калитину, которая учительствовала с 1870 г. по 1872 г.»⁵.

Известно, что уже в 1872 году в Сестрорецке действуют две школы (земская на 240 человек и частная, где обучаются «24 ребенка более зажиточных родителей»⁶.

Тогда же сестрорецкий земский доктор С. А. Броун отмечает: «Что касается их грамотности, то оказывается, что большая часть жителей от 30-летнего возраста и моложе все умеют читать и кое-как писать. Даже многие женщины получили такое же первоначальное обучение грамоте в бывшем приюте»⁷.

Уже в 1873 году встает вопрос о строительстве новой школы. Военное ведомство выделяет участок земли в 2 десятины «слева от петербургской дороги на берегу заводского разлива».

По расчету на постройку здания школы требовалось 1200 бревен и, поскольку в заводских лесных дачах не хватало деловой древесины, лес должны были выделить из Лисинской казенной дачи. Пока шла строительная переписка, в Сестрорецке случился еще один пожар, и часть школьного участка занимают погорельцы. Тогда земство просит начальника завода отдать под школу здание старой Никольской казармы.

7 августа 1874 года были получены пособия для учителей:

- «Наглядное обучение» Шрейбера в 3-х книгах;
- «Русская история» Соловьева;
- «Арифметика» по Трубе-Эвальде;
- «Предметы обучения» Водовозова.

Для учащихся:

- учебники для чтения — 20 экз;

⁵ Известия Императорского географического общества.

⁶ ЦГИА Ф. Там же

⁷ ЦГИА Ф. 1290, Оп. 1, Д. 1588.

— книги Гербача «Совместное обучение» - 60 экз.;

И книги для ученической библиотеки:

— Максимов «О русской земле»;

— Рогов «Смутное время»;

— Смайлс «Путешествие вокруг света»;

— Фелье «Жизнь замечательных римлян»;

— Гербель «Русские поэты» и ряд других.

Известно, что в Сестрорецком Петропавловском училище — так еще называли Сестрорецкую народную земскую школу — в 1874 году преподавали две учительницы: О.Я. Егорова и Охрименко. Оплата труда учительницы составляла 10 рублей в месяц.

Перед утверждением в должности учительницы-претендентки проходили проверку. Вот что сообщает Секретное отделение канцелярии Санкт-Петербургского градоначальника 28 марта 1875 года Земской управе Сестрорецкого уезда: «домашняя учительница Л. А. Ожигина ни в каких предосудительных поступках замечена не была»⁸.

Нагрузка у учительницы была явно не женская. Об этом писали они в своем письме в Земскую управу Сестрорецкого уезда: «Имеем честь заявить Управе, что с 1-го по 8-е сентября 1875 года в Сестрорецкую школу записалось 230 учащихся, но это еще не все желающие. Справляться двоим с таким количеством учеников нет никакой возможности, да и непроизводительно, а потому покорнейше просим Управу обратить на это серьезное внимание и уведомить нас, можем ли мы прекратить прием учеников или нет, иначе назначит нам Управа кого-либо третьего, или найдет это невозможным.

Учительницы Сестрорецкой земской школы О.Я. Егорова, Ел. Пешехонова»⁹.

К радости учительниц, Управа отреагировала положительно и на их письме есть резолюция «Определить третью учительницу в Сестрорецке с 1 октября».

Помимо основных своих обязанностей следили учительницы и за гигиеной подопечных и в случае необходимости обращались к земскому врачу.

Желающих учиться было в избытке, но выдержать могли не многие. За 1875/1876 учебный год занятия в школе пропустили: мальчики — 2466 дней, девочки — 2158 дней, причем по болезни — 885/795 дней, из-за недостатка обуви и одежды 715/385 дней, по причине помощи родителям в работах по дому — 449/659 дней.

В разные годы в школе было разное количество учащихся. 23 октября 1878 года учительница А.Якубович сообщает Управе: «Поступило в нынешнем году (на 1 окт.) — 170 чел. Из них: обучавшихся в прошлом году — 69 м. — 41 д. = 110. Вновь поступило: безграмотных 25 м. — 40 д. = 65. Из других школ 3 м. — 1 д. = 4. В старшем отделении: 31 мальчик — 9 девочек. 1-е среднее отделение 31 мальчик — 30 девочек. 2-е среднее отделение 31 мальчик — 30 девочек. В младшем отделении 35 мальчиков и 43 девочки»¹⁰.

⁸ Там же, Ф. 224, Оп. 1, Д. 1562

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, Ф. 224, Оп. 1, Д. 1647

Работа школы в Никольской казарме не удовлетворяла ни сестроречан, ни уездную Управу. В Сестрорецке начинают собирать пожертвования на устройство новой школы. Одной из первых откликнулись на это начинание Сарра Иосифовна Лиленфельд, жена Управляющего заводом, которая пожертвовала 100 рублей.

В начале 1884 года в Сестрорецке строят новое здание для земской школы. На строительство выделяют 13 000 рублей, а полковник Болонин Николай Егорович отдает под строительство свой собственный участок земли. Было построено 2-этажное здание на 4 класса и две квартиры для учительниц. Здание передали в управление земству, земство же производило оплату учителей, а само здание школы содержало на проценты от капитала, пожертвованного Н. Е. Болониным и П. Ф. Лиленфельдом. Находилась школа на Дубковском шоссе (современный адрес ул. Воскова, д.6). Затем само здание перенесли по новому адресу в район Песков. Там долгое время работала вечерняя школа. Дом этот сохранился до сих пор и сейчас в нем располагается магазин «Скиф», что на улице Володарского.

Училищный Совет Санкт-Петербургского Земского собрания следил за тем, чтобы земские школы заканчивали грамотные люди. В 1884 году этот Совет определяет правила выпускных экзаменов. Экзамены проводились в три этапа по срокам, с начала до конца мая. Для каждого этапа были разработаны разные программы. В каждом этапе было два варианта заданий по «диктовке, изложению и арифметике, счету». Приведем одно из заданий:

«Виноторговец имеет 15 ведер вина по 4 р. за ведро, 20 ведер по 3 $\frac{1}{2}$ руб. и 10 ведер по 3 руб. Он желает смешать эти три сорта вина и к ним прилить столько воды, чтобы ведро смеси стоило 3 руб. Найти количество воды, необходимой для смеси. Ответ 11 ведер.

Вычисление: К частному 44764:76 прибавить разность 67845 — 38609 и полученную сумму умножить на 65. Ответ: 1938625»¹¹.

Экзамен проводился 27 мая в 10.00 одновременно для выпускного отделения Сестрорецкого земского училища и частного училища Св. Зинкевича. Председателем экзаменационной комиссии был назначен почетный попечитель полковник Н.Е. Болонин при двух ассистентах «назначенных Училищным Советом: М. Г. Гопфенгауз и И.В. Орнатским». 9 июня «учитель Болонинской земской школы Ив. Иванов докладывает об отправке в Петербург экзаменационных тетрадей и протокола заседания экзамена».

В 1893 году на деньги Санкт-Петербургской Епархии построили церковно-приходскую школу (двухклассную). Ныне это музыкальная школа № 20 Сестрорецка.

Уже к концу XIX века процент грамотных среди сестроречан значительно возрастает и в «Материалах по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии» отмечено «грамотность среди мужчин в Сестрорецкой волости находится на уровне

¹¹ Там же

немецких поселений», что по тем временам считалось образцовым. И далее «общая грамотность населения приближается к ним, а грамотность детей школьного возраста - 80% среди мальчиков и 63% среди девочек»¹².

В конце XIX века бурно развивается промышленность в Петербурге. Хозяева крупных заводов и фабрик набирают рабочих из числа приходящих на заработки крестьян соседних губерний. Для их жительства строят дома («рабочие казармы»), образовательные школы (нужны грамотные рабочие), а для подготовки квалифицированных кадров — ремесленные школы. Не остается в стороне и Сестрорецк. Вот что пишет в своем представлении на имя попечителя Петербургского учебного округа директор народных училищ В. А. Латышев в январе 1896 года: «В начале текущего учебного года инспектор народных училищ 1-го района В.А. Семеко вошел в сношение с начальством Сестрорецкого Оружейного завода об учреждении при заводе нижней ремесленной школы. От 4 октября 1895 года за № 3519 начальник завода уведомил, что учреждение при заводе ремесленной школы для приготовления молодых людей из сельских обывателей Сестрорецкой волости преимущественно слесарному и столярному делу весьма было бы желательным и полезным ввиду того, что все дети сестрорецких обывателей по окончании курса в местной земской школе, по примеру своих отцов поступают на заводские работы без всякой подготовки к оружейному делу. Тогда от 8 декабря 1895 года за № 686, инспектор В. А. Семеко просил выяснить, на какое материальное содействие со стороны завода, единовременное или постоянное, можно было бы рассчитывать в случае учреждения при нем ремесленной школы низшего разряда»¹³.

Позднее организацию такой школы полностью берет на себя Военное министерство. Осенью 1900 года «Оружейная ремесленная школа» принимает первых своих учеников.

В 1900 году комиссия уездного собрания докладывает, что «дефицита школьных мест в Сестрорецкой волости нет». Одного не учли земские деятели — селение Сестрорецк разрастается и население его увеличивается. Были и другие мнения. В 1898 году член училищной комиссии уездного собрания докладывал: «За отсутствием попечителя Сестрорецкой школы г. Болонина присутствовал на устных испытаниях старшего отделения этой школы, где также произвел поверочное испытание младшего и среднего отделений. По поводу выпускных учеников Сестрорецкой школы Председатель (экзаменационной комиссии. — Авт.) замечает, что хотя ученики письменные работы исполнили хорошо и по устным испытаниям показали достаточные знания, но на отдельные вопросы отвечали очень плохо, вопросы они понимали, но отвечали на них с большим трудом — несвязно. По мнению председателя, это происходило от того, что в классе слишком много учеников (до

¹² Материалы Земства. СПб. 1887.

¹³ ЦГИА Ф. 139, Оп. 1, Д. 8543

РЕМСЛЕННАЯ ОРУЖЕЙНАЯ ШКОЛА

ПРИ СЕСТРОРЕЦКОМЪ ОРУЖЕЙНОМЪ ЗАВОДѢ

Аттестатъ

Данъ сей отъ Педагогическаго Совѣта Ремесленно-Оружейной школы на основаніи § 23 устава школы, ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 12 Мая 1899 года *Совѣту*

Сестрорецкаго сельскаго общества, Петропавловскаго уезда.

Владимиру Ивановичу Сурвилло, православнаго вѣроисповѣданія, родившемуся *Сентября 16* дня 1898 года, въ томъ, что онъ успѣшно окончилъ полный трехлѣтній курсъ ученія въ Ремесленно-Оружейной школѣ, гдѣ обучался наукамъ и ремесламъ: слесарному, *токаряному, кузнечному и столярному.*

и при *исполненіи* вѣдѣніи оказалъ успѣхи:

По Закону Божію *очень хорошо (11)* По Практ. Технологіи *очень хорошо (11)*

По Русскому языку *очень хорошо (11)* По Геом. черченію *отлично (12)*

По Ариметикѣ *хорошо (8)* По Рисованію *очень хорошо (10)*

По Геометріи *хорошо (9)* По Ремесламъ *очень хорошо (10)*

Во свидѣтельство чего и данъ ему, *Сурвилло*, сей аттестатъ за надлежащими подписями и съ приложеніемъ печати Сестрорецкаго Оружейнаго Завода.

Предсѣдатель Педагогическаго комитета:

Генерал-майоръ Дорощинъ

Члены комитета —

Коллеж-регистраторъ Павловъ

Полковникъ Чанаровъ

Полковникъ Суворовъ

Полковникъ Павловъ

Полковникъ Павловъ

Полковникъ Павловъ

преподаватели:

Завѣдующій школой:

Г. Мещеряковъ

Начальникъ завода:

Генерал-майоръ Сурвилло

Правитель канцеляріи:

Александръ Ивановичъ Сурвилло

с. Сестрорецка, Августъ 31-й дня 1914 г.

ПРИМѢЧАНІЕ. Окончившіе курсъ въ Ремесленно-Оружейной школѣ при Сестрорецкомъ Оружейномъ заводѣ и стѣжавшіе воинскую повинность въ частяхъ артиллеріи, на основаніи ст. 166 кн. VI Св. Воен. Пост. 1869 г., изд. 2-е (Прик. Воев. Вѣд. 1906 г., за № 152), имѣютъ право, по полученіи въ частяхъ артиллерійскихъ войскъ поармейской подготовки по исправленію матеріальной части артиллеріи, быть зачисленными при увольненіи въ запасъ особю категоріею „Техническихъ мастеровъ артиллеріи“.

Свидѣтельство Оружейной ремесленной школы

120) и, конечно, учителю нет возможности достаточно часто практиковать учеников в устных упражнениях»¹⁴.

В 1902 году «в виде опыта» при Сестрорецкой школе в здании волостного управления был открыт параллельный класс.

Хлопоты сестроречан продолжает Н. Н. Арсеньев, старший сын Варвары Николаевны Мосиной. Санкт-Петербургское Общество поощрения грамотности дает согласие организовать школу в Сестрорецке при условии сбора денег на строительство здания школы самими сестроречанами. Был заказан самый дешевый проект, а Министерство земледелия и государственных имуществ выделило участок вблизи ст. Разлив между полотном железной дороги и Петербургской улицей.

20 ноября 1904 года начальник Сестрорецкого Оружейного завода обращается в Санкт-Петербургское общество грамотности с письмом: «Имеющиеся в Сестрорецке две народные школы — земская и церковно-приходская — не в состоянии ежегодно принять всех детей школьного возраста и поэтому ежегодно отказывают в приеме до 60 детей. Вследствие этого в настоящее время насчитывается до 250 детей обоего пола в возрасте от 9 до 12 лет, не посещающих школу. Обе школы переполнены. Как последствие такового положения, ежегодно дети выходят из школьного возраста и остаются неграмотными. Выше приведенные цифровые данные говорят за необходимость открыть в Сестрорецке третью народную школу.

В минувшем октябре месяце член совета Сестрорецкой бесплатной народной читальни Николай Николаевич Арсеньев словесно сообщил мне, что С.-Петербургское общество грамотности пойдет навстречу этой нужде села, т.е. откроет в Сестрорецке школу и обеспечит ее дальнейшее существование при условии, если будут собраны средства на постройку здания школы. Об этом Н. Арсеньев осведомил и местных оружейников.

Сообщение Арсеньева мастеровые, рабочие и другие служащие в мастерских завода, как более других заинтересованные в осуществлении этого, очень сочувственно восприняли и с этой целью протоколами по мастерским постановили в течение трех лет жертвовать на устройство школы полную поденную плату одного дня в году. Подсчетом выяснено, что пожертвование это выразится за три года суммой около 3700 руб. 17 коп. Протоколы сами мастеровые представили мне и просили начать удержание с нынешнего года. Удержание за 1-й год будет произведено в наступающем декабре, и удержанные деньги будут сданы на хранение в сберегательную кассу государственного банка.

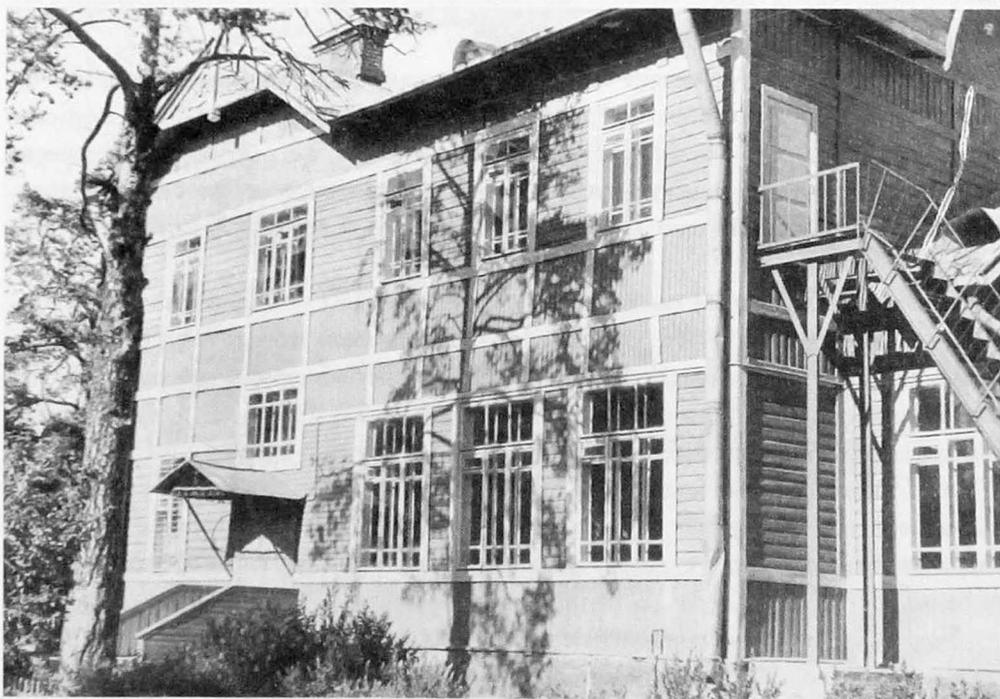
Уведомляя об этом, покорнейше прошу сообщить мне, действительно ли Общество грамотности откроет в Сестрорецке школу при условии предоставления ему лишь денежных средств на постройку здания под школу, и в утвердительном случае прошу указать, куда следует направлять деньги, пожертвованные мастеровы-

¹⁴ Сведения о начальных народных школах СПб уезда за 1897–1899 гг.

ми и рабочими завода»¹⁵.

Деньги сестроречане собрали значительно быстрее. Уже к осени 1905 года школа была построена. На первом этаже были рекреационный зал, библиотека, два классных помещения, раздевалка, два туалета и комната для сторожа. Вход в школу был с торца здания. На втором этаже, в мезонине — две квартиры для учащихся с общей кухней и комната для прислуги. Вход в жилые помещения был устроен со стороны железной дороги, там, где сейчас вход в здание. Газета «Котлин» писала: «В Сестрорецке 11-го сентября состоялось торжественное открытие у ст. Разлив школы С.-Петербургского общества грамотности при многолюдном стечении народа (рабочих, купцов и др.). В числе присутствующих были: товарищ Председателя СПб. Общества грамотности П.А. Сидоров, товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием Ф.П. Никитин, член Совета министерства нар. Просвещения М.Н. Былов, начальник завода Н.Г. Байцуров и прочие лица.

Депутация от села — волостной старшина, староста и судья — поднесли главному работнику по устройству школы Н.Н. Арсеньеву адрес и образ. Под звуки военной музыки было устроено рабочими торжественное шествие детей, более 120 человек, для которых было сделано рабочими угощение.

В этом здании располагалась Алексеевская школа Санкт-Петербургского общества грамотности. Фото 1960-х гг.

¹⁵ ЦГИА Ф.1290, Оп.1

Все торжество было организовано на средства местных рабочих, которые на постройку школы пожертвовали из своего заработка 4000 руб.».

Первым и единственным заведующим школой был Шершов Евгений Александрович. Вот что писал он в своих воспоминаниях: «На Разливе по Ленинградской улице, № 78, я был заведующим и преподавателем с 6 сентября 1905 г. в Алексеевской школе Петроградского общества грамотности. В 1911 г. она переименовалась в земскую Алексеевскую школу».

Кроме арифметики, чтения и правописания детей учили пению, рукоделию и закону Божию. Рукоделие преподавала супруга Евгения Александровича Анна Семеновна Шершова. Закон божий был обязательным предметом во всех учебных заведениях. Вел эти уроки протоиерей Николай Федорович Розанов.

Но даже несмотря на то, что благодаря стараниям сестрорецких оружейников школа была открыта, места для всех детей все равно было недостаточно. И тогда встает вопрос об открытии еще одной школы. Волостное правление выделяет помещение на Крещенской улице. Новую (2-ю земскую) школу планируют открыть с 1 октября 1905 года. Земство утверждает ее бюджет из расчета устройства двух отделений.

Вот такой была смета на содержание этой школы:

- Жалование преподавателям — 960 руб. (480x2):
- законоучителю — 200 р.;
- учителю пения — 100 руб.;
- обучение рукоделию — 100 руб.
- Материал для рукоделия — 50 руб.
- Ученические библиотеки — 30 руб.
- Мелочные издержки — 10 руб.
- Отопление — 225 руб.
- Освещение — 32 руб.
- Прислуга — 180 руб.
- Мытье полов и поставка воды — 50 руб.

Е.А.Шершов

- Вставка рам и очистка — 50 руб.
 - Учебники, руководства и пособия — 60 руб.
 - Канцелярские материалы — 50 руб. Итого — 2097 руб.
- 2-я земская школа располагалась в конце стадиона 324 школы.

В сентябре 1905 года в Канонерской дачной местности селения Сестрорецк Общество поощрения коммерческого образования открыло соединенное мужское и женское училище на даче, пожертвованной Е.Н. Шульц. Коммерческое училище должно было давать среднее образование подрастающему поколению жителей Сестрорецка. Коммерческие училища были приравнены к реальным и позволяли окончившим полный курс, поступать в технические институты и на некоторые факультеты университета.

Кроме обычного образования, коммерческие училища давали знания в области коммерции и торговли. Обучение в них было платным. В 1905 году смогли набрать только первый класс, а второй обещали открыть по мере поступления учащихся.

Здание училища сохранилось до наших дней по адресу Садовая, 42. После 1918 года в нем была открыта 1-я единая трудовая школа 2-х ступеней (9 классов), а после 1947 года областное педагогическое училище. В 1907 году, в Разливе, рядом со школой Общества Грамотности построили 2-этажное кирпичное здание Высшего народного городского училища, входившего в систему Министерства народного просвещения. Было оно 4-классным и обучение в нем было платным. Бесплатно в нем могли учиться только дети учителей (любых школ) и свя-

Коммерческое училище. Открытка конца XIX века

СЕСТРОРЪЦКІЯ КОММЕРЧЕСКІЯ УЧИЛИЩА.

Сестрорѣцкія Коммерческія училища помѣщаются вблизи ст. Ермоловской Приморской жел. дороги—въ 25 верстахъ отъ Петербурга, у берега моря. Они окружены соновымъ лѣсомъ, покрывающимъ высокія песчаная дюны, и занимаютъ одно изъ самыхъ высокихъ мѣстъ на площади въ 20 кв. верстѣ.

Песчаная почва быстро впитываетъ въ себя дождевую воду и тающую снѣгъ.

Эти географическія и геологическія условия создали совершенно иныя, сравнительно съ Петербургомъ, климатическія условия—отсутствіе сырости и тумановъ, полную прозрачность атмосферы, большое количество солнечныхъ дней при постоянной чистотѣ воздуха, насыщеннаго ароматомъ сосноваго лѣса.

Всѣ помѣщенія училища построены съ соблюденіемъ гигиеническихъ условий—громадный заль, широкіе свѣтлые корридоры, просторныя и свѣтлыя классы, вентиляція фрамугами типа санаторскихъ, электрическое освѣщеніе. Обширный садъ.

Училища частью снабжены, частью постепенно снабжаются всѣми необходимыми учебно-воспитательными учрежденіями: библиотекой, музеемъ товаровѣдѣнія, специальными классами, кабинетами, лабораторіями.

При училищахъ состоитъ врачъ и фельдшерца.

Сестрорѣцкія Коммерческія Училища находятся въ вѣдѣніи Министерства Торговли и Промышленности.

Онѣ имѣютъ цѣлью дать: 1) законченное общее образование, достаточное для продолженія образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, 2) специальное, призывное на поприщѣ практической торгово-промышленной дѣятельности, 3) создать способныхъ къ труду, здоровыхъ тѣломъ и духомъ работниковъ.

Полный курсъ ученія продолжается въ семь лѣтъ. Обученіе дѣвочекъ и мальчиковъ совмѣстное.

Въ училища принимаются мальчики до IV класса включительно, дѣвочки до VI класса включительно.

По возрасту въ I классъ училищъ принимаются дѣти отъ 9 до 12 лѣтъ, въ остальные классы соответствующаго возраста. Никакія отступленія не допускаются.

При поступленіи въ высшія учебныя заведенія окончившіе полный курсъ училищъ пользуются: ученики—правами, предоставленными окончившимъ курсъ реальныхъ училищъ, ученицы—правами, предоставленными окончившимъ курсъ женскихъ гимназій.

Ученики, окончившіе полный курсъ училища, удостоиваются званія личнаго почетнаго гражданина; окончившіе курсъ съ отличіемъ удостоиваются званія кандидата коммерціи.

Окончившіе курсъ IV класса училища имѣютъ право, при поступленіи на государственную службу, на производство въ первый классный чинъ безъ испытанія.

Плата за ученіе—100 рублей въ годъ.

Предсѣдатель Попечительнаго Совѣта:
Сенаторъ *В. Милантовъ*.

Директоръ училища: Дѣист. Ст. Сов. *С. Г. Езоровъ*.
Секретарь: *А. Шутовъ*.

ПРОГРАММЫ, ПРОСПЕКТЫ И ВСѢ ДРУГІЯ НЕОБХОДИМЫЯ СВѣДѢНІЯ ОТНОСИТЕЛЬНО УЧИЛИЩЪ И ОБЩЕЖИТІЯ ПРИ НИХЪ, ВЫСЛАЮТСЯ КАНЦЕЛЯРІЕЙ ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНІЮ.

СПБ., Приморская жел. дор., ст. „Ермоловская“

Реклама училища

щенников. Инспектором (директором) училища был назначен Владимир Александрович Александров, руководивший им до начала 1918 года. Занятия начались 21 ноября, в двух классах к занятиям приступило 47 учеников (не старше 13 лет). Из первого приема, через 4 года, училище окончило только 19 человек. Остальные были отчислены за неуплату, по болезни и плохой успеваемости. С 1907 по 1916 годы в училище было принято в разные классы 450 детей из семей разного вероисповедания.

Через несколько лет в здании Международного католического приюта «Марианум» на Выборгской улице открыли школу-приют для детей-католиков.

В начале XX века, кроме общеобразовательных школ (двух земских, церковно-приходской, Алексеевской общества Грамотности и частной школ), действовали: ремесленная оружейная школа Оружейного завода (прообраз нынешнего профессионального училища №120), вечерняя одноклассная школа для взрослых и чертежные классы Рисовальной школы Общества поощрения художников. Интересно, что чертежные классы были организованы по инициативе Н. К. Рериха, который одно время был директором школы.

Позволю себе закончить рассказ об истории народного образования в селении Сестрорецке перечнем учебных заведений, работавших в начале XX века:

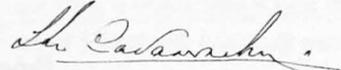
ИМПЕРАТОРСКОЕ
ОБЩЕСТВО ПОощРЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЪ,
СОСТОЯЩЕЕ ПОДЪ ПРЯСОСРЕДСТВЕННЫМЪ.
ВЫСОЧАЙШИМЪ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
И
ГОСУДАРИНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

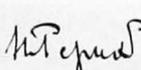
С В И Д Ъ Т В Ъ Л Ъ С Т В О

Мая 16 дня 1902 г.
№ 155

С.-Петербургъ, Б. Морская, 38.

Сіе дано ученику Сестрорѣцкаго Отдѣленія Рисоваль-
ной Школы ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Поощренія Худо-
жествъ М и х а и л у З а х а р о в у въ томъ, что
онъ въ теченіи 2 1/2 лѣтъ въ послѣдовательномъ по-
рядкѣ успѣшно прошелъ курсъ рисованія и черченія въ
вышеозначенномъ Отдѣленіи.

Директоръ Школы

Секретарь Общества

Свидетельство М.Захарова

1. Объединенное коммерческое училище.
2. Городское 4-классное училище для мальчиков и девочек.
3. Болонинская земская народная школа.
4. 1-я земская народная школа.
5. 2-я земская народная школа.
6. Сестрорецкая народная школа Общества Грамотности (Алексеевская).
7. Церковно-приходская школа.
8. Сестрорецкие общеобразовательные курсы для взрослых (вечерняя школа).
9. Чертежные классы при Болонинской школе.
10. Оружейная ремесленная школа Сестрорецкого Оружейного завода.

Медицинское обслуживание

Жизнь заводского поселения Сестрорецк была тесно связана с быстро растущим городом Санкт-Петербургом. Медицинское обслуживание осуществлялось согласно воинскому уставу и положению о военных заводах. Как правило, был заводской врач или просто фельдшер, санитар и в лучшем случае помощник из служивых. Обратимся к некоторым фрагментам истории медицинского обслуживания России.

В первой половине XVIII века лекарей готовили во врачебных школах при военных госпиталях. В Петербурге было два «гошпиталя»: «сухопутный» и «адмиралтейский». В школах при них преподавали приглашенные из-за границы медики и русские врачи, обучившиеся за рубежом. Здесь изучали анатомию и физиологию, химию, хирургию, ботанику, фармакологию и другие дисциплины. Ученики проходили практику в госпиталях. В 1786 году обе школы объединили в одну, и в ней тогда обучалось около 50 учеников.

В 1798 году Указом императора Павла I медицинская школа при госпитале была преобразована в Медико-хирургическую академию. Специально для академии на Выборгской стороне было построено здание (1798 год, архитектор А. Порто). В 1800 году в Медико-хирургической академии начались учебные занятия. В соответствии с уставом здесь готовили врачей, ветеринаров и фармацевтов. Подчинялась академия Министерству народного просвещения.

В 1808 году Медико-хирургической академии было дано название императорской. В ней ввели преподавание «судной медицины», «медицинской полиции» и передали академию в ведение Министерства внутренних дел, а в 1838 году — Военному министерству, и ее главной задачей стала подготовка военных врачей. Медико-хирургическая академия являлась единственным высшим медицинским учебным заведением в Петербурге. Президентом Медико-хирургической академии был с 1808 года в течение тридцати лет лейб-хирург Я. В. Виллие.

В 1881 году Медико-хирургическая академия была преобразована в Военно-медицинскую академию. Академия стала не только главным центром медицины в стране, но и крупнейшим центром естественных наук, где работали известные биологи и химики.

На протяжении XIX века Медико-хирургическая (с 1881 года — Военно-медицинская) академия была центром медицинской науки в России. Здесь сложились клинические научные школы Н. И. Пирогова, С. П. Боткина, Н. М. Амбодик-Максимовича, Н. В. Склифосовского, В. М. Бехтерева и др. Академия обеспечивала научными и педагогическими кадрами создававшиеся в Петербурге исследовательские и учебные заведения. В 1858 году был организован Институт врачей в Медико-хирургической академии (с 1885 года — Институт усовершенствования врачей), а в 1872-м — курсы «ученых акушерок» (с 1897 года — Женский медицинский институт, затем — Санкт-Петербургский медицинский институт им. И. П. Павлова). В 1890 году на частные средства было создано первое российское медицинское научно-исследовательское учреждение — Институт экспериментальной медицины, большинство отделов и лабораторий в нем возглавили воспитанники Военно-медицинской академии.

Ответственность за санитарный надзор в Петербурге несла полиция, при которой с 1868 году существовала специальная санитарная комиссия. Но полиция плохо справлялась с этой задачей, и во время эпидемий правительство каждый раз прибегало к помощи городского общественного управления. Для борьбы с эпидемией тифа в 1878 году Думой была образована Комиссия общественного здоровья, которой было поручено также и проведение в городе санитарных мероприятий. Разделив город на участ-

Портрет военного врача.
Художник Ф. Крюгер

тки между санитарными врачами, Комиссия производила осмотр частных домов, рынков, торговых и промышленных заведений. На весь Петербург в 1893 году было всего 11 санитарных врачей.

С 1882 году Комиссией общественного здоровья был организован постоянный санитарный надзор за школами и учащимися, для чего были приглашены специальные женщины-врачи. Однако число школьных, как и число санитарных врачей¹ было до смешного мало: в 1893 году на весь город было всего 10 школьных врачей, каждый из которых должен был обслуживать по 30 училищ.

Так же плачевно было и положение с лечебными заведениями. Правда, в Петербурге существовали в это время десятки разного рода лечебниц, больниц, госпиталей, но все они принадлежали разным ведом-

¹ Авсеенко. В.Н. История города С.-Петербурга в лицах и картинках 1703-1903. СПб., 1993.

ствам или частным лицам. Частные лечебницы, которых в 1865 году было в Петербурге свыше 30, взимали большую плату за лечение и поэтому были совершенно недоступны для трудового населения. Так, в родильном доме доктора Баландина с рожениц брали 25—100 руб. серебром, что являлось громадной суммой по ценам того времени, когда мелкий чиновник получал в месяц всего 20—25 руб. серебром.

Но и ведомственные лечебницы, несмотря на то, что многие из них содержались на средства благотворительности, редко лечили бесплатно. Так называемая «больница для чернорабочих» содержалась за счет специального налога на трудовое население, взимавшегося при выдаче адресных билетов. В Мариинской больнице для бедных было платное отделение, где брали за лечение 35 руб. в месяц.

Неудовлетворительная постановка здравоохранения в Петербурге увеличила опасность эпидемий. Однако правительство даже и после введения нового городского положения не собиралось передавать лечебные заведения в ведение городского общественного управления.

Лишь эпидемия холеры 1877—1878 годов заставила правительство изменить свою позицию. В 1882 году на средства города была учреждена барачная больница для тифозных больных на 300 коек².

Через два года, в 1884-м, царское правительство решилось, наконец, передать Городской Думе больницы, находившиеся в ведении Попечительного совета Ведомства императрицы Марии. В числе их находились заведения, принадлежащие когда-то Приказу общественного призрения. В том же году городу были переданы временные больницы полицейской санитарной комиссии. Всего в ведение Думы поступило четыре городские больницы на 4339 коек и две загородные на 560 коек, а также одна богадельня. Среди этих больниц находились такие, как Обуховская, Петропавловская и др. Город содержал в то время 41 родильный приют, но во всех них было всего 50 коек³.

Это упорядочило постановку лечебного дела в столице. Во главе медицинской части городских больниц встал такой выдающийся русский ученый, как С. П. Боткин⁴ который поставил лечебную часть на строго научную основу. По его инициативе при Городской Думе были учреждены должности думских врачей, на обязанности которых лежало оказание бесплатной медицинской помощи населению. Амбулаторный прием производился также и при больницах.

Ограниченность средств, выделявшихся Думой на здравоохранение, не давала возможности проведения в этой области крупных мероприятий. Количество думских врачей было ничтожно. В 1893 году их было всего 24 на весь город. В конце этого года в Петербурге значилось всего 11 думских больниц на 5035 коек и 10 родильных

² Даринский А.В. Высшие учебные заведения старого Петербурга. СПб., 2002. С.24-25.

³ Книга о Санкт-Петербурге. Учебное пособие. СПб, 1997.

⁴ Очерки истории Ленинграда. Т.2. Период капитализма. Вторая половина XIX века, с. 836.

домов на 80 коек. В то же время частных и ведомственных лечебных заведений в столице было свыше 70. Для миллионного населения Петербурга число городских больниц было явно недостаточно.

На Сестрорецком Оружейном заводе рабочий, страдающий каким-либо заболеванием или получивший на заводе травму, лечился заводским врачом на дому. На содержание больного заводская казна выделяла 3 копейки в день (до выздоровления). Женщины и дети лечились домашними методами. В 1748 году при заводе открылся первый лазарет на 50 коек. На содержание больного в лазарете вычитывалась половина получаемого им провианта и заработка. Незначительные денежные начисления выдавались больному на приобретение необходимых лекарств. Однако это несколько не улучшало положения сестрорецких рабочих.

В 1808 году лазарет переоборудовали в полугоспиталь на 77 коек для больных мужского пола. Мальчиков начинали лечить только с восьмилетнего возраста, а женщин, девочек и мальчиков младше 8 лет лечили на дому доктора из лазарета.

В 1884 году под земскую больницу были переданы Никольские казармы. Весь штат этой больницы состоял из врача, фельдшера и акушерки.

Начало деятельности почты в Сестрорецке

Ко времени основания Санкт-Петербурга почтовые связи в России осуществлялись ямской гоньбой, которая представляла собой конную эстафету для пересылки правительственной корреспонденции и перевозки курьеров. Уже в 1704 году были устроены почтовые станы (ямы) между крепостью на Неве и Новгородом, а в 1707-м — до Олонца и Старой Руссы. В 1714 году в Петербурге был основан Почтовый двор и установлен «правильный ход почт» по московскому и рижскому трактам; в 1719-м учреждена регулярная почта до Выборга (раз в неделю). 1720 год — год создания ординарной почты для пересылки указов; на ямскую же почту был разрешен прием частной корреспонденции. По указу Петра I, в 1722 году учреждается Генеральный почтамт. К 1763 году почты из столицы отправлялись по шести трактам, в т.ч. Выборгскому. Развивались связи и с пригородами: с 1758 года — доставка почты в Кронштадт, с 1771-го — колясочная почта в Царское Село и Петергоф. Согласно штата 1799 года, в ведении столичного почтамта находились 67 почтовых контор и экспедиций восьми губерний, включая Выборгскую. Всего же в России к началу XIX века было 458 учреждений. Манифестом 08 сентября 1802 года Главное Почтовое Управление было передано в МВД и с 1811 года преобразовано в Почтовый Департамент. С 1820 года в летнее время работала ежедневная почтовая связь с Царским Селом и Павловском. По «Положению об устройстве почтовой части» 1830 года, деятельность столичного почтамта ограничилась Петербургской губернией: ему подчинялись 10 уездных контор I—III класса.

Уже с начала XIX века почтовое ведомство искало способы для удовлетворения растущей потребности населения в почтовых сношениях. В период 1821—1841 годов в столице начали работу шесть городских почтовых отделений. Впервые в 1832 году, для удобства дачников, на лето были открыты четыре временных почтовых отделения, в т.ч. в Новой Деревне и 1-м Парголово. С 1838 года началась перевозка почты по Царско-сельской железной дороге. Для расширения сети учреждений было решено использовать почтовые станции (конные) — по России их насчитывалось более 3000, на которых имелись смотрители. Циркуляром 19 сентября 1833 года открылись прием и выдача писем на первых из них. Так называемая «сельская почта» учреждалась на трактах, в местах торговых со значительным населением. В 1842 году все станции передали в ведение

Почтового Департамента; их количество с почтовыми операциями возросло до 400.

В 1850-е годы «сельская почта» начала действовать на Белоостровской почтовой станции Выборгского тракта, близ кирхи лютеранского прихода Валкеасаари. Известно, что в 1860 году почта по тракту отправлялась из почтамта Петербурга три раза в неделю: понедельник, среду и субботу, «от 2 до 4 часов пополудни». Станция в Белоостровье (так в реестрах) в этот период осуществляла прием и выдачу «всякого рода корреспонденции», к которой относились: частные письма, казенные пакеты, денежная и страховая корреспонденции, бандероли, посылки, периодическая печать.

Сестрорецк же, до 1870-х годов оставался в стороне от линии почтовых перевозок, а его жители были лишены удобств почтовой связи. Впрочем, тогда ей пользовались в основном люди торговые. Обывателям приходилось, при крайней необходимости, добираться до Белоостровской почтовой станции (а то и до столицы), теряя время и заработки. Поэтому письма посылались «с оказией», которая случалась редко и не давала гарантии в доставке. Безусловно, это не относилось к казенной переписке Оружейного завода. Корреспонденция военного ведомства отсылалась безотлагательно или верховыми одноконными курьерами или с фельдъегерями в бричках: изначально — по Выборгскому тракту, а с 1790-х годов и по устроенной дороге через Лисий Нос и Лахту. Для этих целей завод имел почтовых лошадей, содержащихся на «общественный заводской капитал», взносы в который делали за право торговли местные маркитанты.

Значительно облегчило почтовое сообщение местности со столицей открытие в феврале 1870 года участка Санкт-Петербург — Выборг Финляндской железной дороги и ее ветви от Белоострова до Сестрорецка в ноябре 1871 года.

Вот некоторые этапы развития почтовой связи в Сестрорецке.

1870 г. — на ж. д. станцию Белоостров разрешена пересылка корреспонденции (первоначально с кондукторами пассажирских поездов писем и газет, которые хранились у начальника станции до явки за ними получателей).

1871 г. — на Белоостровской конной станции прекращены почтовые операции.

1871 г. — несмотря на бедственность положения после пожара 1868 года, сход Сестрорецкого сельского общества решил принять «на свой счет отвод для приема корреспонденции и станционного смотрителя надлежащего помещения с отоплением и освещением». Общество обязалось оплачивать и перевозку почт. Им было внесено

АЛЮСА

Верховой курьер. XVIII в.,
художник Р. Комса. 2003 г.

75 руб. «на первоначальное обзаведение пункта необходимыми для делопроизводства вещами и мебелью» и 120 руб. (на три года вперед) на канцелярские и упаковочные материалы. Не исключено, что помощь в этом деле оказал арендатор завода О. Лиенфельд.

1872 г. — в Сестрорецке открыта почтовая станция «приема разного рода корреспонденции». Надзор за «работой и благочинием» возложен на смотрителя — обычно им был не имеющий чина, но пользующийся правами чиновника 14-го класса, при мундире и шпаге. Ему подчинялись два почтальона, из местных жителей, которым предписывалось быть «крепкого телосложения, грамотными и благонадежными». После взвешивания принятой корреспонденции и проверки оплаты за нее смотритель заносил время подачи в журнал и накладывал на конверт штампель с обозначением названия станции. Вторым оттиском «уничтожались» почтовые марки. В 1872—1875 годах за пересылку закрытого письма в границах С.-Петербургского уезда бралось «5 коп. за первые 2 лота и 5 коп. за каждый последующий лот веса письма» (лот — 12,8 г). Вся почта заделывалась в общий поспакет и отсылалась в кибитке, под охраной вооруженного почтальона, на белоостровский вокзал, где передавалась в почтовый вагон поезда.

1872 г. — прокладка телеграфной линии вдоль полотна железной дороги от Белоострова до Сестрорецка «на воздушных столбах». Обустройство телеграфной станции (ТС) в здании вокзала ж. д. станции Сестрорецк.

Декабрь 1872 г. — открытие пассажирского движения по ветви Сестрорецк — Белоостров. Не исключено, что перевозка почты до ст. Белоостров и обратно стала осуществляться поездом.

11 мая 1873 г. — циркуляр Телеграфного Департамента № 52 об открытии на ж. д. станции Сестрорецк приема депеш (телеграмм) внутренней корреспонденции.

В здании вокзала, построенного на Песках, под ТС было отведено три поме-

Фельдъегерь. XIX в., неизвестный художник с рис. А.О.Орловского

Почтальон. И.С.Щедровский, Литография, 1846 г., Государственный Русский Музей

Адресная сторона открытки, полученной в Сестрорецке 22 августа 1899 г.

щения с размерами в аршинах (1 арш. = 0,71 м): жилое (9x14) для дежурного телеграфиста; конторское (10x16), где шел прием посетителей, хранились бланки, ленты, депешные журналы, книги учета и висела карта телеграфной сети Империи; аппаратное (9x16) с «чернопишущим» аппаратом системы Морзе, снабженным коммутатором, гальваноскопом, громоотводом и зарядными батареями. Над входом была обязательная вывеска: «ТЕЛЕГРАФ». Режим работы первоначально определили как «полного дневного действия», т.е. с 7.00 до 21.00 ежедневно, но с ноября 1873 года прием депеш стал производиться «с 9 до 12 утра и от 2 до 7 часов вечера». Сестрорецкая ТС входила в 1-й тарифный пояс: стоимость депеши до 20 слов в Петербург стоила 50 коп. — цена по тем временам немалая.

1876 г. — в реестре телеграфных станций железных дорог появилось название: «Портовая» на ветви Сестрорецк — Портовая Сестрорецкой железной дороги, с пометкой «еще не открыта».

1878 г. — доходность почтовой станции в Сестрорецке превысила 2250 руб. в год, и она была преобразована в почтовое отделение (ПО). Его местоположение точно не известно; согласно почтовым справочникам: «в 143 саженьях (305 м) от одноименной станции железной дороги». Вероятно, в центре селения, близ рыночной площади. Почтовые операции ежедневно осуществлял чиновник — приемщик, ведя «подавательские» книги. До 1883 года на этой должности состоял коллежский регистратор Степан Васильевич Васильев. Простые письма разносились в пределах

села в течение суток; адресованные в округу — оставались в ПО до востребования. При получении денежной корреспонденции адресату высылались объявления (повестка). В учреждении имелся календарный штемпель круглой формы, образца 1860 года, с обозначением названия ПО и переводной датой в три строки.

1883 г. — на должность приемщика ПО из столичного почтамта переведен неимеющий чина (в дальнейшем коллежский регистратор) Константин Дмитриевич Морошкин.

28 мая 1885 г. — Высочайшее Повеление о слиянии Почтового и Телеграфного Департаментов МВД в единое учреждение — Главное Управление Почт и Телеграфов (ГУПиТ) — и преобразовании местных учреждений. Начальником ГУПиТ было «повелено быть» генерал-майору Н. А. Безаку.

1 октября 1885 г. — образован Санкт-Петербургский почтово-телеграфный округ. Его возглавил тайный советник П. Н. Глаголев. В состав округа вошло и ПО в Сестрорецке.

20 сентября 1886 г. — в связи с банкротством Общества Сестрорецкой ж. д., на станции Сестрорецк прекращено телеграфное действие. До конца года станция была официально упразднена. Тем самым селение и завод лишились как железной дороги, так и телеграфа.

Конец 1886 г. — начало 1887 г. — интенсивная переписка начальника Оружейного завода генерал-майора Соколова с военным ведомством, а последнего с ГУПиТ о крайней необходимости телеграфа для жизнедеятельности предприятия. Было решено провести линию от ближайшей государственной станции телеграфа в Шувалово, учрежденной в 1881 г. и работающей только в летний сезон, главным образом для нужд дачников.

1 июня 1887 г. — окончание строительства линии телеграфа: от Шувалово до Белоострова она шла вдоль насыпи Финляндской ж. д.; далее до селения, предположительно по трассе бывшей Сестрорецкой ж. д.

Июль 1887 г. — «при почтовом учреждении в Сестрорецке открыто телеграфное действие с приемом телеграмм внутренней корреспонденции». Провод, соединивший Сестрорецк через Шувалово с Главной телеграфной станцией (Почтамтская ул., д.14) получил официальный номер — 982. Режим работы для одного аппарата Морзе был принят «L», т.е. 8-часовой. Согласно архивным данным, ПО в этот период занимало три комнаты в частном доме некоего лица на правах найма.

1 августа 1887 г. — для начавшего действовать де-факто почтово-телеграфного отделения (ПТО), выданы: печати, штемпеля, вывеска и именные вещи, в т.ч. знаки для фуражек почтальонов из «белой латуни». Для обработки почтовой корреспонденции в ПТО стал применяться штемпель круглой формы, диаметром 26 мм, с указани-

Оттиск штемпеля вагонного почтового отделения Приморской ж.д.

ем наименования учреждения, местонахождения и сменной календарной датой в три строки. Известен штемпель с цифровыми литерами «1». Скорее всего, существовал и с литерами «2».

23 июля 1888 г. — циркуляром № 49 введен в действие с 01.08.1888 г. временный штат Сестрорецкого ПТО, в составе:

- начальника — чиновника IX класса (жалованье 360 руб. в год и столовые 90 руб. в год),
- чиновника 6-го разряда низшего оклада (жалованье 300 руб. в год),
- двух почтальонов (по 174 руб. в год),
- сторожа (120 руб. в год).

ПТО работало ежедневно, кроме праздничных дней. Прием телеграмм и почты, продажа марок, конвертов, бланков открытых писем проходили в 8 утра до 2 часов дня и с 5 до 7 часов вечера; в воскресенье с 9 до 11 утра и два часа вечером.

9 сентября 1888 г. — приказом по МВД «исправляющим должность начальника ПТО» назначен с 1 августа 1888 года «не имеющий чина» приемщик сестрорецкого почтового отделения Александр Иванов.

23 августа 1889 г. — указом Сената по Департаменту Герольдии № 92, А.Иванов произведен в коллежские регистраторы, с 17 октября 1887 года.

6 ноября 1889 г. — приказом по МВД А.Иванов утвержден в должности начальника ПТО в Сестрорецке.

20 марта 1891 г. — А. Иванов произведен в губернские секретари.

1892 г. — в этом году, по архивным данным, ПТО располагалось на правах аренды (300 руб. в год) в доме Василия Петровича Верещагина — художника, действительного статского советника. На первом этаже находились: конторское и аппаратное помещения, подсобные, кладовые, комната почтальонов. Второй этаж был отведен под жилье чинов ПТО. При входе имелась вывеска — железная пластина длиной 1 аршин (0,71 м) и шириной 8 вершков (0,35 м), окрашенная в синий цвет с желтым ободком, с изображением герба, почтово-телеграфного знака и текстом белыми буквами: «ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ».

14 февраля 1892 г. — установлен новый образец доплатного штемпеля: двойной овал с указанием местности нахождения учреждения. Таковой был изготовлен и для ПТО в Сестрорецке. Оттиск штемпеля встречается на почтовых отправлениях редко,

Оттиски штемпелей учреждений почты и телеграфа Сестрорецка в XIX в.

в основном на письмах 1901–1914 годов.

6 апреля 1894 г. — А.Иванов произведен в коллежские секретари.

3 марта 1895 г. — чиновник 6-го разряда Иванов (однофамилец начальника) переведен на должность начальника ПО в Эстляндскую губернию.

1895 г. — на участке С.-Петербург — Сестрорецк Приморской ж. д. начата перевозка почты и чинов ведомства, согласно параграфа 12 Устава Общества. Вагон (изначально один), оборудованный специальным купе для размещения почтового отделения, отправлялся в составе поезда по маршруту не менее двух раз в день, благодаря чему утреннюю почту из столицы адресат в Сестрорецке получал не позже вечера того же дня. Почту сопровождал разъездной почтальон. Им обрабатывались письма, принимаемые по пути следования из почтовых ящиков, установленных на платформах. Для гашения корреспонденции в вагоне применялись специальные металлические штемпеля, относящиеся к разряду железнодорожных. Первый был диаметром 28 мм, с названием железной дороги и маршрута, сменной календарной датой и цифровыми литерами «1». Наиболее ранний его оттиск, которым располагает автор, имеет дату 27.01.1901 г. Штемпель имел хождение длительный срок — до 1911 г.

14 мая 1896 г. — начальник ПТО А. Иванов «за отличия по службе» Высочайше награжден Орденом Святого Станислава 3-й степени.

24 мая 1896 г. — циркуляром № 32 с 01 июня 1896 года ПТО возведено в ранг почтово-телеграфной конторы (ПТК) VI класса; годовая доходность превысила планку в 3000 руб. В штат учреждения был добавлен чиновник 6-го разряда высшего оклада (360 руб. в год). Увеличились жалованья: начальника (до 600 руб.) и почтальонов (до 204 руб.). Были изготовлены новые печати и штемпеля. Штемпеля образца 1890 г. (с крестообразной датой) известны двух типов: большой — диаметром 27,5 мм, с литерой «1» для «пометы корреспонденции» и малый — 24 мм, с литерой «2» для квитанций (изредка им гасились и письма). Их заменили по причине износа лишь на рубеже 1907–1908 годов. До 1901 года, наряду с черной, для штемпелей применялась краска и синего цвета. Видимо в это время учреждение перевели на Дубковское шоссе, к вокзалу Приморской ж. д., в дом купца Кучумова.

21 февраля 1897 г. — А. Иванов произведен в титулярные советники.

12 июня 1897 г. и 15 февраля 1899 г. — циркулярами начальника ГУПнТ в штат ПТК добавлено по одному почтальону. Вероятно, с начавшимся дачным бумом (Новые места, Канонерка, Заречье), имеющиеся в штате два почтальона уже не справлялись с объемом разносимой корреспонденции.

Таким образом, к началу XX века, в штате ПТК Сестрорецка числились: три чиновника (включая начальника), четыре почтальона и один сторож-рассыльный.

20 марта 1900 г. — Высочайшим приказом по Гражданскому ведомству № 19 А.Иванов «произведен за выслугу лет со старшинством из титулярных советников в коллежские асессоры».

Почта и лавки на Дубковском шоссе. Открытка конца XIX века

24 января 1901 г. — приказом по МВД № 4 начальник сестрорецкой ПТК Иванов переведен на должность начальника ПТК V класса в Устюжну, а на его место с 10 января 1901 года назначен начальник Святогорского ПТО Георгий Евцихевич.

Май 1901 г. — В ПТК начат прием международных телеграмм.

С открытием в 1900 году Сестрорецкого Курорта, значительно возросла потребность в почтовом и телеграфном сообщении, включая с зарубежными странами. До июля 1902 года — даты начала работы ПТО в самом Курорте — вся нагрузка лежала на служащих сестрорецкой ПТК.

В заключение уместно будет упомянуть об учреждениях почты и телеграфа, начавших работу в последней четверти XIX — начале XX века в близлежащих к Сестрорецку местностях:

1873 г. — телеграф на ж. д. станции Белоостров;

1874 г. — телеграф и почтовая экспедиция (ПЭ) на ж. д. станции Райвола;

1875 г. — телеграф на ж. д. станции Терийоки;

1882 г. — почтовая станция (с 1887 г. — ПЭ) на ж. д. станции Терийоки;

1889 г. — открыт прием почтовой корреспонденции на лето (с 1895 г. — постоянно) на конной почтовой станции Ваммельсуу;

1889 г. — почтовая станция на лето (с 1894 г. — постоянно) в селе Райвола;

1891 г. — ПЭ на лето (с 1894 г. — постоянно) на шоссе между Терийоки и Тюрисева;

1892 г. — телеграф и ПЭ на лето (с 1896 г. — постоянно) на ж. д. п/станции Куоккала;

- 1892 г. — впервые открылось на лето телеграфное отделение на Лахте;
1899 г. — впервые открылось на лето телеграфное отделение в селении Терийоки;
1899 г. — почтовый остановочный пункт в Йоутселькя (Симагино), под названием Раяйоки;
1902 г. — ПТО в Сестрорецком Курорте;
1903 г. — телеграф и ПЭ на ж. д. п/станции Келломяки;
1903 г. — почтовое отделение на ж.д. станции Белоостров.

Пути — дороги

Когда Петр I затеял строительство резиденции в Дальних Дубках, он не задумывался о сухопутных дорогах. Для него «самым простым» и любимым был морской путь. Вот и получилось, что и Дальние Дубки и более поздняя стройка на реке Сестре удобных транспортных связей с молодой столицей не получили. На одном из первых планов окрестностей Сестрорецких заводов указаны дороги на Лисий Нос, Новоселки и Редуголь.

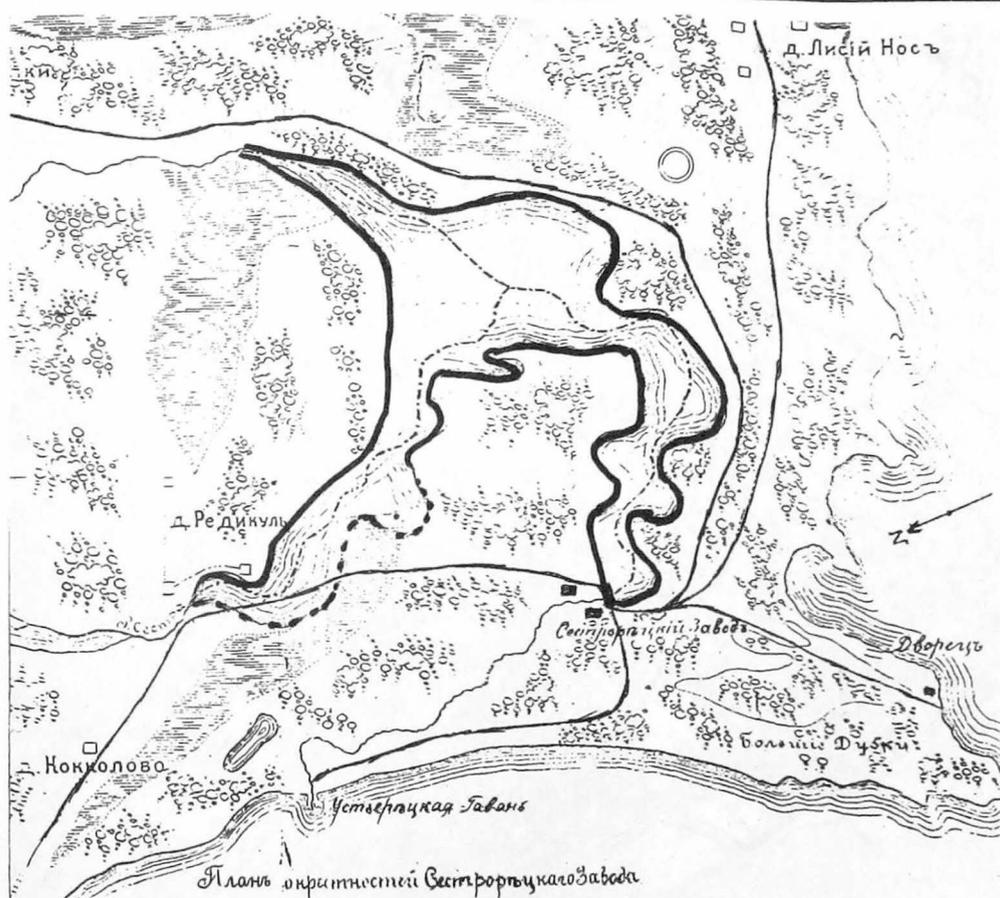
За Лисьим Носом, у мызы Лахта, дорога упиралась в горло лахтинского разлива, через которое можно было переправляться только зимой по льду. Потому пользовались более удобным путем. Перед Лисьим Носом дорога поворачивала в сторону и через речку Черную, мимо Дыбунского чугуноплавильного завода выходила на Выборгский тракт, проложенный еще во времена новгородские.

Дорога не близкая, 60 верст, но добраться до Петербурга удавалось. «Правда, на всем своем протяжении, окруженная болотами и во многих местах пересеченная небольшими речками, дорога представляла невозможный путь: дожди, весенние воды превращали ее на всем протяжении в сплошную массу, затруднявшую движение прохожего и проезжего»¹.

Нелишне вспомнить и о том, что для доставки грузов на заводы морем была построена Усть-Рецкая пристань, где их перегружали на плашкоуты — баржи — и бечевой поднимали до завода. Екатерина II 2(13) июля 1785 года изволила посетить Сестрорецкие заводы и обратила внимание на «дурное состояние дороги». Через полгода она повелела проложить новый кратчайший и удобный путь. Специальная комиссия предложила короткий путь вдоль берега Финского залива через деревни Лахту и Лисий Нос. На ее строительство выделили 25000 рублей. «Для наблюдения за дорогой от заводов содержались служители, которые постоянно находились в построенных для них будках»¹.

У Лахты там, где в наши дни находится пост ГИБДД, был построен деревянный полукилометровый мост через горло Лахтинского Разлива. Но радовал проезжих этот мост недолго. Напором льда поздней осенью 1792 года он был разрушен до основания. Летом следующего года устроили плашкоутную переправу, перетягивая их с бе-

¹ Оружейный сборник. 1903. №1. С. 15

План окрестностей Сестрорецкого завода 1732 г.

рега на берег с помощью каната. Петербургское земское правление, владевшее этой дорогой с 1792 года, построило новый мост. И опять... Наводнением 7(19) ноября 1824 года его вновь разбило вдребезги. Поэтому с обоих берегов устроили гати и только в самом глубоком месте сохранили мост. Дорога из Петербурга в Сестрорецк считалась одной из лучших в России и была в отдельных местах выложена булыжником.

Собственно дорога в Петербург, хорошая или плохая, для сестрорецких оружейников не имела значения. Ведь они были казенными крепостными, работали на заводе по 12-14 часов и в столице им делать было нечего.

Правда, 2-3 раза в год, обычно осенью, в Петербург отправляли продукцию сестрорецких чулочниц. За год они вывязывали по 25 000 пар нитяных чулок и с разрешения заводского начальства, выбрав «бригадиршу», подводами отправляли их на столичные рынки для оптовой продажи.

С начала XIX века на наше Северное побережье начинают обращать внимание

Проект ж.д. ветки от Финляндской ж.д. до Сестрорецка
(Публикуется впервые)

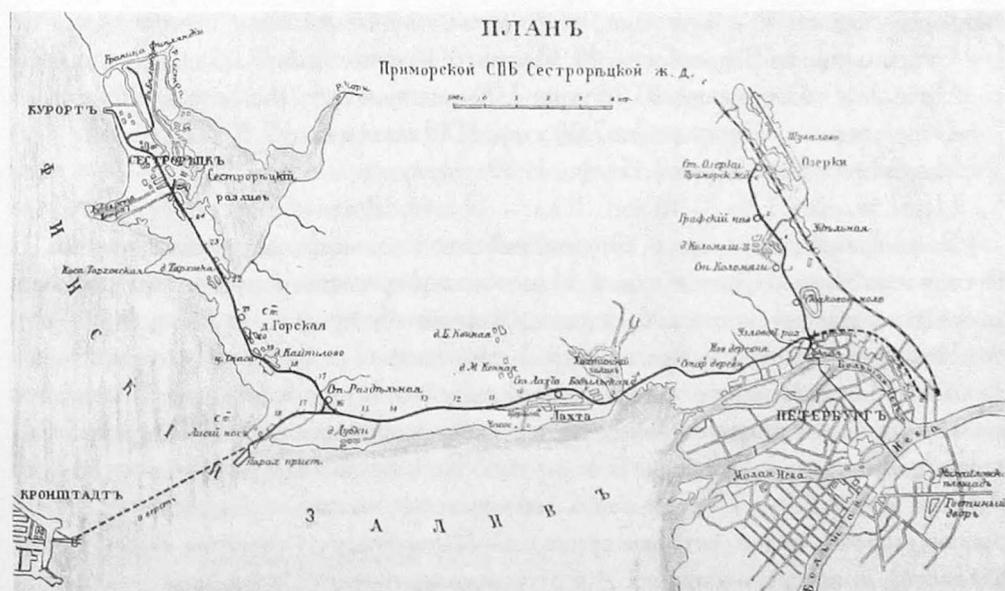
петербуржцы, выезжая на дачу. Постепенно осваивается Старая и Новая деревни и район Черной речки. Дальше не добраться. Все упирается в плохую дорогу.

В прибрежных местах проводились маневры войск петербургского гарнизона и, ожидая возможного приезда Императора, специальные комиссии проверяли состояние дороги.

Во время Крымской войны титулованные господа ездили в Сестрорецк, чтобы с песчаного бугра лицезреть вражескую эскадру, крейсирующую вдоль Северного берега Финского залива.

В 1860-х годах встал вопрос о соединении Петербурга с незамерзающими портами Великого княжества Финляндского, и военные выступили с предложением провести железнодорожную линию через Сестрорецк. Но поскольку дорога проектировалась и строилась на деньги Финляндского Сената, финский Сейм выбрал более дешевый и прямой вариант дороги. Для улучшения транспортных связей завода и Сестрорецка прокладывают подъездную ветку от границы с княжеством в Сестрорецк. Строительство этой ветки обошлось казне в 170 000 рублей. Движение поездов по ней открыли летом 1872 года, передав в административное подчинение Управлению финляндских железных дорог. Линия железной дороги проходила по заречной части (там, где сейчас поселок Дюны, развилка «39 км.») и, не пересекая р. Сестру, подходила к заводу со стороны Песков.

По этой ветке кроме грузовых поездов, организовали и пассажирское сообщение. Движение пассажирских поездов началось летом 1872 года. Время отправления поез-

План Приморской ж.д.

Порт (бухта) должен быть оборудован закрытым ковшем «для одновременной разгрузки до 4-х судов, вместительностью до 5000 тонн, и соединен железнодорожной веткой с Сестрорецком»².

Порт начали строить в устье рукава р. Сестры (ныне территория Сестрорецкого Курорта. Станция Сестрорецк (вокзал и платформа) находилась в центре селения на правом берегу нижнего русла р. Сестры (наб. реки Сестры, д. 11).

Дачники быстро освоили Сестрорецкие местности, тем более, что после пожара 1868 года для «разреживания горелых мест» были выделены участки в Канонерской казенной лесной даче. Известно, что среди первых сестрорецких дачников были Мария Гавриловна Савина, семейство Александра Шарэ и Николай Семенович Лесков.

Общество Сестрорецкой железной дороги вступило во владение веткой на правах концессии с последующим выкупом ее у государства. Ветка была передана Обществу с 19 апреля 1875 года для полной «правильной» эксплуатации. Финансовые дела общества оставляли желать лучшего. У Правления общества не складывались отношения с руководством Финляндской железной дороги.

Финны постоянно повышали тарифы на перевозку грузов по их дороге. Уже в 1876 году начальник пригородной полиции сообщает губернатору о беспорядках на строительстве порта в Сестрорецке в связи с задержкой выплат рабочим, занятым в его строительстве. Тогда же на недостроенной соединительной железнодорожной ветке между гаванью и Сестрорецком инженер Ф. А. Пироцкий впервые испытал способ передачи электроэнергии по рельсам (прообраз будущего трамвая).

Общество вынуждено было использовать для перевозки пассажиров товарные вагоны, установив в них деревянные лавки. Затем включают в расписание «смешанные поезда» — грузовые (товарные) вагоны и вагоны 2-го и 3-го классов. Вот что писал в своих воспоминаниях о лете, проведенном в Сестрорецке, сын Н. С. Лескова Андрей: «Лето 1878 года мы жили в Сестрорецке, в доме какого-то оружейного мастера, из молодых. Добраться туда было сложно: финляндским поездом до Белоострова, а оттуда узкоколейной кукушкой»³.

Идея правления Сестрорецкой железной дорогой построить торговый порт в устье Сестры встретила яростное сопротивление со стороны тогдашнего Министерства путей сообщения, занятого углублением морского канала и строительством глубоководного порта в Петербурге. Терпя убытки, Общество вынуждено было отказаться от прокладки Тарховской линии вдоль берега залива и признало свою несостоятельность⁴.

В конце 1885 года было объявлено о прекращении движения поездов по линии Белоостров—Сестрорецк с 1 января 1886 года. И это несмотря на то, что жители, в основном торговцы и те, кто занимался дачным промыслом, пишут ходатайства о во-

² Путеводитель по железным дорогам России. 1872. № 22–24.

³ Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова. — ГИХЛ. 1954.

⁴ Миллер М. И. По вопросу о ликвидации Приморской железной дороги. СПб. 1883.

зобновлении движения поездов. Окончательно добило Сестрорецкую железную дорогу решение Главного почтового управления закрыть телеграф на пустующем Сестрорецком вокзале.

Имущество Сестрорецкой железной дороги было передано во временное управление Управлению казенных дорог Министерства путей сообщения. Неоднократно назначенные торги не обнаружили желающих тратить свои средства на это дело.

Узнав о закрытии Сестрорецкой железнодорожной ветки, инженер-механик, предприниматель Петр Александрович Авенариус предлагает Городской Думе построить конку от Новой Деревни до Сестрорецка. К этому времени — он человек известный в городе. Ему принадлежит построенная им же Невская пригородная конно-железная дорога от Полтавской ул. до Щемиловки (район нынешнего моста им. Володарского).

Пока идут хлопоты по этому делу, а продолжались они 5 лет, Петр Александрович создает акционерное общество Приморской С.-Петербургско-Сестрорецкой железной дороги, что и было отмечено торжественным обедом 8 февраля 1889 года в одном из ресторанов города.

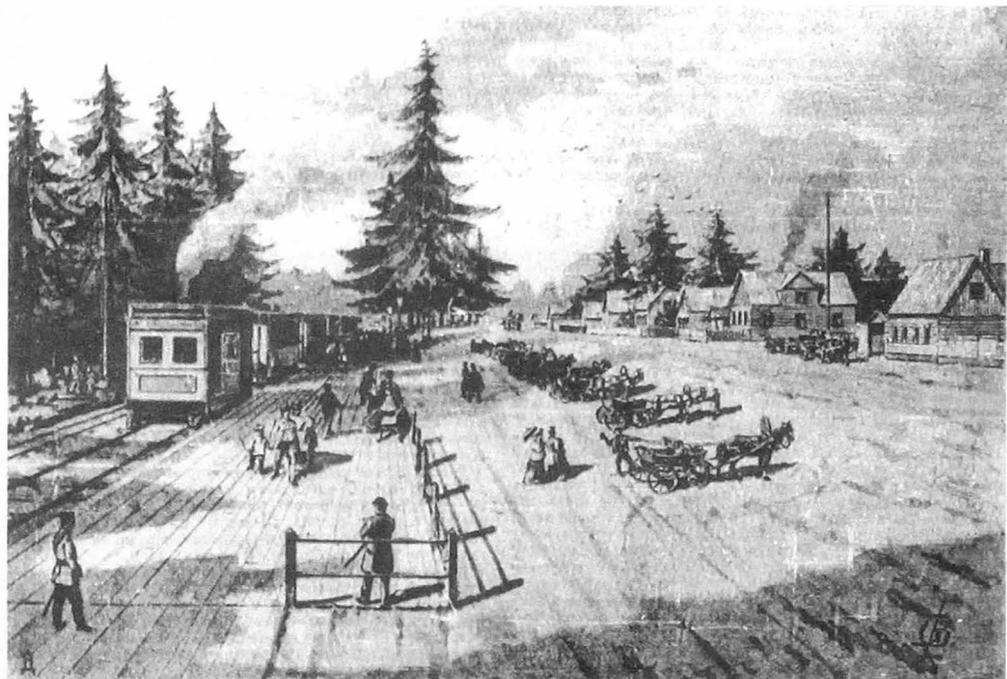
30 января 1890 года было получено разрешение, и согласно Положению о постройке и эксплуатации Приморской С.-Петербургско-Сестрорецкой железной дороге

Петр Александрович Авенариус.
Фото 1880-х гг.

«разрешалась» возможность применения на ней механической тяги. 23 августа того же года Петр Александрович предлагает Временному Управлению приобрести в свою собственность казенную часть имущества Сестрорецкой железной дороги, за исключением паровозо-вагонного парка. Паровозы типа «Борзиг», построенные в Санкт-Петербурге на заводе Русского общества, годились разве что на металлолом. Возможно, тогда же была приобретена береговая часть железнодорожного полотна и участок железнодорожной станции «Портовая»: вокзал, два жилых дома, конюшня, водонапорная башня и ватер-клозет, которые охранял сторож Андрей Сиппо, живший с семьей в вокзале на пристани.

29 июня 1892 года под звон колоколов, в день тезоименитства Петра Авенариуса, было объявлено о том, что император подписал «Условия постройки и эксплуатации Приморской С.-Петербургско—

Станция Сестрорецк. 1895 г.

Сестрорецкой железной дороги с ветвями»⁵. «Условиями...» была предписана постройка железнодорожной колеи в 152,4 см с легким верхним строением и кривыми малого радиуса. За год были построены: здание вокзала (Приморского), платформы на берегу Большой Невки (Приморский пр., д. 17–19) и головной участок дороги от Новой Деревни до Озерков. Движение первых поездов на этой линии началось 5 августа 1893 года. Поскольку железнодорожная линия строилась без государственных субсидий, только на средства общества, то «Строителю высочайше разрешенной С.Петербургско-Сестрорецкой железной дороги» П. А. Авенариусу приходилось выкупать у частных владельцев, крестьян, у графа Стейнбок-Фермора земли под полосу отчуждения железной дороги. Вот что он пишет управляющему имения «Лахта» Александру Карловичу Гагену: «Уведомляю Вас, что сегодня 5 сентября был сход крестьян Лахты и Бобьельской коими постановили продать под устройство железной дороги полосу земли шириною 10 сажен (21 м) по 1 р. 50 коп. за каждую саж»⁶. Линия от Новой Деревни до Сестрорецка была разделена на участки, которые разрешалось вводить в эксплуатацию по мере их готовности: Новая Деревня — Лахта, Лахта — Лисий Нос с ответвлением к пристани, Лисий Нос — Сестрорецк. Для устройства полотна и укладки рельс со шпалами было привлечено много пришлых рабо-

⁵ Условия постройки и эксплуатации Приморской железной дороги. МПС СПб. 1892.

⁶ Письмо от 5 сентября 1893 г. Архив автора.

чих, которые селились в ближайших к стройке деревнях. Полиция строго следила за рабочими, их отношениями с руководством дороги и подрядчиками. Полицейский пристав доносил: «Сего 27 апреля (1894 года. — Авт.) приступили к постройке ветки Приморской железной дороги от Новой деревни к деревне Лахта. Рабочих прибыло в д. Лахта до 350 человек и размещены они частью в имении Дорофея Афонасьева. Все обстоит благополучно, о чем имею честь доложить Вашему Высокородию»⁷. Работы велись настолько быстро, что первый участок до Лахты был готов для движения служебных поездов уже 26 июня. 12 июля 1894 года состоялось торжественное открытие участка от Узловой до Лахты (Узловая, позднее разъезд 2-я верста — нынешняя станция Новая Деревня). Судебный пристав сообщал: «Сегодня состоится открытие для движения поездов части главного пути С.-Петербургско-Сестрорецкой железной дороги от станции Узловой, что близ Новой Деревни, до станции Лахта. На Узловой, поэтому, в 2 часа дня будет совершено молебствие с водосвятием и окроплением Святою водою зданий железнодорожных мастерских. После этого и разрезания ленты у начала вновь сооруженного пути, участвующие на заготовленном

Меню торжественного обеда
(Публикуется впервые)

к тому времени экстренном поезде направляются в Лахту. Здесь последует окропление святою водою станции и других железнодорожных построек... На площадке у вокзала будут находиться дети дачных жителей, до 200 мальчиков и девочек, занимающихся гимнастическими упражнениями в Лахте под руководством живущего там домовладельца К. Ф. Грюнбаума, причем одна из девочек преподнесет Его сиятельству (губернатору. — Авт.) букет цветов. В зале вокзала будет сервирован завтрак». Сохранилось меню этого торжественного завтрака, оформленное изображением эмблемы железной дороги и флага с шуточными названиями блюд, подаваемых гостям.

Следующие участки дороги строятся также быстро. «На Приморскую железную дорогу на вольные работы прибыло 30 августа 21 человек нижних чинов лейб-гвардии Павловского полка... 5-го сего сентября на Приморскую железную дорогу при-

⁷ Волков Г. Приморская железная дорога. Сестрорецкий инструментальный. 27.07.1990.

было на вольные работы 20 нижних чинов лейб-гвардии Московского полка».

31 октября началось «правильное» регулярное движение пассажирских поездов до деревни Лисий Нос и 26 ноября до Сестрорецка. Следует отметить, что местонахождение железнодорожных станций в 1894 году не совпадало с их нынешним. Учитывая разрешенную длину Приморской железной дороги в 25 верст, можно предположить нахождение тогдашней станции Сестрорецк в районе современного перегона Разлив — Сестрорецк. Журнал «Нива» летом 1895 года поместил первый рассказ о Приморской железной дороге, сопроводив его изображением станции Сестрорецк. «На нашем рисунке изображен момент прихода поезда, остановившегося в тени пихт и елей. Толпа пассажиров высыпала на простую дощатую платформу».

К сожалению, количество пассажиров на новой ветке было недостаточным и не обеспечивало ее прибыльность. Дачники только присматривались к редким возможностям покупки земли, так как почти все земли вдоль железной дороги от Лахты до Сестрорецкой волости принадлежали семейству Стенбок-Ферморов. Для поправления своих финансов правление С.-Петербургской-Сестрорецкой железной дороги выпустило акции на 2 млн. рублей.

Когда в 1895 году открыли железнодорожную ветку к пристани Морского ведомства на мысе Лисий Нос, пришлось вносить изменения в названия станций. Вот что писал П. А. Авенариус 12 февраля 1896 года в письме петербургскому уездному исправнику: «При постройке С.Петербургской-Сестрорецкой железной дороги находящаяся на 21-й версте станция была названа Лисий Нос, а станция в конце ветки к пристани Морского ведомства на мысе Лисий Нос названа Лисьеносинская Морская пристань».

В виду сходности названий, во избежание ошибок в определении станций служащими и пассажирами, означенные станции на основании предписания Департамента железных дорог от 15 января с/г № 661, с 1-го февраля переименованы: «Первая — в ст. Горская, а вторая — в ст. Лисий Нос».

К сестрорецким жителям-оружейникам, особенно имеющим дома в Канонерской слободе, вернулся дачный промысел (сдача домов дачникам), почти заглохший после закрытия Сестрорецкой железной дороги. Правда, сами сестрорецкчане даже 3-м клас-

Лицевая сторона акции. 1895 г.

сом пользовались крайне редко. Билет в одну сторону в зеленом вагоне (3-го класса) стоил 40 коп., а при среднем заработке большинства оружейников 50 — 70 коп. в день им это было явно не по карману.

Терпеть убытки председатель правления Приморской железной дороги П. А. Авенариус не мог. Он начинает искать выход из создавшегося положения и находит его. § 14 «Устава Общества приморской С.-Петербургско-Сестрорецкой железной дороги с ветвями», утвержденный императором в Петергофе в 6-й день июля 1895 года гласил: «В видах развития и успешной эксплуатации предприятия и в целях оживления местности, по которой пройдет дорога, Обществу предоставляется, с надлежащего каждый раз разрешения, с утверждения Правительства, на условиях, какие им будут указаны, устраивать вторые пути, ветви и морские купанья с лечебными при них заведениями по примеру существующих курортов... для чего приобретать в собственность или арендовать на сроки до 60 лет земли, пароходы, пристани, гавани и всякого другого рода имущество и возводить разного рода постройки».

Воспользовавшись этим параграфом Устава, Петр Александрович начинает хлопотать об устройстве Курорта. Опять хождение по чиновничьим кабинетам. Авенариусу помогают очень уважаемые в столице люди. Среди его единомышленников были профессор Войслав и доктор Л. Б. Бертенсон. Войслав — известный специалист-геолог по инженерному исследованию грунтов и основоположник алмазного бурения в России. Лев Бернардович Бертенсон — врач-терапевт, лейб-медик одного из великокняжеских дворов, лечивший многих известных писателей и ученых (Н. С. Лескова, А. Ф. Кони и др.), занимавшийся изучением минеральных вод и российских и иностранных. По-видимому, по их рекомендации А. П. Авенариус знакомится с министром государственных имуществ и земледелия Алексеем Сергеевичем Ермоловым и находит у него поддержку своей задумке. И как было не поддержать толковое дело?

Земли на берегу залива, за пределами жилой застройки Сестрорецка, составляли казенную Канонирскую лесную дачу. На полянках сестроречане пасли скот, да иногда удавалось использовать сушильняк на дрова. Казне эти земли прибыли не приносили. С согласия А. С. Ермолова, по представлению Министра путей сообщения Хилкова 9 (22) июня 1898 года кабинет Министров принял решение: «Разрешить правлению акционерного общества С.-Петербургско-Сестрорецкой приморской железной дороги устроить Курорт в устье реки Сестры, на берегу Финского залива, для чего выделить в безденежную аренду сроком на 60 лет 54 десятины (почти 60 гектар) казенной земли»⁸.

При всей привлекательности этого решения оно было оговорено жестким условием: «Продлить железную дорогу до Курорта и далее до границы и устроить сам Курорт за два года»⁹. Сделано это было, чтобы не допустить земельных спекуляций и

⁸ Железнодорожное дело. 1898. №38-39. С.500

⁹ Там же.

долгостроев. Одновременно с этим решением Правительство зарезервировало в Заречной дачной местности (район «Детских Дюнь») участки для строительства дач благотворительных заведений, а земли от будущего Курорта до жилой застройки Сестрорецка (Ермоловский пр. и прибрежная часть до Дубков) начали сдавать в аренду с торгов под дачное строительство.

«Задолго до возбуждения об этом (строительство Курорта. — *Авт.*) ходатайства Правление общества, желая создать Курорт, отвечающий насущным потребностям в нем жителей С.-Петербурга и ближайших к нему населенных пунктов, уже с 1896 года начало, при участии своих членов и специалистов по медицинской и техническим частям, знакомиться за границею в известных курортах Европы с их устройством и способами ведения дела»¹⁰.

Уже в январе 1899 года газета «Котлин» пишет: «Обществом Приморской С.-Петербургско-Сестрорецкой железной дороги приступлено к изысканиям для постройки железнодорожных ветвей от вокзала Сестрорецка до границы с Финляндией, к местному оружейному заводу и к ряжевой гавани». Буквально через месяц та же газета продолжает: «Открытие движения по Приморской железной дороге состоится в первых числах мая текущего года, причем через ручей (Водосливной канал. — *Авт.*)

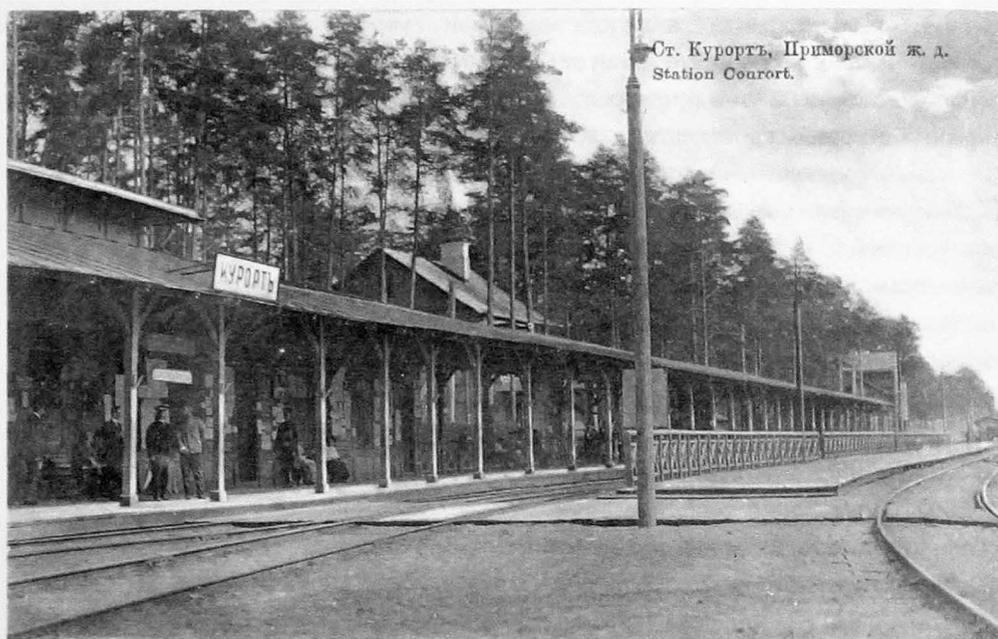

Сестрорецкъ. Приморской ж. д.
Вокзалъ. Въ ожиданіи поѣзда.

Gare de Sestroretzk.
En attendant l'arrivée du train.

Станция Сестрорецк, 1898 г. Открытка конца XIX века

¹⁰ ЦГИА. Ф. 9672, Оп. 1, Д. 261.

Станция Курорт. Открытка конца XIX века

Поезд Приморской ж.д. Открытка конца XIX века

будет устроен временный деревянный мост, строящийся же каменный мост будет готов к половине июня. Курорт откроется в мае 1900 года».

Строили с усердием и замахом на будущее. Исполняющий должность начальника Сестрорецкого Оружейного завода полковник Мосин 16 октября того же года пишет: «Уведомляю Правление дороги, что со стороны Сестрорецкого Оружейного завода не встречается препятствий к открытию движения через железнодорожный мост к конечному пункту дороги и по ветке к угольным складам завода».

Железнодорожную станцию Сестрорецк перенесли к Дубковскому шоссе, и наконец открылся наш вокзал.

Железнодорожное полотно от Сестрорецка к строящемуся Курорту делают двухколейным. Станция Курорт становится узловой многопунктной. Большинство поездов от Приморского вокзала шли до станции Курорт. Какие же станции были на Приморской железной дороге: Новая Деревня (Приморский вокзал) — разъезд 2-я верста — Узловая (современная ст. Новая Деревня) — Лахта — Раздельная — Горская — Тарховка — Разлив — Сестрорецк — Ермоловская — Курорт.

Уже весной 1900 года началось рабочее движение поездов на участке Сестрорецк — Курорт. 7 (20) июня 1900 года было совершено освящение и торжественное открытие Курорта, а 10 (23) июня (в субботу) три экстренных (спешных) поезда доставили «широкую публику» на станцию Курорт. Обычный поезд одолевал расстояние в 30 верст за 1 час 7 минут, а экстренный за 45 минут. За железнодорожным мостом началась короткая ветка в Дюны с двумя станциями: Школьная и Дюны, которая находилась у самого берега Ржавой канавы.

О развитии курортного дела в Сестрорецке и окрестностях речь пойдет в следующем томе нашего издания.

Заключение

Многое из того, что произошло в XIX веке, сформировало тот облик Сестрорецка, который еще можно увидеть на его старых улицах. Сестрорецкий завод прочно вошёл в число лидеров оружейного производства. Но прогресс неумолимо охватывал все стороны жизни города. Бесконечные, подчас авральные работы на заводской площадке сменились размеренным обслуживанием паровых и электрических машин.

Открытие Приморской железной дороги раскрыло новые возможности Сестрорецка как дачного и курортного центра Карельского перешейка. Постепенно началось вытеснение Оружейного завода с градообразующих позиций.

В третьем томе мы расскажем об архитектуре модерна, нашедшей свой приют на дачах Сестрорецка, о формировании Курорта, о замечательных оружейниках Сестрорецка, первыми в России создавших автоматическое оружие, и многом другом.

Литература

Авсеенко. В. Н. История города С.-Петербурга в лицах и картинках 1703—1903. СПб., 1993.

Балашов Е. А. Карельский перешеек. Земля неизведанная. Ч. 1. Юго-западный сектор. СПб., 1996.

Балашов Е. А. Русское население на Карельском перешейке (XVIII — пер. половина XX). *Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы третьей ежегодной Международной научной конференции (2001 г.)*, СПб., 2002.

Балашов Е. А. Русские усадьбы на Карельском перешейке. Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы четвертой ежегодной Международной научной конференции (25-26 апреля 2002 г.). *Сост. В. Н. Барышников, С. Ю. Трохачев*. СПб.: РХГИ, 2003.

Беликов В. В. Искусственное водохранилище: «Озеро Сестрорецкий Разлив». СПб., 1999.

Беликов В. В. Тайны озера Разлив. СПб., 1999.

Бронзова Л. Ф. История основания поселков Графская — Дибунь — Песочный». *Курортный район. Страницы истории. Выпуск II*. СПб., 2006.

Брун С. А. Очерк Сестрорецкой волости Петербургского уезда. *Изв. Имп. Русск. геогр. о-ва, 1875, т. XI*.

Василевская Н. А. Парк «Дубки» с гидротехническими сооружениями. Историческая справка. *Рукопись*. Л. УГИОП. 1989. 118 с. Фонды парка «Дубки».

Волков Г. Приморская железная дорога. *Сестрорецкий инструментальный*. 27.07.1990.

Гамченко С. Раскопки на побережье Финского залива. Записки отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического о-ва. Т.8, вып. 2. СПб., 1909.

Гаусман Р. Исторический очерк гидротехнических сооружений Сестрорецкого оружейного завода. *Инженерный журнал 1861. №1*.

Годес Я. Г. Этот новый старый трамвай. Л., 1982.

Головин В. В. Очерк истории русских деревень в Финляндии. *Российское зарубежье в Финляндии между двумя мировыми войнами*. СПб., 2004.

Грекова Т. И., Голиков Ю. П. Медицинский Петербург. Очерки, адресованные врачам и их пациентам. СПб., 2001.

Горышина Т. К. Растительный мир старого Петербурга. *Невский архив: Историко-краеведческий сборник*. СПб., 1993.

Густавсон Г. М., Кряжева Л. П., Малыгина-Феофилактова Н. И. Малыгины — потомки петровского рудознатца. *Курортный район. Страницы истории*. Вып. 3. СПб., 2007.

Давиденко А. И. Сестрорецк. Очерки по истории города. Л., 1962.

Даринский А. В. Высшие учебные заведения старого Петербурга. СПб., 2002.

Даринский А. В. Ленинградская область. Л., 1975.

Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV—XVII вв. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980.

Дубяго Т. Б. Русские регулярные сады и парки. Л., 1963.

Железнодорожное дело. № 38 — 39, 1898 г.

Исаченко Г. А. «Окно в Европу»: история и ландшафты. СПб., 1998.

История Сестрорецка и его окрестностей. Т. 1. СПб., 2006.

Карельский перешеек (схема исторических и культурных памятников). Масштаб 1:200000. ГУГК СССР. М., 1991.

Историческая справка о дворцово-парковом ансамбле начала XVIII в. в Дубках. Пояснительная записка к проектным предложениям по определению охранных зон и зон регулирования застройки парка Дубки в Сестрорецке. ЛенНИИПроект. Мастерская № 1. (Б. В. Николащенко) Л. 1984. Рукопись. (Фонды ГИОП и парка «Дубки»).

История Сестрорецка и его окрестностей. Т. 1. СПб.: «Остров». 2006.

Карельский перешеек. Земля неизведанная. Часть 7. Центральный спектр Муолаа — Яюряпяя. (Красносельское — Барышево). СПб., 2005. Сост. **Орехов Д. И.**

Кепп Е. Е. Выборг. Выборг, 1992.

Книга о Санкт-Петербурге. Учебное пособие. СПб., 1997.

Лайранд Н. И. Анатомо-физиологическое исследование древесных растений парка «Дубки» с целью повышения их биологической устойчивости. Отчет по научно-исследовательской работе. Ленинградская Лесотехническая академия, 1973. Рукопись. Фонды парка «Дубки».

Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова. — ГИХЛ, 1954.

Малышева Н. В., Николаев П. М., Нешатаев В. Ю., Рейман А. Л., Власов Д. Ю. История создания и современное состояние Сестрорецкого парка «Дубки». *Вестник СПбГУ. Сер. 3. 1995. Вып. 2 (№10)*.

Миллер М. И. По вопросу о ликвидации общества Сестрорецкой железной дороги. СПб., 1883.

- Михайлов Н. В.** Лахта: Пять веков истории. 1500—2000: Исторический очерк, документы, воспоминания. М., 2001.
- Некрасова В. А.** Путеводитель по северным окрестностям Ленинграда. Л., 1927.
- Немиров Г. А.** Петербург до его основания. Очерк истории р. Невы и местности нынешнего Петербурга до 1703 г. Ч. 1—4. СПб., 1888—1892.
- Очерки истории Ленинграда. М. — Л., Изд. АН СССР. Т. 1. 1955, Т. 2. 1957.
- Орфеев А., Неклюдов М.** Сестрорецк. Краткий исторический и современный очерк с описанием курорта. СПб., 1900. (с планом селения Сестрорецк).
- Оружейный сборник. 1903, № 1.
- Памятник искусств и вспомогательных знаний. Т. 2. Тетрадь 10. Сестрорецк. СПб., 1843.
- Полный путеводитель по Петербургу и всем его окрестностям. Сост. **Ф. В. Домбровский**. СПб., 1896.
- Путеводитель по дачным окрестностям Петербурга на 1903 год. Издатель **Иодко**.
- Путеводитель по железным дорогам России 1872, № 22—24.
- Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Сост. М. Йокиппи. М., 1989.. Ювяскюля., 1995.
- Путеводитель экскурсии 2-го съезда Общества почвоведов России. СПб, 1996.
- Путеводитель по окрестностям Санкт-Петербурга. Образовательные детские прогулки. Под ред. **И. Н. Михайлова**. СПб., 1902.
- Раунер С.** Историческая роща Дубки под Сестрорецком. *Лесной журнал*, 1883. Т. 13.
- Растворова О. Г.** Сестрорецкие Дубки от Петра I до наших дней (историческое и природоведческое исследование). СПб., 2004.
- Растворова О. Г.** Сестрорецкие Дубки. Век XVIII. *История Сестрорецка и его окрестностей*. СПб, 2006. Т. 1.
- Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 3. Озерная область Ред. **В. П. Семенов (Тян-Шаньский)**. СПб., 1900.
- Сеселкина Л. М.** Обзор документов по истории Райвола в фондах Российского государственного исторического архива. *Райвола — Роцино: история и люди. Материалы научной конференции. 22—23 сентября, 1999 г., Выборг, 2000*.
- Сестрорецкий инструментальный завод им. Воскова. Л., 1968.
- Собичевский В. Т.** Экскурсия членов Лесного общества на Сестрорецкие дюны и в лесную дачу «Дубки». *Лесной журнал*, 1884. Т. Вып. 10.
- Терехов Н.** Развитие оружейного дела в Российской империи: Сестрорецкий оружейный комплекс в XVIII веке. *Герценовские чтения, СПб., 1998*.
- Терюков А. И.** Русское население Райвола — Роцино. *Райвола — Роцино: история и люди. Материалы научной конференции. 22—23 сентября, 1999 г., Выборг, 2000*.

Толстопятов С. И. Дубки дальние у Сестрорецка, «Аврора», 1973. №9.

Условия постройки и эксплуатации Приморской железной дороги. МПС. СПб, 1892.

Успенский А. И. Подзорный дворец и «Новые палаты» в Дальних дубках. Художественные сокровища России. Петр I, СПб. 1903, № 2-3.

Цинзерлинг Ю. Д. География растительного покрова Северо-запада Европейской части СССР. Труды Геоморфологического института АН СССР. Сер. физико-геогр., вып. 4. Л., 1934.

Цоффка В. В., Нилиц А. В. Усадьба Н. П. Голицыной в Выборгской губернии. Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы четвертой ежегодной Международной научной конференции (25–26 апреля 2002 г.) Сост. В. Н. Барышников, С. Ю. Трохачев. СПб.: РХГИ, 2003.

Шубинский С. Н. (Напечатано под инициалами С. Ш.). Память Петра I в Сестрорецке Исторический вестник, 1885, Т. 22, № 10–12.

Этнографический атлас Европейской России. Сост. П. Кеппен. СПб., 1848. (Масштаб карт 1:420 000). Рукопись. Фонды Русского Географического о-ва. СПб.

Яковлев В. Д. Мой Сестрорецк. Сестрорецк, 2006.

Коротко об авторах

АМИРХАНОВ Леонид Ильясович, литератор, издатель, Лауреат премии им. Екатерины Дашковой;

ГАРАЕВА Раиса Николаевна, филолог, руководитель Краеведческого центра Центральной библиотеки имени М.М. Зощенко Центральной библиотечной системы Курортного района;

ДОРОГИН Виктор Александрович, журналист;

РАСТВОРОВА Ольга Григорьевна, доцент, кандидат биологических наук;

РЕННИ Сергей Владимирович, краевед;

РИВКИН Борис Еремеевич, директор музея Сестрорецкого курорта;

РУДАКОВА Людмила Петровна, старший научный сотрудник Военно-исторического Музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Содержание

Вступительное слово — <i>А.В.Вишневский</i>	3
Введение — <i>О.Г.Растворова, Р.Н.Гараева</i>	5
СЕСТРОРЕЦК И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ В XIX ВЕКЕ	7
Общие закономерности развития региона — <i>О.Г.Растворова</i>	9
Экология Сестрорецка в XIX веке в описаниях современников — <i>О.Г.Растворова</i>	59
Парк Дубки в XIX веке — <i>О.Г.Растворова</i>	67
СЕСТРОРЕЦКИЙ ОРУЖЕЙНЫЙ ЗАВОД	77
Сестрорецкий Оружейный завод в XIX веке — <i>Л.И.Амирханов, Л.П.Рудакова</i> ...	79
Собственность Сестрорецкого оружейного завода в окрестностях северной столицы — <i>Р.Н.Гараева</i>	107
ЗАВОДСКАЯ ПЛОТИНА И ОЗЕРО РАЗЛИВ	129
Реконструкции заводской плотины в XIX веке — <i>В.А.Дорогин</i>	131
ЖИЗНЬ СЕСТРОРЕЦКА В XIX ВЕКЕ	145
Сестрорецк во время Крымской войны — <i>Л.И.Амирханов, Л.П.Рудакова</i>	147
Без храма и погоста нет жилого места — <i>Б.Е.Ривкин</i>	155
Аз, Буки, Веди — <i>Б.Е.Ривкин</i>	173
Медицинское обслуживание — <i>Р.Н.Гараева</i>	189
Начало деятельности почты в Сестрорецке — <i>С.В.Ренни</i>	193
Пути — Дороги — <i>Б.Е.Ривкин</i>	202
Заключение	216
Литература	217
Коротко об авторах	221

«ИСТОРИЯ СЕСТРОРЕЦКА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ»

ТОМ II

Издательство «ОСТРОВ»

Лицензия ИД №03938

Редакционная коллегия

Л.И.Амирханов, Р.Н.Гараева, О.Г.Растворова

Авторский коллектив

*Амирханов Л.И., Гараева Р.Н., Дорогин В.А., Растворова О.Г.,
Ренни С.В., Ривкин Б.Е., Рудакова Л.П.*

Оригинал-макет и оформление обложки — *Калашников Б.О.*

Литературное редактирование — *Амирханов Л.И., Храмова Я.Р.*

Техническое редактирование

Соловьев В.А., Кондратьева А.А.

Корректор — *Гайдина А.А.*

Допечатная подготовка — *ИП Соловьев В.А.*

Иллюстрации — предоставлены авторами, а также

*Краеведческим центром Центральной библиотеки им. М.М.Зощенко и
Военно-историческим Музеем артиллерии, инженерных войск и войск связи*

На форзаце — Генеральная карта Сестрорецкого Оружейного завода и его окрестностей 1863 г.
из фондов Военно-исторического Музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

На 4 стр. обложки — рисунок *Марины Пименовой «Пушки»*

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ГУП «Типография «Наука»

199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура «Академия».

Тираж 2000 экз. Заказ № 4254

ООО «Издательство ОСТРОВ»
Выпускает литературу по истории Санкт-Петербурга
и Ленинградской области.

В 2007 году вышли книги:

В.Ф.Ткаченко. Форт «Красная Горка»,
А.Д.Калюжная. Петербургская сторона,
Т.М.Гусенцова, И.Н.Добрынина. Путешествие по Выборгской стороне,
Курортный район. Страницы истории. *Выпуск 3,*
Перкъярви – Кирилловское.

До конца 2007 года выйдут:

В.Ф.Ткаченко. Форт «Ино»,
Альманах «Цитадель». №14,
Л.И.Амирханов. По Финляндской железной дороге. От Петербурга до Рощино.

С предложениями и пожеланиями обращайтесь по адресу:
199004, Санкт-Петербург, а/я 71, Амирханову Л.И.

E-mail: zitadel@bk.ru

Генеральный план
Восторгоцкаго Суконнаго завода со окрестностями.

16. Двор с оградой для хранения латных материалов.
17. Михайловскія буфаловыя пазорки.
18. Магазин для хранения заводскаго привіянна.
19. Сухой двор хранения казеннаго сена.
20. Караулка у казеннаго двора.
21. Двор для хранения казеннаго сена.
22. Двор для хранения казеннаго сена.
23. Плотина для спуска воды.
24. Место урза заводскаго рига съезду.
25. Земля Пріоритетскаго Сестричества.
26. Место урза ризиса.

Списокъ.

1. Заводскія строения занятыя мастеровыми.
2. Каменная Урза св. Антоніева Пустыи и Палата.
3. Деревяная Урза св. Николая.
4. Каменная 3-я старшая Казарна.
5. Топильня.
6. Дом Командира завода.
7. — Полковника Командира.
8. — Секретаря Кривинія.
9. — Сестричества Архангела.
10. — Придворнаго Кривинія Комисси.
11. — Урза Сестричества.
12. — Полковника Булашкова.
13. — Соборнаго Кривинія.
14. — Полковника Гетмана Сестричества.
15. — Урза Кривинія Комисси.

I. II. III. IV.
Словои означаютъ разнородныя
строения принадлежащаго
завода.

Чертежъ составленъ
Архитекторомъ Суконнаго
Завода.

Чертежъ составленъ
Архитекторомъ Суконнаго
Завода.

ISBN 5-94500-054-X

9 785945 000544

